

Исмаил Ахмедов

СЛУЖБА В СТАЛИНСКОМ ГРУ И ПОБЕГ ИЗ НЕГО

БЕГСТВО ТАТАРИНА ИЗ РАЗВЕДКИ КРАСНОЙ АРМИИ

Источник: <http://lander.odessa.ua/doc/GRY.pdf>

Мемуары перебежчика, бывшего офицера советской военной разведки Исмаила Ахмедова, попросившего политического убежища в Турции в 1942 году, а затем в 1953 году выехавшего в США. Оригинал книги вышел в США в 1984 году. Несмотря на пропагандистский антисоветский характер, она представляет некоторый интерес, особенно, что касается раннего периода существования советской военной разведки, хотя достоверность некоторых моментов представляется сомнительной. В книге есть и явные ошибки, вроде путаницы двух братьев Кобуловых или утверждения, что Маяковский повесился (а не застрелился).

В переводе фамилия автора и главного героя мемуаров почему-то повсюду пишется как «Ахметов», хотя и в русских, и в иностранных источниках она пишется только как «Ахмедов /Akhmedov», поэтому здесь использован именно общепринятый у нас вариант написания.

Перевод с английского проф. Вила Мирзаянова
Принстон, США. 2007 год

Оригинал: Ismail Akhmedov, **In and out of Stalin's GRU: A Tatar's Escape from Red Army Intelligence**, University Publications of America, 1984

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Часть Первая

Детство

Революция

Юность

Часть Вторая

Выживание, I

Выживание, II

Война

Часть Третья

Посвящение

Решение

Ссылка

Ким Филби

Мир

ПРЕДИСЛОВИЕ

Возможно, название этой главы должно было бы звучать лучше по-сталински «Г-2», чем ГРУ. Г-2 является хорошо узнаваемым термином, предпочитаемым политиками и торговцами. Он непосредственно называет разведывательное подразделение генерального штаба. С другой стороны, ГРУ легче понимается как не КГБ.

Последний широко узнаваем как огромная, всесоюзная и иностранная политическая, разведывательная и охранная служба. Он был известен как КГБ, комитет государственной безопасности, с 1954 года, а до этого под различными сокращениями – МВД-МБГ, НКГБ-НКВД, НКВД, ОГПУ, ГПУ и Чека ленинских времен – и он имеет в качестве своих корней царскую Охрану, бледную тень нынешнего мощного КГБ. Ему уже почти 65 лет. Ему были посвящены многочисленные книги и бесчисленные монографии, журнальные статьи и газетные истории. Общеизвестно, что в 1973 году Джон Баррон почувствовал себя достаточно безопасным, чтобы назвать свою книгу «КГБ».

Однако, не так обстоит дело с ГРУ, несмотря на то, что его родословная длинна, оно работает за границей – под прикрытием – и даже содержит своих агентов и проводит подрывные операции в других государствах. Несмотря на то, что ГРУ, Главное Разведывательное Управление советского Генерального штаба, профессиональная армейская разведывательная организация. Он стал предметом лишь нескольких книг и, название ГРУ никогда не появлялось на их титульных страницах. Первой из этих немногих была опубликованная в Нью-Йорке в 1939 году книга перебежчика из ГРУ, которого двумя годами позднее нашли мертвым в запертном номере отеля в Вашингтоне. Все выглядело

как самоубийство, но последовавшая затем информация явно указывала на убийцу советского происхождения. Название книги гласило «*На сталинской секретной службе: Разоблачение русской тайной политики бывшей главой советской разведки в Западной Европе*» и ее автором был Вальтер Г. Кривицкий, прослуживший в различных отделах советской армейской разведки. Эксперты спорят о том, был ли Кривицкий больше агентом КГБ под прикрытием ГРУ, чем действительным офицером ГРУ. Несомненно, офицером ГРУ был покойный Игорь Гузенко, молодой советский перебежчик, который в 1945 году разоблачил широкую сеть активности ГРУ в Канаде и Соединенных Штатах. Он рассказал об этом в книге «*Железный Занавес*», опубликованной в 1948 году. Гузенко, чьи разоблачения явились существенным вкладом в западную безопасность, тем не менее, был лишь лейтенантом в ГРУ в течение нескольких лет и, будучи простым исполнителем, он не был оперативным офицером. Затем имеются *Статьи Пеньковского*, полковника ГРУ Олега Пеньковского. Разочаровавшись в советской системе, он передал драгоценные сведения о действиях как КГБ, так и ГРУ в западных странах британской и американской разведкам. Эти статьи, являющиеся бунтарскими в недавние времена, были опубликованы в 1965 году после того, как Пеньковский был схвачен КГБ, подвергся к пыткам и казнен. Однако, несмотря на их ценность, они не являются автобиографией. Имеются также истории двух офицеров ГРУ, которые были написаны другими. История «Игнаса Рейсса», убитого советскими агентами современника Кривицкого, была рассказана его женой Елизаветой К. Порецкой, в «*Наш народ: Воспоминания «Игнаса Рейсса» и его друзей*» (1970). История Петра Попова, подполковника ГРУ подобно Исмаилу Ахмедову, и жертвы советского правосудия подобно Пеньковскому, была рассказана в 1982 году William Hood в «*The True Story of the First Russian Intelligence Officer Recruited by the CIA*» (Действительная история первого русского офицера разведки, завербованного ЦРУ).

Ни одна из этих историй, однако, не дали нам систематического описания истории, структуры и операций советского Г-2. Более уместно сказать, что в терминах мемуаров полковника Ахмедова никто не написал искреннюю автобиографическую повесть о ранней жизни профессионального офицера ГРУ, о его учебе, разведывательной службе и разрыве с ГРУ. Это делает Ахмедов с самого начала до конца книги просто и ясно, с чувством юмора и трагедии, потерь и радости, рабства и освобождения. Полковник Ахмедов, он затем стал Исмаил Ага, когда он искал убежища в Турции в провинции Ага, родился и вырос во время и пространство, как в культурном, так и физическом отношении, вдали от своего нынешнего западного настоящего. Он родился в 1904 году, когда разразилась русско-японская война, и ему было всего 10 лет, когда началась Первая мировая война и ему было всего тринадцать лет, когда русская гражданская война косила большевиков и казаков в сражении за контроль над его городом Орск. Последний лежит на отрогах Уральских гор, на краю Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и вблизи от Казахстана и Центрально-азиатских республик СССР.

Для молодого Исмаила, сына учителя-торговца, он также был миром татар и ислама. Хотя мировые события вокруг мусульманских народов Среднего Востока и Африки создали ислам, по его названию, если не по существу, домашнее слово на Западе, то же самое более или менее справедливо по отношению к татарам. Однако, многие западные книги говорят о татарах и Золотой Орде, наступавших из Сибири на Запад веками ранее, нынешние люди на Западе знают очень мало об их потомках. Литературы о татарах даже гораздо меньше сегодня, чем о ГРУ. Ахмедов рассказывает нам, как молодой татарин, мусульманин, молодой коммунист, становился офицером разведывательной службы Красной Армии.

Для его роста была фундаментальной страстью к учебе, талант к языкам и расположение к трудным наукам. Все это сделало его способным, хотя оставшись рано в одиночестве из-за войны и революции, ходить неустанно между учебой и работой, но все время продвигаясь вперед. Когда ему было двадцать, он направился стать учителем в институт в Оренбурге (ныне Чкалов), затем в школу сигнальной связи в Ленинграде, в электротехническую академию и Академию Генштаба. Между этими годами обучения он преподавал, служил в батальоне радиосвязи и вел разведывательные операции на границе с Турцией и Ираном, работал как исследовательский инженер, служил в войсках в русско-финскую войну и затем стал начальником Четвертого Отдела ГРУ. Его работой было добыча информации по «высоким технологиям» армий западных держав.

Рост Ахмедова не проходило без опасностей, как это увидит читатель. Он выдвигался на высокие посты во время зенита сталинских чисток в конце 30-х годов, когда уничтожались не только высшие политические руководители страны, но и также крупные и маленькие начальники, находившиеся над ним. Это было время, когда личное выживание было повседневной заботой. Когда разразилась Вторая мировая война, к его военным заботам добавились политические проблемы и лишили его любимой жены Тамары. Это также было войной, как мы увидим, заставившей татарского инженера из Орска, мусульманина и ученого, разорвать со сталинской тиранией.

THOMAS F. TROY

ВВЕДЕНИЕ

Во имя Бога, Наиболее Милосердного, Наиболее Милостивого.

Я вижу, что возможно странно начинать книгу, в особенности, книгу такого характера, с имени Бога. Сегодня, надо говорить о чем-то другом. По-видимому, об экзистенциализме, материализме, философии, импрессионизме, сюрреализме, психоанализе или сексе, где имеется тенденция к пренебрежению ролью Бога.

Однако, это есть книга о советском шпионаже, о гражданской войне в России, о судьбе национальных меньшинств в царской и советской России, о сталинском геноциде, о коммунистической подрывной работе и проникновении, о крови, тяжелой работе и страданиях, к которым подвергаются массы советских людей во имя коммунизма. В этих сферах, если даже это отрицается, Бог весьма реален, Его милость и Его суд являются исключительно вечными силами.

Несмотря на существа вопроса, это не история. Его литературные дефекты очевидны. Это есть рассказ о моей жизни. Он написан мною о том, через что я прошел. Если даже его язык является английским, он является моим английским языком. Это не американский или британский английский язык. Это есть английский человека, выучившего его в последние годы своей жизни.

Я начинаю свое повествование с именем Бога, поскольку Он дал мне направление, смелость и разум для выбора моей свободы и моего пути по жизни. Лишь благодаря моей глубокой вере в Бога я смог больше не продолжать служить как раб политической системе, государству диктатуры, социальному шаблону, наложенному на мой народ, нацию и на других, жестоким аппаратом принуждения и режимом, основанном на постоянном обмане, на отрицании прав человека, на отрицании Бога, Создателя, Хранителя и Опоры Миров. Марксизм не заботится о конце мира. Согласно марксизму, мы, все, вся жизнь, вся вселенная, вся природа с ее удивительными законами и отношениями, пришли из ничего и отправимся через утопию неосуществимого коммунистического общества в ничто. И куда мы живы, мы являемся жертвами, инструментами нашего экономического окружения, лишенного свободы действий и мысли. Всего этого, в особенности, то, что мы пришли из ничего, незачем и покончим в ничем, я не могу принять. Вот почему я, один из первых комсомольцев, в конечном счете разорвал с коммунизмом.

Из-за того, что Советский Союз дал мне больше материалистического, потребовалось много времени, чтобы придти к такому заключению. По профессии я военный инженер-электронщик и офицер Генерального штаба. Из-за моего технического образования и знания нескольких восточных и западных языков я стал сотрудником управления разведки Советской армии, ныне более известного на Западе по инициалам ГРУ. Это шпионское назначение также помогло мне в моем решении отказаться от коммунизма. Работа в этом управлении дала мне шанс, исключительно редкий для советских граждан, читать западных авторов, в особенности, западных мыслителей. В то же самое время я узнал о новых западных разработках в областях теоретической физики, электроники и теоретической математики, которые накладывали осуждающую печать на ленинский материализм и энгельсовскую диалектику, и находились в противоречии с учением основателей марксизма-ленинизма. В результате таких чтений, постепенно, очень медленно, стали открываться мои глаза на многие вещи, не известные мне до того. Я за это благодарен. Если бы я не имел таких окошек на внешний мир, если, например, я бы работал на заводе или на другом гражданском объекте, то я не смог бы приобрести это знание о жизни в другом месте и, более вероятно, я бы не сбежал.

В моем случае, однако, мне была дана возможность изучать другие, некоммунистические, доктрины. И с ними я начал понимать, что-то неправильно с системой, задавать самому себе вопросы, сомневаться. Хорошо известно, что под советской системой думать о другом, противоположном к официальной линии, является преступлением, за это последует наказание. Не только я не хотел страдать за свободу мышления и действий, но я также знал из опыта друзей и знакомых, что заключение меня в тюрьму не послужит никакой полезной цели. Ожидание случая заняло более чем десятилетие, но, наконец, пришло время летом 1942 года. Затем я разорвал со Сталиным и его сотрудниками в Стамбуле, Турция, где в качестве подполковника ГРУ моей обязанностями были разведывательные операции под дипломатическим прикрытием против нацистской Германии.

Возможно, кто-то спросит, почему я ждал десятилетия рассказать мою историю. В первые годы, я честно признаюсь, я был слишком занят физическим выживанием и не имел времени написать ее. Теперь, однако, после того, как повидал многое в некоммунистическом мире, его периодическую борьбу с коммунизмом, циклических сомнений его молодежи о некоммунистическом образе жизни, я чувствовал, что пришло время, когда я должен говорить.

Мои начинания были такими же примитивными, как и у молодежи в нынешних так называемых неразвитых странах, более примитивны, чем у молодежи в непривилегированных частях Запада. Я также сразу поверил, что коммунизм предложил мне и моему народу решение. Так что, наберитесь терпения послушать рассказ старого человека, который должен был путешествовать по ложному пути всю свою юность и лучшие годы своей жизни. Моим Богом является Бог ислама, но Он является Богом всех, и я молюсь Ему в благодарности за мою судьбу и в надежде, что другие могут быть также счастливыми.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО

Я родился 17 июня 1904 года старшим сыном шестерых детей в Орске на отрогах Урала, где река Ор соединяется с Уралом, текущим в Каспийское море. По национальности я татарин с башкирской и казацкой примесью. Мое имя Исмаил Хусейнович Ахмедов. Это мое действительное имя. Позднее я имел много других имен из-за того, что так сложен и секретен шпионаж. Человек, вовлеченный в разведывательную работу, много раз меняет свое имя по соображениям безопасности и личной бдительности. Я позабыл большое число своих прозвищ, которых также имел.

В год моего рождения началась русско-японская война. В это время Орск был сонным городком около десяти тысяч жителей. Он все еще имеет значение приграничного поста, поскольку являлся одним из ворот для царского завоевания по направлению на Сибирь и юго-восток к землям моего, тюркского, народа. По русскому прозванию уездный город или главный город района, он не только был оккупирован, но и также разделен. Русское правительство, военные и бизнесмены жили в новой и лучшей части города за высокой, желтой православной церковью на вершине возвышенности, обнаженного каменистого холма высотой около 50 м, доминирующего над Орском. Для татар же были оставлены земли вдоль берега обеих рек и до коммерческого центра на слиянии рек. Единственными местами, где встречались русские и татары, были рынок, магазины, ларьки и оптовые базы древесины и загоночные двory в торговом районе. Покрытый булыжником всегда оживленный рынок и торговый центр тогда были знамениты со своими легкими шерстяными шальями.

Местом моего рождения был одноэтажный деревянный дом на Татарской улице, грязной, топкой и изрезанной колеями во время оттепелей и дождей, но подметенной и политой водой ее жителями в сухую погоду. Я помню, часть улицы была летним днем хорошо увлажнена моей прекрасной матерью по имени Фатима.

Мой отец, Хусейн, также помогал в этом. В те времена больше не было никого, кто бы мог им помочь. Его владением был не только пол, но целая комната. Позвольте мне описать это место счастливых дней. Параллельно улице был деревянный забор. Калитка открывалась в маленький сад со цветами, место для отдыха семьи и посетителей в летнее время. Из сада можно было входить в комплекс гостиной, спальни, обеденной комнаты и кухни в лице одной комнаты. На улицу выходило лишь окно с граненым стеклом, чем мы все гордились. Главным предметом в комнате размером 16 кв.м. была большая печь, которая занимала четверть всей площади. Сложенная из кирпича, она была квадратной и высотой около полутора метров. Жизнь была бы невозможна без этой печи. Вся еда готовилась там. Все тепло тоже шло оттуда. Вечерами она также давала немного света, хотя летом моя мама предпочитала использовать керосиновую лампу со стеклом, которая была одной из ее радостей из домашней утвари. Зимой печь была особым удовольствием для нас, детей, поскольку можно было тепло спать на ней. В момент моего рождения единственными предметами в этой комнате были большая пуховая постель моих родителей, несколько деревянных стульев, латунные и медные котелки для варки еды, ложки и ковши, глиняные чаши и деревянные тарелки. Здесь же было немного книг на тюркском и персидском языках, поскольку мои родители, по сельским меркам тех времен, оба были образованными людьми. С рождением нас, детей, место этой одной комнаты стало переполняться нашими кроватями. Сзади нашего дома было несколько построек. Первая служила в качестве «холодильника», навеса, покрывающего яму размером в 1, 2 на 1, 2 м и глубиной около 2-х метров. Каждой весной, когда наступала оттепель, мы шли на Урал сзади нашего двора. Оттуда мы волокли куски льда, которыми укладывали дно этой ямы, после чего сверху клали слой соломы для изоляции. Таким образом, независимо оттого, какие бы не были жаркие дни летом, в Орске зимы очень холодные и лета исключительно жаркие, наше молоко, квашенное молоко и масло всегда были свежими. За «холодильником» были постройки для фургона отца и его саней, нескольких коров и коней, овец, кур, уток и гусей. За этими постройками находился наш туалет, простая пристройка с вырытой в земле ямой. Однако, поскольку мы были мусульманами, там всегда имелась вода с реки для омывания. На противоположной стороне двора находился огород, где мы выращивали почти все, что было необходимо. В действительности, наша семья находилась на самообеспечении, за исключением, питьевой воды, которую мама ежедневно покупала у уличных торговцев водой, пшеницы, которую отец получал в качестве бартера и нашей ограниченной потребности в керосине. Такова была крепость моего отца, свадебное жилище моей матери и счастливый дом их детей.

Меня глубоко терзает боль, что мои собственные дети никогда не будут иметь радость и честь знать моих родителей. Они, увы, и вся остальная семья, отец, мать, брат и две сестры, умерли больше чем семьдесят лет тому назад от чумы и голода, как ранние жертвы коммунистического управления. Лишь двое избежали этой участи только потому, что умерли ранее. Фуат, наиболее близкий ко мне брат, не выжил из-за болезни, которая тогда называлась лихорадкой, и моя самая младшая сестра скончалась от чего-то, связанного с жаром. Они умерли до того, как мне было десять.

Мой отец был старшим из четырех детей, трех мальчиков и одной девочки, Закира, конезаводчика. Когда умер мой дедушка, мне было только пять лет и я помню его как сильного и веселого человека. Он был первым, кто мне рассказал о Чингисхане, Тамерлане, Саладине и о величии нашего народа. У него было столько коней, что он не знал им счета. И вдобавок, чем мой отец не очень гордился, Закир был

также великолепным мастером изготовления *кумыса*. Темнокожий мужчина с темными, почти черными глазами отец запомнился как человек среднего роста, около 1,7 м, с лицом, покрытым ямочками от оспы, от которой он выжил мальчиком. Он был горд своими чингисханскими усами и маленькой бородкой, которую тербил время от времени, когда впадал в глубокое раздумье. Его волосы представляли темный нерасчесанный клубок. Это потому, что по нашему обычаю головы мальчиков и мужчин брили дважды в год, оставляя волосы на них в беспорядке до очередного раза. Хотя я использовал с десяти лет обычную стрижку, по моему мнению, то, что мои волосы до сих пор в хорошем состоянии, они обязаны этому двухразовому в год бритью.

Здоровье отца было великолепным. Он никогда не болел, никогда не ходил к доктору. Глубоко религиозный человек, он всегда молился требуемые пять раз, никогда не курил, никогда не употреблял спиртное. Однако, он пил *кумыс*, от которого часто становился слегка пьяным и пел песни. *Кумыс*, хотя, как алкоголь, не был запрещен мусульманам и, подобно своему отцу, он пользовался этим. Участие мужчин в спорте, как это водится сегодня, тогда было не известно, но он был человеком свежего воздуха, любил коней, рыбалку и охоту и никогда не избегал трудной работы по раскалыванию дров, заботы за животными, доставки воды с Урала и приготовления еды. Поздней осенью и зимой, когда волки начинали скитаться вокруг Орска, отец и его друзья находили удовольствие в охоте на них на коне, вооружившись лишь деревянными дубинками.

По своей профессии он был имамом, учителем и мелким торговцем. Последние две профессии зависели от времени года. Три четверти года он был учителем около семидесяти мальчиков, в современной татарской начальной школе, современной, разумеется, для тех времен. Его предметами, все на татарском языке, были чтение, письмо, арифметика, основы арабской грамматики и Таджвит или правильное чтение Корана. Единственным доходом отца было преподавание, и он никогда не был большим. В каждый четверг мальчики приносили ему от своих родителей деньги: пять копеек, иногда, десять, но никогда больше. Мы обычно ждали его возвращение домой с копейками, завернутыми в большой носовой платок, и наблюдали, как он их считает. Иногда дети приносили ему масло, сыр или сладости, от особенно благодарных родителей. К концу весны, со школьными каникулами до осени, отец всегда загружал свой фургон товарами для бартера с кочевыми киргизами на севере и востоке и не возвращался до времени сбора урожая фуража и сборки древесины. В моем детстве он служил в качестве имама среди киргизов. Он, действительно, был исключительным человеком среди моего народа, в особенности, в те времена.

Одним из его исключительных качеств было то, что он был мужем одной женщины, что было редко в те дни среди татар. Я думаю, что это было результатом влияния сочинений его прогрессивных современников, в особенности, татар Крыма, которые призывали пробудить наш народ от вековой отсталости. Как мальчик, не понимая социальных причин за и против моногамии, я всегда был счастлив тем, что отец был мужчиной одной женщины. Сосед по другую сторону от нас имел четыре жены, и они всегда дрались, в то время как наш дом оставался мирным и спокойным. На верхнем конце нашей улицы жил бухгалтер так комфортабельно, что имел закрытое купальное место там, где его участок примыкал к Уралу. Он имел двух жен, но объяснил мне, что его дом свободен от криков и драк так же, как и наш, поскольку его женами были сестры.

Несмотря на прогрессивные взгляды отца на женитьбу, его невеста была выбрана им согласно обычаям времени, с согласия семьи. Как это было доказано в его случае, этот метод сработал более счастливо, чем это часто случается при нынешнем методе. Мать также была старшей из детей ее семьи из четырех девочек и двух мальчиков, которая была частично башкирской, частично казацкой со многими казацкими родственниками. Ее отец был по тогдашним стандартам богатым человеком, наследником поколений купцов, имеющих дело с текстилем, древесиной и мехом. Этот дедушка много путешествовал за пределами России, посещал Турцию, Иран и Аравию. Поскольку он совершил паломничество в Мекку, он был хаджи, титул, который давался мусульманам, которые были в священном городе. В конце нашей улицы, где она достигала Урала, он имел прекрасный дом, лучший в нашей округе, где стояли дома из глины бедных людей. Дедушкин дом был двухэтажным или трех-, поскольку, он имел также чердак. Он был полон хорошей мебели, доставленной из Петрограда и имел полки, полные книгами на многих языках, включая русский, язык, на котором большинство нашего народа отказывалось учиться. В результате, моя мама получила образование, редкое для татарской женщины, была обучена чтению, письму, арифметике и таджвиду. Тем не менее, ее не учили русскому языку, которого мой отец знал весьма ограниченно.

Несмотря на прошедшие годы, никогда не забуду, какая моя мама была тонкой и очень красивой женщиной. Также не забуду, какой она была нежной и приветливой. Это было не мягкость. Мать была действительной передовой женщиной своей эры и местности. Она умела стрелять и ездить верхом на коне как мужчина. Она умела также варить все, что она любила. Стройная, она должна была быть роста 1,55 м. Она была светлой с голубыми глазами, со светлой кожей и волосами золотого цвета. Эти волосы были для меня удивительным предметом. Она плела их до талии в два длинных ряда. В праздники, как это было модно тогда, он прикреплял ряд золотых и серебряных монет к концу каждой своей пряди. В завершение наряда она на каждую руку надевала набор золотых и серебряных браслетов с драгоценными камнями, не крупными, но настоящими из рубина, жемчуга, александрита, аметиста. Какая она была тогда обворожительной и как мы все были горды за нее!

Когда я был очень маленьким, мама, как все женщины, одевала чапан. Он был красивым, цвета радуги, покрывающий ее с головы до пяток и лишь с одним разрезом для глаз. Он покрывал не только ее

любимое лицо, но был громоздким и обременительным. Когда мне было шесть или семь лет, отец откликнулся на прогрессивные учения крымских татар больше чем словами и преподаванием. Он снял чапан с матери раз и навсегда. С этого времени она одевалась так, как делали татарские женщины до тех пор, пока нашу религию не одолело ханжество. С тех пор до ее смерти ее одежда в рабочие дни состояла из плиссированной блузки из хлопка или шерсти и юбки из подобных же материалов, разумеется, длиной до земли. В праздники она блестела в яркой шелковой блузке и юбке, с золотыми монетами, заплетенными в складки ее блузки. В такие праздники голова моего отца была яркой как его тюбетейка со многими цветами и с замысловатыми узорами.

Как я говорил, мать была удивительной поварихой. Она была хороша по части русских блюд, борща, супа, пирожков, но она была превосходна с татарскими блюдами. Больше я никогда не пробовал или попробую что-либо подобное ее перемячам, сделанных из рубленой баранины, покрытой тестом и жареными в масле, или белеша, покрытого пирога из кролика, картофеля, риса и морковки, испеченного в печи. И для нас, детей, она всегда имела чак-чак, смесь сваренной в масле кусков теста и меда, весьма липкое, но очень вкусное угощение.

Мы всегда ели на деревянном полу, покрытом ковром. Еда всегда начиналась с умывания рук теплой водой и мылом с последующим вытиранием полотенцем. Затем мы молились. Обычно молитву произносил отец. Когда он был в отъезде, то это делала мама до тех пор, пока мне не исполнилось восемь, когда я взял эту функцию на себя, к тому времени успев выучить наизусть несколько частей из Корана. Увы, не так хорошо я знаю его сегодня. У нас было немного ножей и вилок, однако, мы их использовали не так часто. После молитвы отец начинал резать мясо, давая каждому ребенку по ребру, которые жевали его, громко чавкая. Затем приходила очередь за супом, которого мы ели ложками, затем ели йогурт и завершали еду чаем. В конце еды также было обычаем еще раз мыть руки.

Мать не только всегда варила все, что мы любили, но она никогда не ругалась на нас, если даже мы вели себя не так хорошо. Обычно счастливая, она пела и журчала, когда заботилась о нас и работала. Ее любимой песней была «Когда поспевает яблоко, и оно спелое, то падает на трон хана». Она была печальна и озабочена лишь тогда, когда отец был в отъезде, и она тихо затыгивала «Если ты не вернешься ко мне весной, мой любимый, я буду ждать тебя осенью».

Моим ранним личным воспоминанием является болезненное событие – мое обрезание. Это случилось, я думаю, когда мне было четыре. Если бы я был старше, то я мог бы быть подозрительным, не только потому, что отец, но и дедушка приехал на карете к дому, чтобы взять меня с собой. Мы остановились около дома, в квартале, где мне велели снять мои штаны и трусы, как будто я должен был получить новые. Новую одежду я действительно получил, но не раньше, чем был обрезан. После того, как все кончилось, они покрыли то, что все еще осталось на месте, опилочным порошком. Это был антисептик тех времен. Он, должно быть, сработал, поскольку через пару дней я был объявлен выздоровевшим. Тогда со мной обращались как с местным героем, одаривая меня всем тем, чего бы я не захотел и также новой одеждой. В завершение, меня посадили со старым человеком в карету. Со знаком, что я уже обрезан, мы прошествовали по соседней округе. Из сладостей и фруктов, которыми меня одаривали при этом друзья и знакомые моих старших, образовалась маленькая горочка.

Когда мне было пять лет, меня отправили в медресе, религиозную школу, находящуюся через улицу напротив нашего дома, возле мечети. Только эти здания в нашем квартале были построены из камня. Я провел почти два года в этой школе, изучая ничего больше, чем Коран, но и запоминая его наизусть. Когда я его завершил, меня перевели в татарскую начальную школу, не в ту, где учил мой отец, а в другую, с аналогичной схоластической программой.

То было время, когда я влюбился в соседскую девочку на противоположной стороне от дома с дерущимися четверьями женами. Она была красивой, полной жизни, на год-два моложе меня. Я очень любил ее. У нее было кругленькое лицо, темные брови с смеющимися коричневыми глазами, ее волосы были длинными и нараспашку, покрывая ее плечи. Звали ее Бибикамал Масагутова. Она была моей единственной на многие годы девочкой, но, в конечном счете, вышла замуж за парня из города, когда я был дальних краях, в другом конце страны. У нее были причины, чтобы устать ждать меня. Я не возвратился назад к родным местам.

Тем не менее, я не потерял Бибикамал полностью. Ее брат Махмут, мой лучший друг детства, вырос достаточно, чтобы жениться на дочери брата моего отца, Бахтияра. Так, мы стали, по крайней мере, родственниками. В мальчишеские годы я и Махмут были неразлучными друзьями. Мы вместе пошли в школу, вместе рыбачили, вместе присматривали за животными, вместе дрались. Мы, татарские мальчишки Орска, дрались парами или группами. Нашими врагами были не другие татары, а русские, и мы были их врагами. Было неписанным правилом, чтобы татарские ребята держали наш квартал под своим контролем. Тоже самое делали русские ребята. Даже будучи мальчишками, мы не любили русских. В нашем сознании жила мысль, что русские являются господствующим народом. У них были все административные и непильные (белые воротники) работы, полицейские и армейские посты. Нас они звали иноверцами или инородцами. Чтобы противостоять этому, наши семьи и учителя поражали нас фактами, что все земли от Украины до китайских границ, были нашими, что русские оккупанты обращались с нами как с завоеванными врагами, что у нас нет никаких шансов для получения образования и продвижения по жизни без того, чтобы мы не русифицировали свои имена и отказались от нашей веры. В переводе на наш мальчишеский язык того времени, это означало, что если татарские дети вступают в пределы русского квартала, то мы должны были быть готовыми платить пошлину в виде конфет или фруктов первому встречному русскому парню. Такая же пошлина накладывалась на

русских мальчиков, обнаруженных в нашем квартале. Между двумя народами не было построено китайской стены, однако, для нас, мальчиков антагонизм и возмущение были равносильны ей. Обычно здесь происходили довольно сильные драки между группами мальчиков двух кварталов. Горе было тому, кто не имел чем расплатиться при переходе в квартал врага, в особенности, если он был одинок или если группа была малочисленной. После большой драки, которую выиграл татары и для нас, мальчиков, исчезли некоторые проблемы, наши отцы, немного далекие от наших малых забот, дали Махмуту и мне задание вести коней на пастбище прямо через русский квартал. Хотя мы не были тогда в состоянии платить пошлину, однако, благополучно прошли через русскую местность на пастбище только для того, чтобы на обратном пути быть схваченными бандой русских ребят. Махмуту удалось бежать лишь с черным глазом и малым ушибом. Однако, меня избили основательно так, что я потерял сознание. Очнувшись, когда я едва доплел до дому, то почувствовал что-то чужеродное между опухшими губами. Русские воткнули в мой рот хвост свинины, что является наихудшим оскорблением по отношению к мусульманскому мальчику.

Однако все остальное было весьма далеко от моих с Махмутом маленьких трагедий. Наши радостные времена превышали наши заботы с русскими. Почти каждой весной и летом мы плавали через Урал от края нашего участка до малого острова на середине реки. Я научился плавать, как только начал ходить и к восьми годам отец меня научил седлать коня, запрягать, рыбачить и ставить маленькие ловушки на зайцев. Кроме этих удовольствий я также помогал по хозяйству. Однако плавание с Махмутом на тот остров было хорошей утехой. Остров был покрыт лесом, и мы там играли в татар и русских, толкая друг друга на деревья. Или прятались под кустами, наблюдая за «господствующей нацией». Глава города имел дачу на верхнем по течению конце острова, куда нам вход был запрещен. Возможно, если бы не было этого запрета, то мы на него так и не обратили внимания. Однако, это было так и мы часами шпионили за русскими офицерами из гарнизона или за важными особами из русского правительства, прогуливающимися на тщательно ухоженной площадке, играющими в теннис или ухаживающими за женщинами в отдаленных местах.

Махмут и я имели также другое уединенное место. Оно также находилось в лесу через Урал, в нескольких километрах от Орска. Здесь отец, в дополнение к своим другим занятиям, содержал маленькую мельницу, где работал ежегодно после уборки урожая. Он здесь молот зерно для местных мелких фермеров и за это получал в качестве оплаты пшеницу и ячмень. Махмут и я шли на мельницу с отцом, чтобы помочь ему управлять воротами и загрузкой зерна и затариванием муки. Тем не менее, у нас оставалось много времени для забегов в близлежащую небольшую казацкую станицу. В этом поселении мы оба имели множество «дядюшек» и «тетушек», довольно дальних родственников, которые, тем не менее, сердечно встречали свою родню, рассказывали нам истории и пичкали их угощениями. Часть этой местности около мельницы, как и остров на Урале, в большей части, была за пределами доступа для татар. Со времени первоначальной оккупации русскими он был известен как «комендантский лес», если даже имя этого коменданта давно уже было позабыто, и ни один наследник не предъявлял к ней претензий. Эта местность представляла для нас, мальчиков, ранним летом особый интерес. Мы знали секретов полей, где я думаю, все еще поспевают самые прекрасные в мире дикие земляники незабываемой сладости.

Несколько несчастливым временем для нас, мальчиков, была осень. Тогда не только у нас отнимали опять наши бесконечные шатания вне дома, но также увеличивались наши работы. Мы должны были собирать солому и сено на зиму для содержания животных. Мы должны были подкрадываться в лес для сбора хворостинки и падших веток, за что часто сердитые владельцы преследовали нас. Худшей работой было приготовление топлива на зиму для нашей печи. Главным составляющим его был коровий помет или помет других животных. Мы должны были его складывать в кучу, поливать водой и затем топтать ее, как это делают с виноградом для выделки вина, до тех пор, пока вся масса не станет мягкой. До сих пор помню этот запах. Затем мы мешали кучу с соломой, давали стоять ей немного и потом формировали в кирпичи. Завершающей работой было сложение в штабеля около дома этих кирпичей. Насколько это занятие было для нас, детей, противным, настолько, должен признаться, эти брикеты являлись прекрасным топливом.

Зимы, к которым мы так усердно готовились, действительно были суровыми. Я понимаю тенденцию народов в Арктике и в умеренной зоне мира вспоминать снегопады своего детства как монументальные явления, просто потому, что в таком возрасте отклонения в природе могут быть легко удвоены в размере. Несмотря на это, Орск, из-за его резко континентального климата, который имел место в моем детстве и все еще имеет место, является местом экстремальных зим и лет. Первые снега наступают в начале ноября. До конца апреля метели бушуют дни и ночи, часто недели. Иногда снег бывал настолько глубоким, и он падал так сильно, что взрослые люди подвергались опасности потери дороги и смерти под сугробами. Как правило, в такое время было обычаем вывешивать красный флаг над мечетью. Его вывешивали также тогда, когда температура воздуха падала до минус 40 градусов по Цельсию. Это было предупреждением для каждого всех возрастов в нашем квартале, чтобы стоять дома. Даже для нас, живущих через улицу, молитва в мечети откладывалась до тех пор, пока флаг не был спущен. В такие времена наша семья и другие правоверные в нашем квартале молились, также регулярно и религиозно, в своих домах. Тем не менее, зимы для нас, детей, не состояли только из проблем с молитвами и тяжелой работой. Правда, мы кормили животных, чистили их и их сараи, не пренебрегали нашей учебой и набожностью даже тогда, когда нас заносило снегом. Оставалось много времени, чтобы вместе с семьей делать для нас, детей, больше радостей, чем тяготы труда. Тогда наш

отец рассказывал нам и пересказывал многие события из великой истории нашего народа, о всепобеждающей отваге, героических подвигах великих ханов, об их неисчислимых богатствах и армиях и их великолепных городах на юге и востоке. Вновь и вновь мать рассказывала нам *Тысяча и Одну ночь*, никогда не уставая от рассказа вновь и вновь моего любимого «Синбада-морехода». Этим длинным, но счастливым зимам всегда приходил конец. В то время наступало с оттепелями, о которых мы узнавали, когда слышали сильные грохоты и взрывы от раскалывающегося льда на Урале в конце нашего участка. Тогда тоже у нас была трудная работа по накатке кусков льда с реки в наш «холодильник» для следующего лета.

Хотя она была нелегкой, но приятной работой, поскольку это значило, что пришла весна. С восьми лет эта работа для меня была радостной потому, что я знал, что скоро кончится мое школьное время и начну ездить с отцом в его долгие и чудесные путешествия на холмы и долины киргизского народа. Медленно, но верно, дни становились теплее, снег начинал таять, реки разбухать. Тогда приходил день, когда я, возвратившись из школы, увижу, как отец проверяет свой фургон, большой, четырехколесный транспорт типа прерийского фургона наших дней. Он будет инспектировать колеса и брезент, даст мне смазать ступицы и железные поворотные круги на передней оси. Бормоча про себя, он осмотрит лошадей, определяя их кондицию и свой груз и решая, взять ли две лошади или третью в качестве запасной. И прямо перед началом нашего путешествия мы ехали на рынок, торговались с купцами на предмет покупки товаров, которых мы собирались затем перепродать. Затем складывали фунты и фунты чая, сахара, соли, пороха, ружья, пистолетов и зарядов для стрельбы, сотен катушек с нитками различных цветов и толщины, сотен и сотен пуговиц, причудливых и незатейливых, кусков и кусков мыла, много и много метров текстиля, конфет, писчей бумаги и чернил, муки. Наконец, отец вычистит и смажет свое ружье, винтовку и шестизарядный пистолет, проверит заряды, не все киргизы были простыми кочевниками, подчистит и починит рыбные снасти, проверит наш ящик первой помощи (не более чем маленькая бутылка йода и несколько кусков чистых марлевых повязок).

К тому времени, ночью я уже буду крепко спать. Я мечтал о сне под открытым небом, рыбалке, охоте, сборе ягод, разжигании костра, приготовлении еды, находке птиц и животных, езде на коне, еще и еще раз езде на коне, плавании, еде и питье с киргизами согласно их обычаям, поджаривании баранины на открытом огне, питье вместе с ними кумыса, напитка нашего народа, если, конечно, позволят. Как все было волнующе!

Наконец, когда начинали цвести первые цветы, наступал великий день. Я запрягал коней на фургон. Отец приносил маленькую молитву. Мать плакала и целовала меня. Маленькие братья и сестры махали ручками на прощание. С сиденья фургона отец и я махали в ответ, и мы отправлялись с тем, чтобы возвратиться лишь к сбору урожая.

У отца не было никакого плана или расписания. Он лишь заботился знать, где кочуют киргизы. Иногда мы отправлялись на восток от Орска, иногда – на север. Обычно, по меньшей мере, однажды, по колеям мы проезжали через Айдырлинск, чтобы повидать двух братьев отца, оба которых были золотоискателями. Эти братья были довольно яростными социалистами, озабоченными по поводу гнета царизма и призывающими к открытой революции. Я помню их долгие ночи споров с отцом и как они ему говорили: «Товарищ, поднимись, поднимись, нам нечего терять кроме своих цепей». Та была радикальная часть семьи. В основном, мы посещали консервативную часть семьи летом, когда проезжали через Ново-Орск, дом казацких родственников моей матери. Эти дяди были настоящими кавалеристами, сильными, воинственными, беззаботными, любителями приключений и верными до последней капли крови монархии, которого они называли «Белый Царь». Правда, они были мусульманами и говорили о себе как о чистых татарах. Однако, сначала они были казаками. Они владели лучшими конями, лучшими землями вдоль Урала и ее притоков, были офицерами. Они имели своего атамана, управляли своей станицей и были готовы сражаться за царя в любое время и в любом месте. Они обращались со мной очень щедро на своих поселениях, учили искусству верховой езды и громко смеялись, говоря, что я становлюсь слишком старым, чтобы занять казацкую девушку. Временами я смущался, разрываемый между противоречивыми идеями моего нежного отца, который желал лишь освобождения татар и прогресса мусульман, моих социалистических дядюшек, призывающих к революции и моими казацкими дядюшками и их романтикой, их легкой дорогой по жизни. Тем не менее, я не позволял себя долго размышлять о них. Я все еще был мальчиком, здоровым и относительно беззаботным по поводу проблем мира взрослых.

В те времена не было никаких дорог, кроме колеи. Не было также мостов через реки и потоки. Мы переезжали через все воды. Если они были слишком высокими из-за поздней оттепели на вершинах Уральских гор или из-за сильных дождей, мы только устраивались лагерем у мелких мест и ожидали отхода вод.

Если даже отец не имел никакого плана, так как кочевые киргизы не могли давать никакой информации, где они будут располагаться и когда, он, кажется, знал, как их найти по свойственному только ему чутью. Первую ночь после отъезда из Орска мы проводили под открытым небом в лесистой долине около реки. После накорма лошадей мы рыбачили. Наши снасти могут вызвать усмешку у современного рыбака-любителя. Стволы мы отрезали у молодого деревца. Жилка была сделана из конского волоса. Поплавки были пробковыми и наживками были обычные мухи, кузнечики или червяки. Однако, ловили мы рыбу в достаточном количестве для себя: желтых окуней, сомов, щук, карпов, лещей. Лишь в верховьях Урала мы ловили форелей и других игривых рыб. Пойманную рыбу мы ели в виде вкусной

ухи, приготовленной на костре, и затем спали под одеялами в фургоне или, если небо было ясное, просто на открытом воздухе.

Основными утехами отца были охота, рыбалка и ловля лис и других зверей. В результате, мы питались очень неплохо во время своего путешествия. Он также был превосходным лесорубом и, кажется, знал о погоде лучше, чем многие современные метеорологи. Всегда было интересно наблюдать за его сноровками. Перед тем, как выбрать место стоянки он определял направление ветра, движение облаков, искал места укрытия под деревьями или висячими скалами и родников чистой воды.

Однажды, взобравшись на холмы, отец выбрал стоянку около старого киргизского кладбища, затем отправился к потоку внизу порыбачить. Как только он оставил меня возле фургона, подлетел огромный орел, паря низко. Оставленный у кладбища вечером, я довольно сильно испугался, но ничего не сказал отцу. Но орел уже был для меня чересчур. До этого я слышал много историй о том, как орлы уносили детей, и тут бросился к отцу вниз к потоку. Вытирая слезы страха, он отвлек меня, отвлекая мое внимание на форели, которые здесь кружились во множестве. Он сказал, что это неправда то, что я слышал о кладбищах, орлах и подобных ужасах, которые я слышал от других мальчиков и старых мулл. Я послушал и поверил ему. Я всегда верил отцу. Он водил меня к доктору для вакцинации от оспы, что считалось в то время очень опасным мероприятием, если ты не покоришься воле Бога. Отец тогда был прав, поскольку я, мои братья и сестры были теми немногими детьми, избежавшими эпидемии без страха. Старые муллы призывали против вакцинации, советовали «особые» молитвы на «особой» бумаге с «особыми чернилами», приготовленные ими же, разумеется, за плату, затем запечатанные в треугольный конверт, они их клали в кожаный мешочек и вешали вокруг шеи. Отец, несмотря на свою глубокую набожность, ненавидел этих мулл. Я все еще слышу, как он говорит про них: «Они негодяи. Они высмеивают наших женщин. Они делают наших людей послушными слугами царя. Однажды они заплатят за все это».

Всегда в течение первых двух или трех дней после нашего отбытия из Орска мы встречались с первой из киргизских стоянок. Их палатки устанавливались на открытом пастбище около воды. Стоянки различались по размерам от пяти до пятидесяти юрт. Размеры стоянок не имели значения для определения состояния групп. Оно зависело от деловитости индивидуальных членов различных племен. Я не имел никакого представления о том, сколько людей проживало в каждой стоянке, поскольку по киргизскому обычаю они имели по меньшей мере две-три жены и десятков детей. Иногда стоянка располагалась на одном месте все лето, если там было достаточно травы для их сотен и сотен коней, коров, коз и овец. В другое время группа будет двигаться лишь для удовольствия с одного места на другое. Они были кочевыми людьми и любили свободу и свою открытую жизнь.

Однажды встретившись с первой стоянкой, мы всегда узнавали где будет другая и продвигались по устным слухам все лето. Как гостеприимны были эти киргизы и как хорошо они относились к своим детям! Это было их обычаем накормить и дать прибежище посетителям на дни, недели, месяцы, до тех пор, пока посетители сами не решали уходить оттуда. Они клали им еду своими руками, главным образом, куски баранины, прямо в рот своих гостей. Я очень скоро познакомился с их добротой. Практически сразу после нашего прибытия на стоянку, я мог прыгнуть с фургона и очутиться прямо на руках женщин, которые ласкали меня и напичкали сладостями.

Дела отца были посерьезнее. Он ставил на обозрение товары в фургоне. Наступал час бартера, он менял пуговицы, заряды или соль на меха, коровы, овец или коз, но иногда лисицы или горноста, смазанных для сохранности маслом киргизов, или на их твердые, круглые шарики сыра, сделанных из овечьего или козьего молока. За другие обмены он содержал учетную книгу и заключал соглашения, которые никогда не нарушались, с теми киргизами, которые доставляли свои товары к нему в Орск, когда заканчивался сезон нагула животных.

Такими были удивительные лета моего детства. В их конце мы ехали назад в Орск, где счастливая мама встречала нас, сперва со слезами радости, поскольку боялась, что мы могли наехать на плохих киргизов, затем со смехом и улыбками и, наконец, с угощением первой реальной едой, которую мы месяцами не пробовали.

Через несколько недель после нашего возвращения в город, приезжал киргиз, доставив товары, о которых он договаривался с моим отцом. Его угощали кумысом, питье которого было частью таких встреч. Моя бедная мама, однако, боялась потока киргизов. Беззаботные люди, они далеко не были чистыми, заносили грязь в ее дом и у многих были вши и блохи. Она также боялась, что они не знали наши правила гостеприимства, согласно которым их не приглашали стоять у нас долго.

Когда мне было шесть лет, великое представление явилось на наш народ. Неба осветились ярким светом, кроме солнца, какого я видел когда-либо. То была, как я узнал позднее, комета Галилея. Мой отец и другие образованные люди признали ее, как естественное явление, но старые муллы пользовались кометой для нагнетания страха на уже испугавшихся и суеверных людей. Этим бедным людям говорили, что приближается конец света. Ничего подобного не случилось, разумеется, но предупреждения мулл вызвали на долгий период подавленность и страх. Эта подавленность продолжалась несколько лет с тем, что начавшаяся Вторая мировая война была воспринята многими как не более чем конечное исполнение предупреждений о том, что наступят ужасные вещи.

Я сам, когда началась война, был озабочен поступлением в русско-татарскую школу. Она дала мне первую возможность изучать русский язык и господствующую нацию. Все русские школы Орска были буквально закрыты для нас, татар. Лишь несколько благополучных семей среди нас могли позволить форменные одежды и другие расходы по отправке туда своих детей. Или иначе мы должны были

отказаться от нашей религии и русифицировать наши имена. Однако, для меня даже вторая лучшая русско-татарская школа была желанной. Отец долго внушал мне необходимость получения образования и я действительно хотел его добиться. Одна из наших учителей в школе, Лебедева, и я думаю, ее звали Клара, пролила новый свет на некоторых русских. Ее предметом была история, и хотя она была русской, но она учила нас истории действительного величия татар и других тюркских народов, о покорении нас русскими и все без презрения, больше с печалью. Несколько круглолицая, она не была непривлекательной. Ее доброта и справедливость интересовали меня больше чем ее книги, и я стал ее юным поклонником. Поскольку мой кругозор расширился, я посетил несколько русских домов и завел друзей среди нескольких русских ребят, с которыми когда-то дрался.

У отца не было такого же отвлечения от войны. Началась мобилизация. Даже начали ее среди киргизов, гордых, независимых людей, которых цари до этого никогда не брали в армию из-за страха, что они могли повернуть свои оружия против них. Им сейчас не дали оружия, но отправили в рабочие войска на фронтах, чтобы копать траншеи и укрепления. Наблюдая все это, отец знал, что приходит время и за ним. Для того, чтобы задержать его, он уехал на север в город Белорецк. Здесь он получил работу на сталеплавильном заводе, считая, что она будет достаточной, чтобы его не отправили в армию.

Несколько месяцев отец присылал большую часть своей зарплаты и приветствия нам в Орск. Затем в один день пришло письмо, рассказывающее о том, что его призвали в армию. Он писал, что его просьба не направлять его на южный фронт для войны с турками, считавшимися родственными нам народом и одной веры, было удовлетворена. Его отправили в Галицию. Его полк состоял, в основном, из татар и он писал матери, чтобы она не беспокоилась о нем, поскольку его назначили имамом полка и потому он находится в меньшей опасности, чем другие.

Это абсолютно не успокоило мать. Дергая за свои волосы и грудь, рыдая, она ушла на улицу, чтобы рассказать соседям о судьбе отца. Немногие из них, бедных душ, могли ее успокаивать, поскольку их мужья и сыновья также уезжали на войну. С этим закончились навсегда, хотя я тогда еще не знал об этом, мои счастливые, невинные дни с отцом, наши дороги на стоянки киргизов. И со времени отправки отца на фронт я сделался старшим мужским членом нашей семьи и мое детство завершилось.

РЕВОЛЮЦИЯ

В один из холодных дней декабря 1917 года возвратился отец. В конце своих 30-х годов он выглядел на десять лет старше. Его волосы покрылись сединой. Он все еще был в форме, все еще носил свое ружье и на его плечах и груди висел патронташ с полной амуницией. Мать все плакала и плакала. Она пыталась быть счастливой, но печалилась из-за изможденности отца и худобы.

После того, как он покушал и попил кумыс, отец рассказал свою историю. До лета того года его полк воевал в Галиции и неплохо. Скоро начали исчезать офицеры. Возможно, некоторые из них были убиты. Затем начали формироваться солдатские комитеты, полки прекратили воевать и распускаться. Многие солдаты повели военные товарные поезда в Петроград. Он присоединился к одному из них. В Петрограде все выступали, организовали митинги и маршировали. Там царил большой беспорядок. Он боялся, что Орск также имеет проблемы, и беспокоился о своей семье. Он решил ехать домой, но это было нелегко осуществить. Ни один поезд не ходил по расписанию. Даже грузовые поезда были набиты солдатами, старающимися делать тоже самое, что он, добраться до дома. Он стоял немного в Москве. Наконец, после многих поездок на товарных поездах, некоторые из которых проходили лишь несколько километров, идя, в основном, пешком, ему удалось протиснуться в товарный поезд, отправляющийся в Орск.

В это время, хотя большевики уже захватили Петроград и Москву, Временное правительство все еще контролировало Орск. В городе не имелось особых проблем, но, как повсюду, вся администрация была обескровлена. Это было очень серьезным для нашей семьи, поскольку оно означало, что закрыты все школы. Отец не имел работы до начала 1918 года, когда его друг получил для него работу в качестве охранника завода правительственной водочной монополии. Потребовалась дополнительная охрана, поскольку шли ограбления.

Моя школа также, разумеется, была закрыта с лета 1917 года, однако, я не бездельничал. До возвращения отца, мои домашние работы занимали много времени, если не все время. Я использовал несколько оставшихся часов для работы вне дома, на мелких работах. Это была моя первая работа и первый заработок. Мать была очень горда мной. Одна работа была в библиотеке, которая не закрылась, где я помогал складывать на полки возвращенные книги. Однако, работу, которую я любил, была в качестве посыльного татарских националистов. В течение нескольких месяцев эти бедные идеалисты введены в заблуждение мечтой, что, если царь уйдет, то татарский народ станет независимым. Они представляли недолго просуществовавшую группу Идел-Урал, которая хотела установить независимое государство от севера Каспийского моря до Казани. Будучи сам татарин, дико разыгралось мое юношеское воображение, и я также верил, что мы можем получить нашу свободу. Разве сами большевики не гарантировали в конце 1917 года в своей декларации о правах всех народов России, права равенства и независимости, самоопределения и отделения, плюс свободное развитие всех национальных меньшинств?

Это обещание было подвешено перед нами, меньшинствами, лишь для того, чтобы мы поддержали большевиков. Оно было нарушено весной 1918 года декретом их центрального исполнительного

комитета, который провозгласил создание Татарско-Башкирской Республики, акт, который поставил национальную администрацию Идел-Урал на отрезанном конце, на чем остановилась также и моя посыльная работа. Большевики также не предприняли никаких шагов по исполнению своего второго обещания, образования Татарско-Башкирской Республики.

Вместо этого весной 1918 года мы все были ошеломлены взятием города красной кавалерией и ускоренным назначением местных советов. Красные нерегулярные войска с их лошадьми с обрезанными хвостами накинудись на нас как саранча, прилетевшая через Урал. На некоторое время казаки, среди них много моих дядюшек, все еще смогли держаться против красных. Соединения казаков находились под командованием атамана Александра Ильича Дутова, который контролировал всю нашу местность от провинциальной столицы Оренбурга до земель к западу. Во время наступления красных в течение нескольких дней несколько моих дядь обслуживали батарею на конной тяге со снарядами в три четверти дюйма. Они ее привезли на нижнюю часть нашей улицы и стреляли через реку Урал на позиции красных, скрывающихся в лесу.

Это было ужасным временем для нашей семьи. Пушки красных, в ответ на огонь казаков, отвечали снарядами, падающими со свистом на нашу улицу. Никто из нас или соседей не был серьезно ранен, как я помню, но мы ожидали худшего. Во время обстрела отец собрал нас в нашем «холодильнике». Хныкая, мы сидели на корточках. Отец молился. Сильно замерзнув, мы вышли оттуда после того, как казаки сдали город. Отец отправился назад на водочный завод лишь для того, чтобы увидеть, что он закрылся, и он вновь оказался без работы. Завод, в действительности, был разграблен. Отец также взял с собой с десяток бутылок. Когда он принес их домой, он от стыда ворчал *харам, харам* (грех). Он также сказал *харам*, когда продал эту водку. Делать это было также *харамом*. С приходом красных библиотеку приказали закрыть с тем, чтобы ее вновь открыть с красным персоналом. Это было трудное время, но мы не голодали. У нас был наш огород и наши животные.

Если время было ужасным для нашей семьи, то для страны оно было еще ужаснее. Сражение в Орске между красными и казаками было частью огромной борьбы, гражданской войны, оставившей неизгладимый отпечаток в истории всего мира.

Большевики, которые свергли Временное правительство Керенского, начали коммунизировать народ и страну. Этим самым они вызвали ожесточенное сопротивление белых армий под командованием царских генералов Деникина, Юденича, Корнилова, Краснова, барона Врангеля и адмирала Колчака. Те пытались уничтожить советский режим и восстановить царизм.

Это была кровавая борьба, в которой были миллионы убиты или искалечены, или умерли с голода, в которой отцы воевали против сыновей и братья против братьев; в которой были разделены семьи, были конфискованы имущества, зерно и скот были реквизированы. Вся страна оказалась в руинах, экономика была в хаосе. Однако, Россия вновь была объединена, чтобы скоро оказаться под правлением красного царя, Иосифа Сталина, по сравнению с которым белый царь Николай II выглядел бы настоящим святым.

В нашей части гражданской войны в середине лета 1919 года Орск был вновь взят казаками. Опять на нашей улице была установлена артиллерийская батарея, но в этот раз – красная. Опять свистели снаряды, теперь казацкие, над нашей головой. Еще раз мы сидели на корточках в «холодильнике» в то время как отец молился. Мы и в этот раз не пострадали, хотя дом на нашей улице был сильно поврежден упавшим на него снарядом. Когда мы пошли по улицам после прекращения огня, то на фонарных столбах торгового квартала увидели двух повешенных рабочих с водочного завода. Никто не знал, почему их убили, хотя кто-то сказал, что они стреляли в казаков.

Остаток года с казаками был спокойным, но ненормальным. Не было никакой работы для отца или для меня, не было и школы. Никто не знал, что происходит в остальной части страны. Шли слухи, но не один из них был утешительным.

Это спокойствие закончилось для хороших семей в один день февраля 1919 года. Это был холодный день и шел сильный снегопад. К вечеру мы слышали стрельбу через реку и к западу от города.

Несколько моих дядь прискакали к нашему дому. Они сказали отцу, что Дутов потерпел поражение от красных в Оренбурге. Его казаки, как они говорили, отступают через Орск, пытаюсь достичь Сибири, чтобы там присоединиться к другим антибольшевистским войскам. Мы должны идти с ними, говорили они отцу, чтобы не попасться большевикам.

Уже наступила ночь. Снег все шел и шел. Отец выглядел сильно уставшим и угрюмым, но он согласился уехать. Он послал меня к сараям присмотреть за лошадьми. Он сказал матери, чтобы она собрала всю теплую одежду и кухонную утварь. В течение часа мы запрягли тройку на наши сани, нагромодили на них наши вещи и скоро отправились в путь.

На следующий день мы проехали через Ново-Орск. Многие мои молодые казацкие двоюродные братья уже уехали с основными силами Дутова, находясь теперь во многих часах езды от нас. Многие из них оставили за собой жен и детей. Семьи были печальными и плакали по поводу судеб моих дядь. Никто уже не надеялся увидеть их вновь. Через годы мы узнали, что с ними случилось. Большая орда в сто пятьдесят тысяч человек, включая жен и детей, которая ушла через Ново-Орск в ту далекую зиму, была доведена до тридцати тысяч болезнями, голодом и большевистскими партизанами, когда она прошла западную границу Китая и затем никто не знает, что с ней случилось.

Когда мы покинули Орск, нашей конечной целью был Троицк, находящийся более чем в 400 км к северо-востоку от нас и к востоку от Уральских гор. С медленными перегруженными санями, под непрерывным снегопадом и на плохих дорогах, мы не осилили даже одной трети этого расстояния.

День за днем мы и другие путешественники оставили далеко позади сражающихся казаков. Наконец, через недели с чем-то после отъезда из Орска и недалеко от Айдырлинска, где мы спорили с золотоискателями социалистическими братьями отца во время счастливых летних поездок в прошлом, мы достигли конца нашего пути. Впереди нас на горном хребте скакал отряд кавалеристов. Хвосты их коней были стрижены. Это были красные. Мы сильно отстали от наших казаков и были отрезаны. Отец, молча, повернул тройку назад и мы отправились в обратном направлении.

На следующей неделе, мы были опять в Ново-Орске, где родственники матери уговорили моих родителей оставаться здесь и не возвращаться в Орск. Они отмечали, что там не будет работы для отца и, кроме того, им были нужны учителя в Ново-Орске. Отца было нетрудно уговорить. Он стал учителем в Ново-Орской начальной школе. Моя мать, освободившись от большей части домашней работы из-за помощи со стороны моих сестер, также получила работу учителя на полставки. Даже после того, как отец начал работать, я не чувствовал, что он счастлив по-настоящему, тем не менее, он всю старался привыкнуть к новым условиям. После отступления Дутова из наших мест, туда, естественно, пришли красные. Стены зданий были покрыты прокламациями Ленина об амнистии для явившихся с повинной, с призывами возвратиться на работу во благо себя и страны. Отец старался поверить призывам на стенах и, если и не сотрудничать полностью, то по меньшей мере, не возражать. Будучи парнем, я был сильно обнадужен и доверчив. Для меня концом наихудших забот было возвращение в школу. Меня отправили в ново-орскую казацкую русскую школу. Названная как Высшая Начальная Школа, она была равносильна средней школе. Я был очень доволен тем, что преподавание было на русском языке, и что тем самым получил возможность улучшить мой русский. Мне также очень нравилось идти обратно в школу, поскольку не сомневался в совете отца о значении образования. Меня лишь беспокоило то, что был надолго оторван от школы. Больше всего я хотел быть с людьми моего возраста, присоединиться к ним для открытия новых вещей для юношей в те переменчивые времена. Я догадываюсь, что это была главная амбиция, которая называется сегодня, желанием приобретения фундамента под ногами.

И, как я сказал, я был доверчив. Я верил писаниям Ленина «задачи пролетариата не могут быть решены без осуществления прав на самоопределение». Я верил его обещаниям о мире, хлебе, распределении земли крестьянам, равенстве и независимости национальных меньшинств. Кроме того, большевики обещали молодому поколению хорошие возможности для образования и работы. Поэтому, с такой наивностью плюс моей амбицией, меня можно было бы простить за мое добровольное присоединение к рядам красных, с большим энтузиазмом, там же в школе. В один день весны 1919 года в школе появился молодой мужчина. Одетый в ладное черное кожаное пальто и с маузером на бедре, он набирал в ряды комсомола, недавно образованной молодежной организации большевиков. Тогда еще в свои пятнадцать лет, я был одним из первых в моем классе, вступивших в этот союз. В тот вечер, когда я рассказал отцу о моем вступлении в комсомол, он одобрил это лишь потому, что видел, что я должен поступить таким образом. Он вновь говорил мне о важности получения образования, обнял за плечи и сказал, глядя в мои глаза: «После того, как ты изучишь мир, в котором живем, стань независимым и сильным, действуй согласно своему собственному сознанию и убеждению. Это то, что я тебе желаю, мой сын. Обещай мне, что сделаешь все лучшее для этого». Я пообещал, со всем пылом моей юности.

Отец рационализировал мое вступление в комсомол в надежде, что оно откроет мне дорогу к образованию. Однако, он был бы сильно расстроен, если бы я рассказал всю правду о моем вступлении туда. Когда я заполнял форму заявления, я использовал мое многообещающее знание красного жаргона, написав о себе как о сыне пролетария, имея в виду его работу на белорецком сталелитейном заводе. Я никогда не упоминал, разумеется, что он был имамом. Или, возможно, отец лишь улыбнулся бы на мой юношеский обман, но я знаю, что ему бы это не понравилось.

Мои дела в Ново-Орске, может быть, шли неплохо, но дела отца пошли в плохом направлении. К середине 1919 года большевики поставили на место атамана другого человека, действующего по советскому учению. Это поставило конец работе моих родителей в школе, которая была советизирована. Поэтому осенью 1919 года отец переселился вместе с семьей обратно в Орск. Он думал, что, если даже он не найдет работу, то, по крайней мере, у нас будет свой дом, свой огород и свои животные. Удивительным образом для тех, кто возможно, не знает наш народ, наш дом находился в превосходном состоянии. Такими были и наши животные. Обо всем позаботились наши соседи.

Как и ожидалось, отец не нашел работы в Орске. Коммунисты ничего не имели для учителя-торговца-имама, также, как и отец не имел ничего с коммунистами. Мой горизонт, наоборот, продолжал светиться.

Я был переведен в русскую среднюю школу в Орске. Мое членство в комсомоле также было переведено и я стал одним из наиболее активных комсомольцев по вовлечению новых членов среди моих старых друзей. Эта работа была замечена. Орский городской комитет набирал кандидатов в Восточный институт, бывший колледж татарских учителей в Оренбурге, с задачей распространения движения среди народов Туркестана. Комсомол поддержал мое заявление, и потому там место мне почти было гарантировано.

В день отъезда отец запряг фургон и повез меня, мою мать, братьев и сестер в железнодорожную станцию, которая тогда находилась в 16 км от Орска. Это было первое время, когда я покидал дом в одиночку, полностью без всяких денег. Сердце матери разрывалось, как будто Оренбург, вместо 240 км от Орска, находился на другом краю света. Было много слез и прощальных поцелуев матери, моих

братьев и сестер. Мой отец, благословив меня, сказал: «Езжай и учись. Учи все, арабский, китайский, но выучись и стань человеком. Пришло время тебе быть мужчиной. Будь тверд».

Пришел мой грузовой вагон, на котором мне предстояло ехать. Мать отдала мне корзину с жареной курицей, хлебом и квашеным молоком, когда уже поезд начал трогаться. Затем она, мои братья и сестры побежали вдоль дороги, махая ручками и произнося слова прощания до тех пор, пока поезд не набрал полный ход.

Я был печален, но не был одинок. В скотном вагоне со мной было еще девять других татарских ребят из Орска, все моего возраста, другие выбранные комсомолом кандидаты в Оренбургский институт. Подобно мне, у них тоже были слезные прощания с родственниками.

В то время путешествие от Орска до Оренбурга заняло два дня, поскольку поезд останавливался везде, не только на станциях, но даже на открытом месте, где он набирал даже всего нескольких пассажиров. Это был единственным «быстрым» транспортом той эры.

Для нас, десяти мальчиков, все из одной школы, уныние, вызванное расставанием с семьями долго не продержалось. Нас скоро отвлекли пейзаж, холмы и долины, через которых мы проезжали, все это было новым для нас. По примеру старших симпатичных пассажиров, мы начали петь татарские песни. Считаю себя молодыми революционерами, мы пели даже те, которые не нравились другим. «Эй, татарин, вставай, проснись. Помни, кто взял последний кусок из твоего рта». Между такими песнями мы также забавляли других и себя старыми песнями, как «Галия, моя прекрасная любовь, я так люблю тебя, что иссох. Я не ем, не пью или не дышу, лишь думаю о тебе» и, разумеется, песни, которым научили наши матери.

В Оренбурге наша десятка прошагала пешком километра два или больше до института. Для меня, по крайней мере, ходьба была удовольствием, а не обузой. Под царями, как и под комиссарами, Оренбург рассматривался как ворота в Туркестан и были предприняты особые усилия, чтобы улучшить его вид. Шагая пешком в институт, я, деревенский мальчик, впервые в жизни с открытым ртом наблюдал электрические лампы, мощные улицы, красивые административные и жилые здания.

Принятые в институт, общежитие, нам были предоставлены койки, одеяла, тумбочки и даны книги. Нашими предметами были математика, физика, химия плюс идеологическая закалка, поскольку целью института было обучение учителей и пропагандистов для отправки в Туркестан после окончания обучения. Перед началом наших классов нас собрали и сказали: «Вы будете посыльными советской доброй воли в Туркестане, на Кавказе или еще где-либо, куда вас направят по любому заданию».

Расписание включало также некоторый курс по истории татар и родственных к ним народов, персидский и начала арабского языка. Последний, нам говорили, необходимо потому, что мы находимся у ворот не только в Туркестан, но и во весь Средний Восток, продолжая, таким образом, политику старого империализма под новым названием. И, конечно же, мы тратили большое время на коммунистическую экономическую теорию и историю партии.

Наша работа не состояла лишь из одного обучения в институте. По выходным мы шли за город, чтобы помочь в уборке картофеля или трудиться на дорогах или на других строительных работах. Так, мы были первыми молодежными коммунистическими бригадами, инструментом, который позднее был использован Гитлером и другими диктаторами для установления контроля над молодежью. В моем возрасте тогда я, разумеется, не столько понимал важность этих политических установок, как и все остальные ребята позднее повсюду, однако, мне нравилось трудиться со всеми.

Особым удовольствием было время, когда комсомол рекомендовал меня в качестве кандидата в члены российской коммунистической партии. В шестнадцатилетнем возрасте я добился политического большинства и признания. Я был горд так, что чувствовал себя почти старым большевиком.

Позднее, сразу после окончания института, моему классу сказали, что нас отправят в регион Ташкента для нашей первой работы с людьми, в качестве испытания. Мою группу возглавлял высокий, худой татарский парень по имени Хей. Я его помню хорошо не только потому, что он не только был секретарем партийной организации института, но и наиболее энергичным активистом.

При направлении на работу нам говорили, что мы должны считать себя передовым отрядом партии, со священной обязанностью ускорения советизации Туркестана. Нам советовали вести себя осторожно и направить наши усилия и агитацию на убеждение крестьян и рядовых мусульманских священников переходить на сторону большевиков. Наши инструкторы вычитали это из письма Ленина к Г.К. Орджоникидзе, лидеру кавказских большевиков: «Опять я прошу тебя действовать осторожно и не допустить ошибки в демонстрации доброй воли по отношению к мусульманам, в особенности, вступая в пределы Дагестана. Подчеркивай любым путем и более того, наиболее торжественно свои симпатии к мусульманам, к их автономии, независимости и т.п.».

Чтобы не быть наивными по поводу совета Ленина по захвату мусульманских районов Кавказа, наш руководитель Хей выступил с речью и сказал следующее: «Товарищи, разумеется, все вы сознаете, что любая религия является опиумом, и она не совмещается с марксизмом. Никто не сформулировал это более точно, как Ленин. Вы не должны смущаться требованиями партии для выигрыша доверия крестьянства и рядового духовенства в Туркестане, какие бы не потребовались хитрости для этого, и несовместимостью ислама, наиболее реакционного из всех религий, с коммунизмом. Вы должны понимать, что наши усилия выиграть доверие, являются временными, тактическим приемом для создания союзников. Несовместимость нашего движения с религией является предметом нашей стратегии». Это был первым уроком по коммунистическому обману, и я никогда не слышал о нем больше и в таком ярко выраженном виде, даже в поздние годы моей жизни.

Закончились инструкции и совещания и нам дали несколько дней для прощания с нашими семьями перед отъездом в Ташкент. Вновь на грузовом вагоне я отправился в Орск. К моему удивлению, я обнаружил наш дом закрытым и пустым. Я никогда не любил писать письма и с большим стыдом и сожалением признаюсь, что за все время не разу не написал ни одного письма. Моя семья, я понял позднее, думала, что мое молчание означало, что их письма будут меня лишь смущать. Пустой дом свидетельствовал, что отец не смог содержать семью в Орске. Я надеялся обрадовать их с моим кандидатством в партию и направлением на новую работу. Внезапно мои маленькие успехи оказались пустяками по сравнению с печалью моей семьи. Подавленный, я направился по улице к прекрасному дому моего дедушки лишь для того, чтобы увидеть случившееся. Здесь я тоже встретил одно горе. Однажды оживленное, счастливое место имело лишь двух жителей, моего дедушку и козу. Его борода и волосы были совершенно седыми, длинными и неухоженными. Старик плакал и читал Коран. Его сыновья навсегда ушли с Дутовым. Ушли также его дочери и его другие внуки в станицу в Ново-Орске. Там, сказал он мне, находится также моя семья, где отец нашел работу имама для нескольких оставшихся верующих. Мой дедушка долго ждал возвращения своих сыновей и уже отчаялся их увидеть. Он дал мне книги для отца, которых я взял с собой в Ново-Орск.

Несмотря на все, моя семья с радостью встретила меня. Все плакали и улыбались, мать взяла меня в свои руки, восклицала, как я вырос, затем угощала меня белешом, перемьями и чак-чаком так, что я думал, взорвусь. Отец благословил меня, угостил кумысом и слушал мои рассказы о моих делах. В конце он сказал лишь: «Бог благословит тебя. Возможно, необходимо, чтобы ты уехал». Разумеется, я тогда не думал, что мы все видимся в последний раз в жизни. Хотел бы вспомнить больше, но не могу. Прошли три дня, затем отец запряг фургон, тот же фургон наших путешествий, и доставил меня на железнодорожную станцию вне Орска. В то время другая часть моей семьи не провожала меня. Правда, путешествие туда и обратно было долгим, но отсутствие моей матери, братьев и сестер опечалило меня немного больше, чем дома старых казаков, указывающих, как сильно разошлись наши дороги. На станции отец благословил меня на дорогу. Впервые, однако, он не дал мне своего последнего совета. Может быть, он подумал, что я уже перерос его.

Скоро после возвращения в Оренбург, все мои сомнения в связи с Ново-Орском были скоро позабыты. Я был слишком взволнован, слишком отвлечен с думами о скором путешествии в новые страны, с отъездом в Ташкент. С упаковкой моих вещей не было никаких проблем. Все, что я имел, уместилось в деревянном «чемодане» со сменными рубашками и нижним бельем. С группой из двадцати человек мы везли с собой общий чайник.

Великое путешествие в новый мир началось теплым утром августа 1921 года. Для меня оно было роскошным мероприятием и впервые я ехал в пассажирском вагоне. Наше купе было «жестким», с деревянными сиденьями и койками над восемью пассажирами, однако, для меня оно было чудесным. И хотя наш поезд никогда не шел со скоростью, больше чем 50-60 км в час, он был наиболее скорым из всех, на которых я ездил до этого. Я боролся за место у окна, чтобы чувствовать ветер, дующий на мое лицо и мои волосы.

Два дня пересечения великих степей Казахстана мне теперь показались унылыми. Для семнадцатилетнего парня, однако, каждая остановка, каждая станция были новыми и интригующими событиями. Даже перед тем, как тормоза переставали скрипеть, мы выскакивали на станции, чтобы посмотреть, задавать вопросы, покупать жареную курицу или баранину, хлеб, пирожное или горячую воду для нашего чайника у крестьян, которые обычно толпами приходили в эти места, пока советизация не отставила их от этого бизнеса.

На почти полпути мы увидели берега Арала, мое первое в жизни море. В конце третьего дня мы уже наблюдали вдаль к юго-востоку, на самом горизонте, покрытые снегом вершины Тянь-Шанского хребта. Это были первые увиденные мною вечные снежные горы. Столь много первых впечатлений за короткое время. На утро четвертого дня мы увидели ташкентскую долину, блестящую со своими огромными зелеными полями и садами в цветах радуги юга. Что за радость и чудеса после блеклости и однотонности степей!

Воздух был чистым и свежим, наполненным ароматом фруктовых деревьев и цветов. Повсюду висели гроздья винограда, и бежала вода вдоль многочисленных арыков или в редкие хавузы. Мы вступали в страну хлопка, фруктов, шелка, лучшего в мире каракуля. Мы вступали в сердце русской Центральной Азии. Пораженный ее богатствами, я сказал и всегда скажу: «Привет тебе солнечный Узбекистан».

На ташкентской станции нас встретили представители народного комиссариата образования, которые повезли нас на конной повозке в старую часть города под названием Шейхан-Тавур, к сожалению, уже разрушенного коммунистами. По пути мы проехали через новый или русский квартал, который нам показался наиболее прекрасным городом с красивыми магазинами и зданиями, широкими улицами с высокими тополями и канавами по обе стороны, по которой текла чистая вода. По сравнению с этим городом наш Оренбург, которого мы считали значительным местом, выглядел лишь как обыкновенная деревня. Также по сравнению со скудостью в хлебе и других товарах на севере, вызванных революцией, Ташкент смотрелся как рай. Изобилие лопилось во фруктовых палатках, столько можно было покупать. Национализация еще не достигла юга.

Было очевидно, что новый город был запроектирован для русских хозяев, которые завоевали регион в 1865 году. Сравнительно, Шейхан-Тавур, хотя и цветистый, был достойным сожаления местом, оставленным таким, каким он был в седьмом веке, для первоначальных хозяев, узбеков. Старый квартал не имел электричества. Его улицы были кривыми, узкими, непроходимыми во многих местах

для современного движения транспорта. Дома были из дерна или из глинобитного кирпича с плоскими крышами и выглядели с улицы безоконными. Тот факт, что мы прибыли сюда после полудня месяца Рамадан, мусульманского месяца воздержания от восхода до заката солнца, не улучшил наше впечатление. Когда нас доставили в наши квартиры в медресе около мечети, улицы были пусты, магазины закрыты.

На закате, однако, спокойствие завершилось с грохотом пушек, что означал конец воздержания этого дня и ухода из публики. Магазины и лавки открылись, торговцы зазывали покупателей. Море людей ринулось на улицы, чтобы потратить ночь для еды, разговоров, покупок, прогулок. Появились мужчины на конях, верблюдах и ослах, многие в одежде из местностей, о которых я не знал. Эти одежды исчезли под советским правлением.

Поскольку узбеки являются очень набожными, наша группа также не выходила в наружу до заката солнца. Даже если нам говорили, что религия есть опиум, нам было сказано, чтобы мы вели себя правильно и не оскорбляли обычаи местного населения. Мы также прогуливались и глазели по сторонам. Мы также сидели в чайхане, попивая зеленый чай под журчанье воды, бегущей по арыкам. Впервые мы увидели и попробовали много вкусных вещей. Здесь были абрикосы, груши, вишни, арбузы, дыни с белой, ароматной, сочной мякотью. Здесь были узбекские кулинарные уклады, вкусные *пиллаус* и *шишкабобы*. В течение короткого времени мы полюбили южный образ жизни. Несмотря на удовольствие, мы испытали также впервые большой дискомфорт. Мы, привыкшие к жестоким зимам и холодным ночам, даже в знойное лето, имели трудности со сном в жаркие ночи Ташкента до тех пор, пока не акклиматизировались.

Однако, мы не надолго задержались в этом конгломерате человечества среди многих мечетей, минаретов и закрытых базаров. Ташкент оказался лишь одним из нескольких пересадочных станций. В течение нескольких дней после нашего прибытия нас опять погрузили на поезд, идущий в Самарканд. Мы проехали через узкие вершины с темными, массивными скалами, возвышающихся с каждой стороны, затем ворвались в плодородную долину реки Зеравшан, означающего золотопад. Его поток был наполнен мощными ледниками Кухиستانских гор, чьи вершины возвышаются над Самаркандом с востока. Этот город Тамерлана, о котором мы слышали много раз от наших семей, который был сделан центром искусств, наук и поэзии внуком Тамерлана, Улуг-беком, оказался для нас полным разочарованием. Взятый русскими в 1868 году, он был лишь еще одним русским городом. Правда, Регистан, просторный *майдан* или площадь и большие здания вокруг него, все еще были здесь. Там была и гробница Тамерлана, у которой мы постояли в молчании, была не способна увести нас в прошлое, поскольку уже ничего не осталось от него. Разочаровавшись, мы побродили по остальной части города, посещая магазины, полные свежими и сушеными фруктами, ярким текстилем, мехами, коврами, все еще находящиеся в частных руках. Узбекистан тогда не был Советской республикой. Он даже не был Социалистической республикой, а был просто народной республикой.

Также, как и в Ташкенте, мы здесь простояли лишь несколько дней. Нас вновь посадили на поезд, который в этот раз шел в Бухару, которая была конечным пунктом для нашей группы. По прибытии в древний город, второй после Мекки святой город ислама, я узнал некоторые факты из того, что мы видели в Ташкенте и Самарканде. Мы никогда бы не имели удовольствия видеть эти два города, если бы большевики не имели проблем в Эмирате Бухары. Сам эмир был изгнан из города лишь за год до нас. Несколько ворот старой столицы за стенами все еще имели следы обстрела снарядами. Также банды партизан все еще устраивали побеги на востоке.

Нашим домом здесь опять было старое медресе в самом центре города. Балкон моей комнаты выходил на большой круглый *хауус*. Стоячая вода в этом бассейне была полна буквально всем видами насекомых и извивающихся созданий. Он также вонял нещадно. Это была вода, которой правоверные совершали омовение перед тем, как молиться в многочисленных мечетях. Это была также вода, которую многие люди по соседству использовали для питья, для чая, для стирки. С этого бассейна начиналась сеть улиц, некоторые длинные и прямые, а большинство кривые и узкие, однако, они все были под крышей: когда-то знаменитый крытый базар Бухары. Сзади него находились древние кладбища. Они занимали до одной пятой города. В течение веков все могилы были над грунтом. В результате, с телами, сложенными друг над другом, некоторые кладбища были почти с десятиэтажного дома. Идущий от них смрад был невыносим. Когда шли дожди, то разложения от трупов смывались на улицы. Неизвестно, что было лучше: быть около кладбищ в жару, когда температура превышала 45 градусов по Цельсию, или, когда шел дождь. За кладбищами располагался остальной город, лабиринты сотен узких, кривых, безымянных улиц, насупившихся похожих на крепость домами из кирпича или дерна и без окон с уличной стороны. Этот комплекс базара, кладбищ и жилищ был окружен высокими и толстыми стенами. Имелось одиннадцать ворот, закрываемых с заката до восхода солнца и охраняемые день и ночь вооруженными людьми.

Каждое утро город возвращался к жизни. Опять были открыты ворота. Через них в город устремлялся поток верховых, верблюдов и ослов, в то время как узбеки, афганцы, персы и туркмены возобновляли свои повседневные заботы и магазины и базар заполнялись покупателями. Все было весьма живописно, но также очень шумно от зова детей и громких споров покупателей с торговцами. Я ни разу не видел женщину с открытым лицом. Весь женский род, за исключением очень маленьких, были туго завязан в черные паранджи, их лица были покрыты черными пеленами, выделанными из конских волос. Ночами было опасно выходить в наружу. На улицах не было ни электричества, ни какого-либо света, вообще. В такие часы по ним бродили сотни и сотни бездомных собак, голодные до ужаса и

немногочисленные воришки не в лучшем состоянии. Когда мы несколько раз выходили из медресе в темноте, то всегда нас сопровождала вооруженная охрана с фонарями.

Наши впечатления от города немного улучшились, когда мы здесь пожили немного и обзавелись несколькими друзьями из местных жителей. Приглашенные в их дома, мы были удивлены находить, как они были красивы изнутри. Большинство домов имели типа бассейнов, малых или больших, в зависимости от состояния владельца, бассейны с гораздо свежей и чистой водой, чем наш под нашим балконом. Вокруг бассейнов расположились сады фруктовых деревьев и прекрасных цветов, как розы, ноготки, маргаритки и много других, чьи названия я уже не могу вспомнить. Комнаты этих домов, окна и двери, которые открывались на эти красивые аллеи, были приятно прохладными после жары на улицах. У многих были низкие софы и чрезвычайно красивые ковры, знаменитые бухарские.

Удовольствие от этих визитов, однако, не смогло устранить мою подавленность, вызванную общим состоянием разложения города. Какая ужасная судьба выпала на великую Бухару, когда-то столицу саманидов, когда-то интеллектуального центра ислама и второго после Мекки святого места. Бухара, я почти плакал, когда-то прекрасный город с мощеными улицами и великолепными караван-сараями, со знаменитыми библиотеками и университетами, даже с адекватными санитарными установками. Я чувствовал, как духи плачут по: Рудаки, великому таджикскому поэту; Низамутдину Алишеру, великому узбекскому поэту; и Абу Али Ибн-Сине, знаменитому таджикскому ученому и философу, жителю Бухары и известного в Европе как Авиценна.

Правда, за стеной дела казались получше. От города по всем направлениям простирались гектары и гектары плодородной почвы, знаменитый бухарский оазис. Здесь дехкане трудились на своих участках, выращивали фрукты, овощи и хлопок в большом изобилии. Повсюду росли акация, ореховые деревья, огромные тутовые деревья, каштаны, вязи, дубы, миндалевые деревья, абрикосы, вишни и персики. Однако, вся страна, как деревенская местность, так и города, были подавлены неграмотностью, суевериями, малярией, кожными и брюшными заболеваниями. Они были главными врагами этого народа прошлого величия, который когда-то дал мусульманскому миру великих поэтов, ученых и мыслителей. Это было наследием русского колониализма, колониализма, худшего также из-за эгоизма местных беков и ханов, заинтересованных лишь в эксплуатации собственного народа при помощи завоевателей.

По правде говоря, я думал, что Бухара и большая часть остального Туркестана сильно нуждались в новом порядке. Она долго нуждалась в какой-то революции, установления некоторой новой системы, распространения образования, санитарных учреждений, строительства новых дорог и новых домов, реформирования, национального движения и независимости. Вежливые, гостеприимные, трудолюбивые узбеки, известные за рубежом за свою доброту к детям, за их хороший вкус и склонность к живописным формам и цветам, не были плохими людьми. Все, чего они нуждались, это было просвещение их лидеров для того, чтобы они были готовы бороться за новый порядок. Однако, в те дни моей невинности, я не знал, что узбекский прогресс должен был быть обеспечен ужасной ценой коллективизации и советизации.

Моя часть в этом скорбном процессе пришла скоро. После нескольких дней отдыха и экскурсий, нас позвали в канцелярию *назира*, или министра образования. Когда мы сели и попили зеленого чая с конфетами и со свежими фруктами, нам сказали, что наша группа распущена так, что каждый мог быть отправлен на индивидуальной основе. Мы были первыми молодыми активистами, которые рассеялись по Туркестану до самой Алма-Аты. Некоторые из нас были направлены в Термез. Другие должны были оставаться в Бухаре. Наш руководитель Хей был назначен в Хиву, которая была весьма плохим местом, чтобы такой фанатик направлялся туда. Меня направили в Чарджоу (теперь один из многих ленинских Советского Союза), в каких-то сто км от Бухары, вверх по Аму-Дарье (Оксус). В мою задачу входило работать в качестве инструктора в учительском колледже, который только что был открыт коммунистами в маленьком туркменском городке.

Эта чарджоуская школа была наиболее необычным и импровизированным учреждением. Весь коллектив состоял из татар. Директор был татарин из Казани. Администратором был татарин из Крыма, бывший торговый моряк. Студенты были тоже довольно исключительными. Их возрасты колебались от двадцати с чем-то до пятидесяти лет. Они были выбраны в своих деревнях и направлены в Чарджоу на основе того, что были наиболее образованы. Это образование, однако, было скорбно скудным. Оно состояло, в основном, от требуемых годов сидения в клетках школ старого стиля и зубрежки наизусть арабских слов, значение которых они совершенно не понимали. Они не имели понятия об основах арифметики, физики, химии, не проходили истории, иностранных языков или каких-либо наук. Их отправили с их принадлежностями жить в школьном здании, спать на полу с собственными одеялами в перенаселенных комнатах. Наша задача была размера от громадного до невозможного: дать этим жалким людям не только элементарное образование, но и также делать их политически грамотными, советизировать их для нужд в их деревнях.

В возрасте семнадцати лет я нашел себя профессором математики в этом странном месте. Это, несмотря на то, что мое знание не простиралось дальше, чем логарифмы, биномные теоремы, геометрия и тригонометрия. Тем не менее, это было более чем достаточно для моих студентов. Моя задача для них считалась выполненной, если я их ввел в их упрямые головы основы арифметики и элементарной алгебры.

Это был страшный день, когда я впервые встретился со своим классом. Перед собой я обнаружил порядка пятидесяти бородатых мужчин в живописных узбекских халатах с тюрбанами или красиво

вышитыми узорами тюбетейках на их головах. Всем им, по меньшей мере, было сорок лет. Их выражения лиц были далеки от дружелюбного. Они ожидали от меня каких-то ошибок, срыва чего-то ненужного с языка или демонстрации некоторой слабости. На лицах у некоторых было написано: «Чего можно ожидать от семнадцатилетнего мальчишка?». На других я прочитал: «Он есть кафир или, возможно, русский». Возможно, к их неудовольствию, я не поколебался. Я был закален тем, что видел революцию и был членом комсомола. Я прошел основы военного дела с молодежной группой, знал обращаться пистолетом, винтовкой и гранатами. Моя уверенность также была основана на моем знании, что мое образование превосходило их уровень, и на моей решительности их учить. Я был принят ими в качестве их учителя, по меньшей мере, для большинства.

Некоторое время спустя после начала занятий, довольно интеллигентного вида человек присоединился к моему классу. Ему было около двадцати пяти, мой самый молодой студент, чисто выбритый, в белом тюрбане и белом халате. Его звали Хамза. В один из дней он подошел к моему столу. Я подумал, он хочет о чем-то спросить. Тут он без слов дал мне маленький пучок соломы и кусок угля. «Что это, Хамза?», спросил я его. «Юлдаш мугаллим (товарищ учитель)», объяснил он, «мой дом находится недалеко отсюда в кишлаке и у меня есть там молодая жена. Наши женщины не умеют читать и писать. Солома и уголь являются вестью, письмом. Они означают, что оставил свою жену одну и она сильно скучает по мне, становится желтой как этот пучок соломы, в то время как ее настроение становится черным как этот кусок угля. Пожалуйста, юлдаш руководитель класса, предоставь мне несколько дней отпуска для посещения моей жены». Озадаченный его цветистым представлением своего дела и с симпатией к его любви к своей жене, я постарался сделать мое лучшее для Хамзы. Это было нетрудно. Директор института был не коммунистом и знал, кто я такой. Он быстро согласился с моим предложением об отбытии Хамзы.

Такая поддержка Хамзы буквальным образом обернулась мне почти моей смертью. Скоро после того, как Хамза посетил свой дом, самый старший студент, мужчина в своих пятидесятых, также попросил об отлучке. «Юлдаш», сказал он, «дом с детьми выглядит как базар. Бездетный дом выглядит как мазар (по-узбекски, могила). У меня семеро детей; я сильно соскучился по ним. Мой кишлак находится не далеко отсюда. Пожалуйста, помоги мне съездить домой. Я приеду обратно через неделю». Мне было жалко его. Я знал, что он был отправлен в колледж насильно, так что, я позволил ему уехать. С этого начался малый поток похожих просьб, большинство которых я удовлетворил на основании болезни, семейных проблем или подобных забот. Наконец, сильный и бородатый студент в своих тридцатых годах потребовал отлучки, не объясняя никакой причины. Он указал пальцем на меня и сказал «Вы помогли уехать другим. Я имею такое же право». Я рассердился, сказав ему, чтобы он сам отправился к директору и отказался помочь ему. Он также очень сильно рассердился и ушел, крикнув «Юлдаш, ты очень пожалеешь об этом». Через несколько дней я, сильно устав, отправился спать раньше времени. У меня был тяжелый день, не только из-за уроков, но также из-за военной подготовки и долгого партийного собрания. Сильно утомленный, я не мог заснуть. Я почувствовал какую-то тревогу, только никак не мог себе ее объяснить. Возможно, это было потому, что полная луна несколько боязливо освещала мою комнату, да и ночь была очень жаркой. Почти тут же, достаточно сильно беспokoившись, чтобы встать, я нашел свой пистолет и положил его под подушку перед тем, как, наконец, заснуть. Я проснулся внезапно после полуночи. Возможно, все еще сонный, я слышал какой-то шорох. Я протер глаза, увидел фигуру человека, медленно прокрадывающегося к моей кровати. Лунный свет отразил блеск его кинжала, которого он держал в своих зубах. Было достаточно света, чтобы я увидел, что он был одет в длинный белый халат, но недостаточно для того, чтобы я различил его лицо. В доли секунды с пистолетом в руках я спрыгнул с кровати. Я крикнул и бросился на человека, но он оказался слишком быстрым для меня. С почти невероятной скоростью он выскочил за дверь и тотчас исчез в темноте коридора здания. Мой крик также разбудил других учителей. Мы обыскали все здание и подвалы, но никого не обнаружили. Утром мы устроили переключку для всех студентов. Только одного из них не было, именно, того, кто кричал на меня: «Ты пожалеешь об этом». Мы его больше не видели. Возможно, он присоединился к басмачам, партизанам и повстанцам, которые рыскали тогда по холмам и сельской местности, нападая на отдаленные коммунистические соединения. Возможно, он был одним из них уже до того, как был мобилизован в колледж.

В те сложные времена басмачи создавали беспорядок во всей военной и политической ситуации в Туркестане. С плодородных долин Ферганы до гор восточной Бухары, организованные группы вооруженных людей, мобилизованных из местного населения, устраивали нападения на красные гарнизоны, разрушая склады снабжения и коммуникации, убивая просоветских элементов. Хотя оно Москвой называлось бандитским, это антисоветское движение в действительности состояло, в основном, из тюркских националистов, добивающихся той же автономии у русских, которая была обещана коммунистами, той же автономии, с помощью которой красные обманули группу Идел-Урал в моих краях.

В первые месяцы моего пребывания в Чарджоу басмаческое движение приобрело такой размах, что были вызваны регулярные части Красной армии для его ликвидации. Даже я был поставлен в специальное подразделение. Вместе с другими членами партии в городе меня назначили в ЧОН или части особого назначения, специальные войска для защиты от атак басмачей. Образовав подразделения, нас вооружили пистолетами, винтовками и ручными гранатами и проводили военное обучение. В ту ночь покушения на меня как раз я возвратился из одной таких тренировок.

Истощение не было единственным, что сделало меня бессонным в ту ночь. Я был расстроен, глубоко, личным и с первых рук сообщением, как в действительности дела шли под коммунистами. С приближением зимы я несколько привык, несколько оступел по отношению к ордам беженцев из России, спасающихся в солнечном Туркестане, пытаюсь избежать эпидемий и голода, в поисках хлеба. Из-за проблем с басмачами, все коммуникации с севером были разрушены и местные газеты на юге печатали чистую коммунистическую пропаганду, а не новости. Тем не менее, я слышал смутные сообщения об очень тяжелых временах в регионе Орска, также слухи об эпидемиях и голоде. В один прекрасный день эти сообщения были подтверждены мне непосредственно. Наш сосед из верхней улицы в Орске, бухгалтер, женатый на двух сестрах, в поисках пищи ухитрился как-то доехать до юга и найти меня в учительском колледже.

Сосед был за пределами среднего возраста, но смотрелся гораздо старше. Он плакал, рассказывая мне, что огород и животные моего отца были полностью изведены. Отец поддерживал не только свою семью, но и казацких родственников из Ново-Орска, у которых не было никакой пищи из-за потери своих земель и лошадей при новой системе. Заканчивая свой рассказ, старый человек сказал: «Твоя семья в очень критической ситуации. Пожалуйста, помоги по меньшей мере хоть малым».

Я был ужасно расстроен и пристыжен. Сперва, чтобы сделать старому человеку немного удобств, я взял мое лишь единственное запасное имущество, дополнительный пистолет, на базар. За проданное оружие одному узбеку я получил около пятнадцати или двадцати фунтов риса и несколько фунтов сушеного винограда, которых отдал старому человеку. То был последним непосредственным контактом с моей семьей, последней малой вещью, которую я смог делать для моих дорогих людей.

Партийные активисты в Чарджоу организовались гораздо больше, чем для защиты от возможных атак басмачей. Скоро после прибытия в колледж, я встал на учет в партийном комитете и получил назначение в партийную ячейку городского отдела образования. Эта ячейка состояла из одиннадцати членов, все русские. Я стал номером двенадцать, единственный татарин, единственный нерусский. Я помню трех из этой ячейки: профессор математики из университета Казани; в преклонных годах, с большими усами и нервного профессора физики; и представителя страшного чека, чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, советской охранной полиции, называемой ныне КГБ. Чекист был высокого роста, темный, сильный и симпатичный латыш в начале своих сороковых лет. Он надевал кожаную куртку своего цвета и ниже черной кожи он носил маузер в деревянной кобуре на бедрах. Когда он смеялся, что не часто случалось, он выставлял на обозрение два ряда золотых зуб. Я часто думал, какое впечатление производит он на людей, которых допрашивает, с этим блеском золота. Почти одновременно с моим вступлением в ячейку, наши споры начали вращаться вокруг прогрессивно меняющихся позиций Ленина и Троцкого. Во время закрытого заседания чекист дал нам детали этих разногласий между двумя вождями с подробностями и затем потребовал выразить каждому свое мнение. Те были добрыми старыми временами, когда мы имели роскошь соглашаться, не соглашаться или воздержаться в свободной дискуссии. Первая чистка еще только должна была придти. На этом собрании профессор математики поддержал Троцкого, и большинство встало на стороне Ленина. Несколько человек, включая меня, воздержались.

Эта свобода продержалась не долго. Позднее в том 1921 году большевики начали первую чистку, и она также достигла нас, в самом юге Туркестана. Ее целью было вытеснение сторонников Троцкого. В Чарджоу оно было сделано открыто, на массовых собраниях партии, на которые заставляли идти и беспартийных. Члены партии, в свою очередь, становились на платформу, давали свои биографии, объясняли свои позиции по Троцкому, отвечали на множество вопросов из аудитории. Это были весьма монотонными мероприятиями. Было так много коммунистических кандидатов или полных членов, чтобы послушать, что аудитории скоро устали от своей роли задавать вопросы. С этого времени те, кто был за Троцкого, были просто исключены из партии, и чистка скоро закончилась.

Когда пришла моя очередь, я рассказал кратко историю моей жизни и заявил о моей оппозиции Троцкому. Почему, я так проворно сказал, должен поддерживать дурацкие идеи о перманентной революции для выживания коммунизма. Обещания Ленина, я говорил, о правах национальных меньшинств по самоопределению были намного обоснованными чем ультрареволюционные идеи Троцкого. Правда, я все еще был слишком молодым, чтобы понимать, что позиция Ленина о национализме была тактическим обманом. Я заключил мое выступление со звонкими словами о достаточности одной революции для России и требованием тем, кто хочет мировой революции, встать с места для подсчета, кто «за нее». Аудитория разразилась аплодисментами и я прошел чистку.

Уже буквально на следующий день я стал полным членом российской коммунистической партии большевиков и мне вручили партийный билет. Так, в возрасте семнадцати лет. Ха! Я не понимал даже а, б, в коммунизма. Я был молодым человеком с авантюристскими устремлениями. Я нуждался в выходе моей энергии и находил чувство власти в принадлежности к партии. Ха! Что за мечты!

Почти одновременно с моим возвышением на политическую вершину, я оказался без каких-либо экономических подпорок подо мной. Колледж, где я преподавал, был полностью реорганизован и я должен признаться, к лучшему. Даже его название было изменено как Узбекский Педагогический Институт города Чарджоу. Аналогично, одновременно был реорганизован Оренбургский институт, который направил мою группу в Туркестан. Все связи между этим институтом и нами были отрезаны. Мы более не находились на его ответственности, поскольку, он также был превращен в педагогическое учебное заведение. С этого времени для него мы просто перестали существовать.

Человеком, который спас меня от финансового краха, был директор этого кратковременного колледжа. Его назначили начальником городского отдела образования, и он взял меня к себе в качестве своего административного помощника. Мои связи с бывшей работой были чисто физические: мне позволили спать в моей старой комнате.

В новом институте полностью были изменены как штат, так и студенческий состав. Директором стал бывший турецкий полковник Несми бей, который попал в плен во время мировой войны. Освободившись во время революции, он женился на молодой русской девушке и осел в Туркестане. Он говорил довольно сносно на русском языке, но не был коммунистом. Всего его преподаватели также были турецкими, профессиональными учителями и выпускниками университетов, приглашенных в Бухару коммунистическими властями. По сравнению с ними штат нашего распущенного колледжа представлял собой лишь кучку обученных агитаторов.

Все мои бывшие студенты, довольно старые мужчины, были отправлены обратно в свои кишлаки. Их места заняли юноши, не моложе семнадцати лет и не старше двадцати одного года, все, кто выдержал вступительные экзамены и имел, по меньшей мере, начальное шестилетнее образование. Эти юноши должны были обучаться здесь в течение трех лет. Для них были построены настоящие общежития и были сделаны койки и другое спальное оборудование. Турки ввели для студентов военизированную форму одежды, систему приветствия учителей, принудительную дисциплину, даже ежедневные строевые подразделения и солдатские маршировки. Институт стал почти военной школой, а его студенты – кадетами.

Естественно, меня тянуло к туркам. Не только потому, что они были для меня первыми иностранцами, но и потому, что они были моим народом. Вечерами после работы я шел к ним. Там был Несми бей, житель Стамбула, выпускник факультета математики Стамбульского университета. Молодой и красивый, он хорошо знал дело преподавания математики и я покраснел, когда сказал, что являюсь его предшественником. Татарского происхождения, он также был более дружелюбно, чем другие, расположен ко мне. Там был также Ахмед Мухлис бей, высокий, энергичный молодой человек, настоящий сердцеед девушек, который преуспел в находке двух возлюбленных, блондинку и брюнетку, сразу же после прибытия в Чарджоу. Он играл на фортепьяно, танцевал, пел, редко проводил вечер в институте, обычно исчезая в городе. Третьим был Мустафа Дурумш бей, приятный джентльмен в конце своих сорока лет и также бывший турецкий офицер. Он был вдумчивым и серьезным, всегда казался, что говорит меньше, чем думает, и мне нравилась мысль, что он мог быть агентом знаменитого Энвер Паши. Как я восхищался этими турками, их образом и знанием жизни! Все они имели красивые костюмы, десятки чистых рубашек, кучу галстуков, красивую обувь. Наши бедные одежды не шли ни в какое сравнение с их одеждой. Они выглядели хорошо упитанными и здоровыми, и были полны жизни и юмора. Они были гуманными, скромными и приятными. Они не были иностранцами, высмеиваемых в коммунистической прессе.

Причиной, что я носился с мыслью, что Мустафа Дурумш бей мог быть агентом Энвер Паши, являлось подозрение среди коммунистов Туркестана, что опасные турки или их люди повсюду прятались под всеми штабелями дров. Посланный Москвой в Бухару в качестве советника, бывший младотурок, порвал с коммунистами, бежал в горы и провозгласил себя как вождь антисоветского движения в Туркестане. Его мечтой было создание нового Турана или союза тюркских народов от Босфора до Океании. Он никогда не имел успеха, но до тех пор, пока не был убит в стычке с красным патрулем, он тревожился о коммунистах больше, чем о басмачах. Для меня он всегда был героем.

Весной 1922 года, в пик паники из-за Энвер Паши, в один из вечеров Мустафа Дурумш бей пришел ко мне в комнату. «Исмаил», сказал он, «я чувствую, ко мне приближается угроза. Возможно, чека арестует меня. Здесь имеется что-то, которое может быть использовано как вещественное доказательство против меня. Пожалуйста, поддержи его немного у себя». Он вручил мне мешочек с многими золотыми монетами, настоящим золотом и револьвером. Я совершенно позабыл о моих подозрениях по его поводу и принял деньги и оружие. «Ты хороший мальчик», сказал он. «Если ничего не случится со мной, то ты можешь отдать их мне. Если меня расстреляют, то считай, они твои. У меня нет никакой семьи». У него появились слезы, когда он попрощался со мной.

Я спрятал золото и оружие под шкафом на полу моей комнаты. В следующую ночь Дурумш бей и Ахмед Мухлис бей были уже арестованы чека. Через несколько часов меня вызвали в партийный комитет. Здесь находился тот же чекист, который присутствовал на всех наших партийных собраниях. Он спросил, нет ли у меня каких-либо подозрений о контрреволюционных действиях турецких учителей. «Товарищ», сказал он, «вы единственный коммунист в их институте. Пожалуйста, укажите что-либо против них, что кажется даже незначительным для тебя. Если ты сможешь нам, ты сделаешь настоящий вклад в дело партии». Это указывало на то, что он ничего не имеет реального против моих двух товарищей. Я ответил: «Товарищ, эти два турка являются очень хорошими товарищами. Они только учат и не интересуются никакой политикой. В свободное время они лишь играют в карты, бегают за женщинами и выпивают». На этом закончился мой допрос. Позднее я узнал, что мой начальник, бывший директор колледжа, также был допрошен чека о турках и также он защищал их.

Через неделю два моих друга были освобождены. Я возвратил золото и револьвер Мустафе Дурумш бей и скоро позабыл об этом деле. Однако, как со всеми турками, память Дурумш бей была более долгой. В это лето он позвал меня на долгую прогулку с ним. Он говорил о неразрешенных проблемах в России, о голоде, эпидемиях и хаосе, затем он сказал, что я должен ехать в Турцию, поступить в Стамбульский университет и начать новую жизнь. Когда я его спросил, как все это сделать, он сказал,

что его друг, турецкий генеральный консул в Баку, имеет сильных и влиятельных знакомых в Анкаре и может помочь мне. Он дал мне заранее приготовленное письмо к его другу в Баку, прося о помощи мне. Ехать в Турцию была не совсем новая для меня мысль. Мое любопытство об этой стране, мое желание повидать ее, уже ранее возникала у меня при разговорах с другими турками в институте. Доброта Дурмуш бея не только напоминала мне о своевременности этой надежды, но и также совпадала с моими все возрастающими тревогами по поводу моего будущего. Работа в городском отделе образования давала мне средство для существования, но не имела ничего общего с получением образования. Мои контакты с турками более чем ясно показали, как я нуждался в дальнейшем обучении. Однако, пока Дурмуш бей не вмешался, я не мог найти определенного пути достижения своей цели. Ехать домой было равносильно признанию ошибки. Возвратиться в Оренбург и к тамошнему голоду, также никак не способствовало бы достижению какой-либо реальной цели. И оставаться на незначительной работе в Чарджоу также было бы равносильно пустой трате времени. Кроме того, мне было всего восемнадцать, с хорошим здоровьем и с неодолимым желанием повидать остальной мир и его людей. Я был более чем готов покинуть Чарджоу, хоть куда угодно. Баку и Турция стали единственными открывшимися мне шансами.

Правда, страсть к путешествиям сыграла большую роль в моем решении уехать. С юношеской самоуверенностью я попытался поставить некоторую рациональную цель в своем выборе. Я для себя установил «программу максимум» и «программу минимум». Согласно «программе максимум», моей конечной целью был отъезд из советской России в Турцию, возобновление учебы в Стамбуле и получение настоящей профессии инженера, с помощью которой я мог бы обеспечить себя на жизнь. Моей «программой минимум» было вступление в какую-либо техническую школу в Баку для изучения промышленной торговли. Я определенно был далек от реальных проблем этих печальных времен, но чувствовал себя уверенным, что поступаю правильно.

Так, в середине августа 1922 года, полон мечт и решения, с одним лишь письмом Дурмуш бея в кармане, я попрощался с турками и другими друзьями и сел на поезд, следующий в Красноводск на восточном берегу Каспийского моря. Я с соблюдением формальностей уволился с работы, но по-глупому не сказал ничего о моих намерениях партийному комитету. Я вычеркнул Чарджоу из моей памяти, как только поезд тронулся в путь.

Путь, сыгравший столь большое значение для русского завоевания Туркестана, очаровал меня. Главная его часть проходила через Кара Кумы, одного из наиболее грозных пустынь мира, с сотнями километров рельсов, уложенных параллельно книгоподобным пикам Копетдагской горной цепи. По ту сторону гор не было никакой преграды для моих мыслей. Я знал, что сразу за горами была Персия и за ней находились Багдад, Турция и все места легендарных сражений Саид Баттал Гази, Саладин Еюби и чудесных рассказов *Тысячи и Одной Ночи* моего детства. Я верил, что рано или поздно поеду посмотреть эти места и отдать мои почтения памяти героев моего народа, ушедших в небытие.

Был жаркий и влажный полдень, когда поезд прибыл в порт Красноводск. Я впервые в жизни оказался ниже уровня моря, ступив в на его берег, мое видение Аральского моря оказалось весьма летучим, далеким мгновением. Очень хотелось пить и я начал искать емкость для воды на станции. Все станции, на которых я побывал, имели питьевую воду для пассажиров. Красноводская станция была исключением. В ней не было ни емкости, ни воды. Будучи на краю пустыни, порт импортировал воду из счастливых краев на лодках и по железной дороге. Когда я, наконец, добрался до водного резервуара в городе, то узнал, что я должен платить за питьевую воду. Я был шокирован.

Ежедневный корабль на Баку уже ушел несколько часов тому назад перед тем, как мой поезд прибыл в Красноводск. Я убивал время долгого полудня и вечера хождением на доки и морской берег, как будто я находился в путешествии для открытий. Краны, загружающие грузы в корабли и выгружающие их оттуда, запах моря, которого я почувствовал задолго до подхода до него, переход через прибой и наблюдение за медузами и других морских созданий, все они были моими первыми впечатлениями здесь.

В ту ночь я спал, как и сотни других, ожидающих следующего корабля, на открытом воздухе около пирса. Задолго до восхода солнца люди проснулись и заняли очередь у билетной кассы. Я присоединился к очереди, но когда касса открылась ранним утром, на простых граждан не обращали никакого внимания, пока резервированные места не были отданы военным, партийным и правительственным чиновникам. Затем, когда очередь стала двигаться, окошко кассира закрылось ровно в тот момент, когда я достиг его. Последнее место на этот день уже было распродано.

Я совершенно не хотел проводить бесполезно еще один день и ночь или тратить деньги на питьевую воду и стоял на пирсе, не имея билета. В середине утра пассажиры начали грузиться на корабль. Этот процесс походил на мятеж. Каждый из сотен людей боролся, чтобы первым взойти на борт. Они толкали друг друга, ужасно ругались, суя под нос чиновников билеты и всякого рода документы и мандаты.

Некоторые из более сильных прокладывали себе дорогу с полным использованием локтей и плеч. Я был силен так же, как все они и догадался, что решение моего вопроса весьма просто: протолкнуться на борт таким же образом.

Дождавшись пика этой борьбы на пирсе, я проложил себе путь к мимо чиновников, вовлеченных в большой спор с другими пассажирами и добрался до нижней палубы. Я был безбилетный, но моя совесть была чиста. Многие другие «опытные» пассажиры делали тоже самое на кораблях и в поездах в эти тревожные дни. Кроме того, эта система, а не я, сотворил этот транспортный хаос. Также я сберег

немного денег для того, чтобы помочь самому себе на пути в Баку. Через несколько минут после того, как я взошел на борт, мы уже отбыли.

ЮНОСТЬ

Путешествие из Красноводска до Баку заняло немного больше одного дня. Ускользнуть из корабля незаметно было гораздо проще, чем садиться на него и я легко оказался на берегу Апшеронского полуострова. Я почти горел от переволнения. Здравствуй, Кавказ, я сказал себе, здравствуй, Закавказье, здравствуйте, земли, так чудесно воспетые великими русскими поэтами Лермонтовым и Пушкиным и так прекрасно описанные Львом Толстым!

Однако, моим радостям не было дано продолжаться более чем двадцать четыре часа. За эти часы как моя «программа максимум», так и «программа минимум», затрещали по швам. Мое первое разочарование случилось в турецком консульстве, где несмотря на письмо Дурбуш бея, мне сказали, что они ничем не могут мне помочь в поездке в Турцию, не говоря уже об университете. Лучше оставайся на своей родине, говорили они, и стань хорошим гражданином. Не зная других путей пересечения границы, мне не оставалось ничего, кроме как согласиться с ними.

Второй удар случился, когда я явился в отдел образования и попросил принять меня в техническую школу. Здесь я также узнал, что в никакую такую школу меня не примут, если мне не поможет какой-либо известный институт или какая-либо организация и они не пришлют свои рекомендации. Я нуждался в таком институте или партии для поддержки, однако все эти возможности я потерял своим отбытием из Чарджоу и невозвращением в Оренбург.

С моими разрушенными программами, я знал, что мои деньги растают быстро, как тает снежный ком под лучами жаркого солнца. Я должен был искать работу и поскорее. И я отправился в бюро по трудоустройству.

После прибытия в Баку мои мысли были сосредоточены вокруг себя так, что я не подумал о таком факте, что улицы города и парки были заполненные голодными, усталыми людьми, мужчинами, женщинами и детьми, которые ходили или сидели, но ничего не делали. Что это означало, я узнал скоро после того, как посетил бюро по трудоустройству.

Это бюро представляло собой потрясающее зрелище. Здесь находились буквально тысячи бедных дьяволов, которые месяцами в очередях ждали любой работы, лишь бы выжить. Некоторые здесь ждали дни и ночи, чтобы не потерять свои места в очереди.

Теперь в этих очередях для меня голоды 1921-1922 годов, эпидемии и гражданские войны, которые выпали на судьбы регионов Урала и Волги, многих районов в Киргизии и Казахстана, на предгорьях и в горах Дагестана и Азербайджана, наконец, стали более чем слухами. Я буквально содрогнулся от мысли о моей беззаботности по отношению к моей семье, которая должна была страдать таким же образом. Я буквально горел от стыда, наконец осознав, что моей единственной им помощью были всего несколько фунтов риса и сушеного винограда, и та была по просьбе, а не по своей инициативе. Люди, которые стояли рядом со мной в очередях безработных в Баку, были выжившие в этих ужасных несчастьях на обширных просторах большевистской России. Я содрогнулся от мысли, что среди них мог бы быть также мой отец, ждавший любой работы.

Большинство моих очередников пришли из недалеких мест, из Дагестана и Азербайджана. Их рассказы были страшными. Подобно моим татарам, они также верили, что революция означает для них свободу от русского правления. Гордые люди, они воевали до тех пор, пока коммунисты не надули их различными хитростями и лживыми обещаниями. Какими бы храбрыми они ни были, победили Советы, которые сознавали экономическое, политическое и стратегическое значение региона вокруг Баку точно таким же образом, как и цари до них. В результате поражения дороги, мосты, системы орошения, целые поселения и местная промышленность были полностью разрушены и люди были поставлены под мечом расправы. В одном лишь Дербенте, довольно мелком городе к западу от берегов Каспийского моря, три четверти зданий были сожжены Советами до основания. По следам поражения незамедлительно последовали голод, малярия и тиф. После этого скотная чума стерла с лица земли остатки табунов. Как будто этого несчастья было все еще недостаточно, на растительность напали саранча и полевые мыши. Наконец, все, что еще держалось, было разрушено ужасными ураганами и градом. Все это погнало людей в Баку или другие промышленные центры в надежде найти там работу. Каждый день мы стояли перед бюро по трудоустройству, где выводилось мелом на доске: «Немедленно требуются один дипломированный инженер-электрик, два дипломированных инженера-механика с долговременным стажем» или «три дипломированных конструктора». У меня же не было таких специальностей, также, как и у каждого, кто в эти печальные дни стоял здесь. Я поклялся, что однажды стану дипломированным, квалифицированным специалистом. Здесь не было досок, где бы написано, что требуются неквалифицированные, необученные рабочие, какими здесь были все и таким образом, мне в эти дни был дан урок, что образованные люди всегда нужны, как в плохие, так и в хорошие времена. Мой отец всегда говорил мне об этом и я узнал, что он был прав на основе своего личного опыта.

В то время как я стоял в очереди, мои деньги таяли, независимо оттого, как бы экономно я их не тратил. Я в дальнейшем продал все свои вещи, за исключением одежды на себе. Неумолимо наступил день, когда у меня вышли все деньги, и я должен был покинуть свою дешевую гостиницу.

В один жестокий день я в качестве последнего прибежища обратился в партию, когда безработный, без крыши над головой и голодный, пришел в Центральный Комитет Азербайджана. Здесь пренебрежительно посмотрели на мой протертый и грязный партийный билет, которого я когда-то так сердечно уважал. Мелкий чиновник бросил мне его обратно, сказав, что он не имеет штампа, что я прошел чистку или заплатил членские взносы. Он был прав. При моем поспешном отъезде из Чарджоу в многообещающий Баку я не позаботился об обновлении моего партийного билета. Я попытался объяснить это и спорить, что, будучи безработным, я не мог платить членские взносы. Это лишь вызвало гнев у чиновника. Он схватил мой билет, разорвал его, обозвав меня беспартийным подлецом и самозванцем и приказал, немедленно убраться и никогда больше здесь не показываться. Это было дном. Безработный, голодный, бездомный и выгнанный из партии, я был приговорен к голоду или смерти, также, как и миллионы других под новой советской системой.

Ту ночь, как и другие, я провел на скамейке в городском парке на берегу моря. Ночи в Баку становились холодными в конце августа. Я больше дрожал, чем спал. Часто меня будил милиционер, который угрожал арестовать меня, если я опять вернусь на скамейку. Однако, я всегда возвращался назад. Я хотел, чтобы меня арестовали. По крайней мере, у меня было бы убежище и пища. Меня уже ничего больше не трогало. Я был бродягой, отбросом и очень, очень голодным и все время думал только о еде.

Однажды, по совету людей в очереди в бюро по трудоустройству, я отправился в железнодорожную станцию. Здесь можно было бы подзаработать немного тасканием багажей пассажиров между их поездами и домами. Я подумал, если другие могут делать это, то почему я не смогу. Молодой и сильный, я мог бы таскать очень много.

На восходе солнца после моей первой ночи в парке, я прошел пешком 8 км до станции, присоединился к группе добровольных носильщиков первого прибывшего поезда. Даже не успели остановиться колеса поезда, я поспешил к группе пассажиров и крикнул во все свои легкие: «Пожалуйста, позвольте нести ваш багаж за любую плату. Я голоден и без работы». Мне повезло. Добрый толстый гражданин с малой горкой мешков и сумок нанял меня. Я был так рад. Было неважно, что багаж был тяжелый, солнце становилось все жарче и жарче, и расстояние было очень далеким. Ничто не беспокоило меня. Я буду, наконец, есть. Дома добрый толстяк заплатил мне достаточно для покупки завтрака, и даже несколько копеек осталось для обеда. После того, как богатый малый поспешил с благодарностями, я помчался на рынок, где купил фунт горячего хлеба, фунт винограда и кусок сыра. Я наелся и помылся в ближайшем фонтане на сквере. Это был самый лучший завтрак в моей жизни. Жизнь также показалась мне не такой уж и плохой.

Придя на станцию для следующей работы, я скоро узнал кое-что из специфики и риска, связанных с этим бизнесом свободного носильщика. Надо было знать с точностью до секунды расписание прихода и ухода поездов. Свободные носильщики должны были придти раньше прибытия или отхода поезда и раствориться среди пассажиров. Иначе мы рисковали нарваться на официальных носильщиков, местную милицию и железнодорожных чекистов. Правда, немногие из свободных носильщиков оказались воришками, однако, их основной угрозой было то, что они покушались на средства существования официальных носильщиков, которые были одеты в специальную форму, носили отличительные значки и самое главное, имели свой профсоюз и поэтому пользовались поддержкой властей. Я сочувствовал немного этим носильщикам. Они должны были существовать, однако, мы тоже. Я начинал понимать некоторые факты жизни, о которых совершенно не имел понятия, будучи советским пропагандистом в Туркестане. Голая жизнь, говорил мне отец, является также хорошей школой.

Шустрый и всегда на стреме, хороший свободный носильщик всегда мог ускользнуть от официальных носильщиков и заработать на еду для себя и своей семьи. Всегда находились пассажиры, желающие дать нам заработать или сэкономить немного денег или просто из жалости. Свободный носильщик, таким образом, стал моей профессией. Я довольно хорошо осознавал, что таким образом я не смогу сделать состояние, но я должен был держаться до тех пор, пока ко мне не случится чудо.

После приобретения опыта я разработал систему работы лишь для заработка, достаточного для ежедневного питания. Лучше, чем зарабатывать больше, на случай болезни, я решил, что будет целесообразнее, если потрачу некоторое время между бюро по трудоустройству для поиска лучшей возможности, и городской библиотекой, читая и улучшая мои знания. Я никогда не мог найти в Баку лучшие возможности, но здесь я познакомился с другими мирами в переводах Шиллера, Джека Лондона, Сервантеса, Диккенса и в сочинениях русских классиков Толстого, Пушкина, Гоголя, Лермонтова и Чехова. Я также убегал от забот жизни на прогулки к нефтеперегонным заводам, чтобы любопытствовать о тайне их действий, и к прекрасному заливу Баку, чтобы смотреть на корабли, везущие хлопок-сырец, рис, рыбу, сушеные фрукты и древесину.

Когда осень сменила лето, стало холодно проводить ночи на скамейках парка. Вместо них я выбирал стены больших зданий, места, которые нагревались солнцем днем и сохраняли тепло на ночное время. Я пытался находить стены в менее населенных секциях, поскольку было болезненно просыпаться ночью от шума возвращающихся людей по соседству после вечеров с друзьями или из театра. Я был измучен видениями об их уходе в теплые комнаты и теплые постели.

Поздней осенью нагреваемые солнцем стены стали слишком холодными для сна. Я слышал от свободных носильщиков и других бездомных людей о ночлегах на содержании города и нашел одного из них вблизи станции.

Мои предчувствия стали наихудшим образом реальными, когда я достиг этого здания и они стали даже еще хуже, когда я зашел туда. Это было ужаснейшее место. Там был земляной пол и дерновые стены. Не было никаких окон, ни света, ни воды, ни мебели. Оно было грязным вне возможности даже описать. Там не было ни постелей, лишь ярусы лежанок из нестроганных планок. Первый ряд жителей лежал на земляном полу. «Аристократы» занимали первые и вторые ярусы.

Каким бы страшным ни был этот ночлег, там все же было лучше, чем на улице. Никто не предложил мне место и все были готовы драться за свои места. Я пробрался и втиснулся на первый ярус между двумя людьми, которые выглядели слабее меня. Семьдесят седьмой житель этого ужаса, я лежал на спине и оглядывал мой новый дом. Это был заброшенный сарай, площадью в пять на восемь метров и высотой около двух метров. Я прикинул, что там на каждого приходилось около трех кубических метров пространства. Это было ярким примером того, как Советы заботились о бедных, бездомных, безработных. Из-за зловония я побежал с этого места, как только становилось немного теплее, чтобы поспать на скамейке в парке или вдоль стены. С приходом зимы, увы, и такие возможности исчезли. Я должен был страдать в «Восточной гостинице», как его звали жалкие жители этого места, даже, если там продували свирепые северо-восточные ветры, дождь, снег и слякоть находили себе путь в виде протоков через стены и крышу. Неспособная спать, в усилиях держаться сухой, эта жалкая толпа человечества разговаривала, громко и на многих языках и диалектах, вспоминая счастливые времена своей жизни. Некоторые люди были в своих сорока лет и старше, имели когда-то семьи и сносную жизнь. Было душераздирающе слушать их рассказы о потерянных детях и женах, бизнесе и домах, которые исчезли навсегда. Большинство этих старых людей были теми, кто отказался принять Советы или, присоединившись к ним, были разочарованы коммунизмом и искали лучшую долю в будущем. В те времена кроме нас, подростков, тысячи бездомных детей, настоящие сироты, блуждали по улицам Баку. Периодически милиция окружала этих бездомных, главным образом, мальчиков, и отправляла под строгой охраной в так называемые специальные колонии, в действительности, концентрационные лагеря под управлением ЧК. Разумеется, там эти дети были лучше накормлены, чем когда они находились на улицах и защищены от погоды, но большинство их ненавидело эти колонии. Многие отчаянно дрались, чтобы не быть пойманными. Некоторые убегали из колоний, и их рассказы о тамашней жизни под надзором ЧК делали их существование в качестве бездомных гораздо лучше, если даже оно было убогим.

С наступлением зимы, или ЧК улучшил свои методы на железнодорожных станциях, или мы, свободные носильщики, стали менее проворными из-за недоедания и все меньшей скрытности. Возможно, оба фактора сыграли свою роль, но в результате нам доставалось все меньше и меньше работы. Наше голодание дошло до степени истощения и мы завидовали собакам и кошкам, поскольку у них была еда, убежище и защита. Нам также запретили появляться на лестницах и публичных местах. После месяцев постоянной носки моя одежда стала ветхой и в лохмотьях. Без горячей воды, мыла или сменного белья я стал более чем отвратительным. В самом деле, я был настолько грязным и в таком ужасном положении, что мне уже более не пускали в библиотеку. Несмотря на все, мы, жители «Востока» знали, что могло быть еще хуже. Во всем городе имелось лишь две такие «гостиницы». Это означало, что тысячи и тысячи бедных созданий не имели никакого прибежища, чем улицы и парки, случайные бойлеры или котлы для приготовления покрытия улиц. Конечно, советская пресса была слепа на все это и продолжала пропаганду о том, как партия и коммунистические организации мобилизуются для помощи бездомным и безработным массам.

Стаи бездетных жестоко пострадали в эту ужасную зиму 1922-1923 годов. Их лохмотья, голод, не могли противостоять против болезней, в особенности, против тифа, который приобрел масштабы подлинной эпидемии. Они начали умирать на улицах и в парках, сперва десятками, скоро сотнями. Ранним утром милиция приезжала на автофургонах, чтобы подобрать эти маленькие тела, независимо оттого, были ли они мертвы или некоторые более счастливые – все еще были теплыми. Мертвых детей отвозили за город, чтобы похоронить в массовых могилах или сжигать.

Ранним утром этой зимы, после наблюдения за милицией, подбирающей жестокий урожай из мертвых детей, я почувствовал болезнь, не только сердцем, но и физически. Все, что я смог сделать - это возвратиться в «гостиницу», которую покинул несколькими часами ранее, не выдержав тамашнего зловония. Моя голова, все мое тело, ужасно болели и я знал, что у меня высокая температура.

Я упал на мою лежанку и почти сразу потерял сознание. Не знаю, как долго я пролежал, но когда очнулся, то уже было темно. Я мог слышать шум дождя. Все мое тело горело. Меня мучила жажда, я хотел пить и пить. Медленно я заставил себя сняться с планок на пол и почти дополз до дверей. Мои соседи наблюдали за мной без всякого желания помочь. Они, возможно, надеялись, что я исчезну навсегда, и они смогут занять мое место.

Раз очутившись за дверями «гостиницы», я прополз туда, где текла вода из водосточной трубы соседнего дома. Я начал пить и пить...

Позднее, я не знаю, насколько позднее, я опять пришел в себя. Медленно, очень медленно, я открыл глаза, я не поверил в то, что я увидел. Я укусил свою руку. Почувствовал боль, поэтому оказалось, что я не дремлю. Это была настоящая постель, на которой я лежал. Да, настоящая постель, после стольких ужасных дней и ночей, после всего этого кошмара. Она не была такой хорошей, как та в нашем доме. Это была больничная постель, но тем не менее, постель.

Полностью очнувшись, я также нашел себя чистым, в белом белье и мое тело было покрыто армейским одеялом. Около моей постели был маленький столик и на нем несколько кусков хлеба, полная бутылка воды и стакан для питья. Что за роскошь! Кто-то явно позаботился обо мне.

Комната была маленькой, только с двумя другими постелями, одна справа, другая слева от меня. Пара тел лежали на других постелях, с одеялами, покрывающими их с головы до пяток. Они были теми, о которых уже никто более не заботился. Они были мертвы.

Я испугался. Я попытался забыть мертвецов, глядя через единственное окно в серое и дождливое небо. В конце концов, мужчина в белой спецовке заглянул в комнату. Спокойный, он был удивлен, что я жив, пришел в сознание. Он сказал, что я нахожусь в больнице милосердия, что у меня был тиф в прогрессивной форме и доктора не думали, что я выживу. Эпидемия чрезвычайно переполнила больницу и потому меня положили в комнату покойников. Какая-то неизвестная добрая душа, говорил служащий, нашел меня под водосточной трубой и оповестил властей. Благослови господь этого доброго человека, который спас меня.

Через несколько дней я начал выздоравливать. Мое молодое и сильное тело боролась за жизнь со смертью. Меня сняли с критического списка и перевели в большую палату, где находилось тридцать других пациентов, также выздоравливающих от тифа. Там я провел несколько месяцев перед тем, как я набрал достаточно силы, чтобы медленно проходить небольшие расстояния. Воскресения и праздники были самыми болезненными периодами выздоровления. В такие дни других пациентов посещали их родственники и близкие. Мои родственники, мои друзья были за сотни километров отсюда. Во время первых таких посещений я натягивал на себя одеяло, чтобы скрыть мое одиночество и слезы, лившихся с моих глаз. Добрый малый с соседней койки понял мое отчаяние и отправил свою жену ко мне сказать теплые слова и подбодрить меня. Другие пациенты тоже последовали его примеру, и я стал получать знаки внимания от других посетителей. Многие пирожные и другие хорошие вещи также они стали делить со мной. Все это значительно повысило мои духовные силы. Я молча поклялся, что если выживу и найду себе место в жизни, то всегда буду стараться делать добро для моих товарищей, человеческих существ, и всегда буду избегать любого зла.

Наконец, пришла к концу эта ужасная зима 1922-1923 годов, когда можно было почти услышать запах приближающейся весны. Несколько докторов пришли к моей постели для очередной проверки. Я сказал им о том, что нечто беспокоит меня на спине; я чувствовал острую боль, и также было трудно дышать. После постукивания и слушания на моей груди, они нахмурили брови и ушли.

На следующее утро меня перевели в другую больницу в Биби-Эйбате, в нефтедобывающем районе Баку. Там мне сказали, что в результате тифа я получил осложнение в виде плеврита. Это была плохая новость. Без правильного лечения и правильной пищи мог последовать туберкулез.

После общего осмотра один из докторов, молодая женщина немецкой национальности, задержалась около моей постели. Она сказала, что если это возможно, то после ухода из больницы я должен ехать для того, чтобы набраться сил, в Абастумани или в другой горный курорт для легочных больных на Закавказье.

Боюсь, что я почти презрительно усмехнулся в ответ на ее предложение. Ха, мне, безработному человеку ехать на горный курорт? Я спросил. Доктор вздрогнула, но ее глаза, прекрасные темно-голубые глаза, оставались добрыми и понимающими. Я воспользовался ее симпатией, чтобы выболтать все о себе и о том, что за бестолковщину творю из моей жизни. Она выслушала меня без всяких слов, не глядя мне в глаза.

На следующий день во время ее регулярного обхода она вновь пришла ко мне. В это время она улыбалась как ангел. Она говорила, чтобы я забыл свои печали, думал только о хорошем, что я получу в больнице хороший уход и буду находиться здесь до тех пор, пока не выздоровею окончательно. Эта прекрасная женщина сдержала свое слово. Мое питание было улучшено. Меня положили в палату с окнами, смотрящими на берег моря. Днем я мог наблюдать вихри ветра в зеленых деревьях за окном. К ночи я засыпал под шум прибора. Она часто приносила мне хорошие книги для чтения и всегда находила для меня ободряющие слова. Когда мне стало лучше, я стал немного наглым, достаточно наглым, чтобы спросить, является ли она коммунисткой. Она не была озадачена. Она просто сказала «нет» и покинула меня. Я не верил, что такое чудесное создание могло быть коммунисткой, но на всякий случай я хотел убедиться.

Недели следовали за неделями этого превосходного ухода и внимания. Настоящая весна пришла с зеленой травой, цветущими деревьями, приятными днями и чудесным солнцем. Я никогда не чувствовал себя лучше за всю жизнь и меня по-настоящему защекотало, чтобы уйти из больницы и видеть мир снова.

Должно быть, медицинский персонал был согласен со мной. Пришел день, когда добрая женщина, доктор, позвала меня в свою комнату для консультаций. Она сказала мне, что у меня нет более следов плеврита, что мое общее здоровье превосходно и что я должен выписаться из больницы. Далее она посоветовала, чтобы я уехал из Баку, где все еще были тысячи безработных, чтобы попытаться найти работу в сельской местности, которая также будет очень полезной для моего здоровья. Она рекомендовала не принимать все близко к сердцу, затем сказала, что у нее есть для меня сверток в комнате для смены одежды для выписывающихся пациентов. При уходе я попытался поблагодарить ее, но запнулся, чтобы произносить слова глубокой благодарности и восхищения по ее адресу. Вместо этого, я взял ее руку, поцеловал ее и вышел из комнаты, не позволив ей видеть мои глаза. Я подумал,

увидю ли я ее когда-нибудь вновь, когда я буду самостоятельным и мужчиной. Годы позднее, при поездке через Баку, я попытался найти ее, но безрезультатно.

В комнате для смены одежды я нашел сверток с моим именем на нем. В нем был костюм, нижнее белье, носки, пара ботинок. Все было моего размера. Мое изумление стало настоящей радостью. Затем в кармане костюма я нашел небольшой сверток с деньгами, достаточными для моего недельного питания. Все это было подарком доктора. Благослови ее Господь и защити.

Я почти бежал из больницы, направляясь прямо на железнодорожную станцию. Сел на первый скоростной поезд, в пассажирский вагон первого класса. Я не имел понятия, куда идет этот поезд. У меня не было никакого билета. Не было также у меня какого-либо плана. Все, что я хотел, это уехать из Баку. Я не хотел задержаться здесь даже на один лишний день.

Наконец, поезд тронулся. Когда он набрал нормальную скорость, я сказал себе: «Прощай, ангел доктор, прощай Баку. Я слишком много страдал на твоих улицах, Баку». Я потратил здесь около семи месяцев времени.

Тем не менее, будучи самостоятельным, я мог быть гордым за себя. Несмотря на черные дни, голод, банд, «гостиницы восток», без нормальной работы, у меня никогда не возникало желания воровать, как это делали некоторые другие. Я никогда не пытался просить подаяния в виде денег или пищи, как это делали некоторые люди. Я приехал в Баку честным человеком и уезжаю из Баку честным человеком. Я был нищим, обтрепанным и грязным, видел человеческое горе, но был честным. Так, все было легко в моем сердце и жизнь опять начала казаться хорошей и даже чудесной. Я также знал, что научился многому. Я видел и говорил с людьми на дне новорожденного советского общества, с крестьянами, вырванными корнями из своих домов, с рабочими, превращенными в безработных, с теми, которые стали бродягами лишь для того, чтобы не принять Советов, с детьми, превращенных системой в бездомных сирот. Я более уже не был романтичным, наивным человеком по поводу Советов и коммунизма.

Поездка безбилетным на поездах в это время не была необычной, в самом деле, она была почти модной. Каждый старался избежать оплаты проезда, и безбилетные путешественники были таким привычным явлением, что даже для них имелось название, *зайцы*. Некоторые ехали на крышах вагонов, другие на креплениях внизу. Худшим наказанием для них, поскольку многие железнодорожники сочувствовали им, было высаживание на следующей станции.

Будучи зайцем первого класса, я узнал у других пассажиров, что поезд, на который я сел, шел до Москвы через Ростов-на-Дону и Харьков. По пути он должен был проходить через северный Азербайджан и Дагестан. Конечным пунктом для своего путешествия я выбрал окрестность где-то между Хачмасом и Дербентом, в лесистой местности вдоль берега, где, как кто-то в Баку рассказывал мне, требуются лесорубы.

Я не смог доехать туда. Через сорок с лишним километров севернее Баку в мой вагон пришли контролер и чекист в черном кожаном пальто и с револьвером на бедре. Закаленный многими месяцами в Баку, я улыбался, когда сказал, что билета у меня не имеется. Когда они спросили, куда я еду, я сказал, что еду по своему наитию. На этом они приказали мне выйти на следующей станции или я буду арестован.

Оба чиновника казались совершенно серьезными, так что, не желая идти в советскую тюрьму, я подчинился и вышел из вагона сразу после остановки. Было время обеда, солнце было на зените и было жарко. Я оказался на маленькой станции в деревенской местности. Там обитало несколько печальных, неулыбающихся железнодорожных чиновников и рабочих, росло несколько тощих деревьев. Пахло нефтью, пустыми грузовыми вагонами, верблюдами и ослами.

Через час или больше прибыл длинный грузовой поезд, шедший на север и остановился для смены нескольких вагонов. Когда он был готов тронуться вновь в путь, я прогулочным шагом ушел со станции и с рельсов, чтобы не обратить внимания станционного смотрителя. Однако, когда грузовой поезд начал двигаться, я вспрыгнул в открытый вагон.

В нем я обнаружил пару других пассажиров, грозно выглядевшего азербайджанца около тридцати лет с большим кинжалом на своем ремне и его жену, выглядевшей на десять лет моложе его. Мужчина слегка проворчал на мое *салаам алейкум*, разжевывая свой обед из холодного мяса, хлеба и сыра. Глядя на него, мои губы покрылись слюной, поскольку я не ел с самого утра. Внезапно он улыбнулся и попросил меня разделить с ним его обед. Это был горным гостеприимством, от которого я не посмел отказаться. Также, это был очень хороший обед.

Когда мы закончили обед, поскольку после обеда везде люди в хорошем настроении, мы начали разговаривать. Мой турецко-татарский язык был достаточно близок к азербайджанскому, чтобы мы легко понимали друг друга. Я рассказал ему что-то из моих забот и объяснил, что ищу работу. Он предложил мне работать на его водяной мельнице в деревне вблизи предгорья. Все, что я должен был делать, это смотреть день и ночь за мельницей во время сезона мола зерна и собирать деньги с покупателей после окончания работы. За это он будет меня одевать и кормить и, возможно, даст немного карманных денег, если, конечно, я буду работать усердно. Я сразу согласился. У меня не было никакого выбора, и я должен был жить.

Мы сошли с поезда на станции по названию Девечи, что означает человека, содержащего стадо верблюдов. Отсюда мы должны были идти параллельно к берегу. К западу находились предгорья Кавказа, высотой в тысячу метров и с богатыми огородами и фруктовыми садами. За этими холмами

были видны покрытые снегом вершины верхнего Кавказа, отливающиеся розовым светом в закате солнца.

По мере того, как мы шагали, я начал охлаждать к моему работодателю. Его деревня была явно не близка, как он говорил, и любопытствовал, существует ли водяная мельница. Я также был озабочен тем, что он отдал весь багаж своей жене и сам шагал с пустыми руками, как на утренней прогулке. В Баку я слышал что-то о таких племенных обычаях и думал, что такие обычаи уже исчезли с приходом Советов. Даже я, привыкший к длинным прогулкам, устал. Молодая женщина тащила без устали. Если он так обращался со своей женой, то для себя я ожидал худшее.

Мы все шли и шли. Солнце скрылось, земля покрылась темнотой и наступила ночь. Лишь тогда мужчина сказал, чтобы остановились. Он сказал, что поскольку до мельницы еще несколько километров и мы устали, то мы должны остановиться под деревьями для еды и ночи. Опустив с облегчением свой груз, молодая жена скоро устроила костер и сварила еду. Когда мы закончили ужин, и огонь потух, мой благодетель повел свою жену под укрытие под большим деревом, где они покрылись войлочным плащом и скоро заснули. Не найдя ничего для покрытия себя, я бросал ветки и хворост в костер и уснул около него, пока меня не разбудил дождь. Остаток ночи я провел под деревом, стараясь не промочиться.

На заре мы встали. Дождь прекратился, исчезли тучи, и начинался яркий день. После того, как мы умылись в оросительной канаве, молодая женщина, загруженная вновь багажом, продолжала свой путь. Однако, для меня это было более чем достаточно. Я поблагодарил мужчину за его предложение, сказал, что не верю, что мы сойдемся и поэтому я пойду своей дорогой. Он ответил, что выбор мой, затем добавил: «Давай, выйдем на открытую дорогу». Мне понравилось его доброе желание. Было приятно.

Мы расстались на перекрестке дорог. Мужчина и жена продолжали шагать по дороге вдоль берега. Я взял путь, ведущий прямо в горы. Весь день я шел вверх и вверх. К полудню, после прохода через нескольких хребтов я обедал под тенью дерева. Еду, состоящую из хлеба, сыра и фруктов, дали мне старые супруги, работающие около дороги. Я хотел заплатить за еду, но мне сказали: «Ты в горах, где гостеприимство есть закон и любой странник, посланный сюда, есть посланный Богом». Старые люди также сказали мне, что я должен найти работу в деревушках выше, на холмах.

К вечеру я дотащился до маленького горного поселения. Здесь дома были сделаны из высушенной земли. Они смотрелись одинаково и цепляющимися к скалам и утесам, словно птичьи гнезда. Они были нагромождены друг над другом на выступах, и казалось, что можно прыгать с крыши на крышу. Сверху них, высоко на утесе, находился большой, двухэтажный дом, построенный из камня и покрытый железом.

Уставший и помнивший, что странник в этих горах послан Богом, я зашел в первый дом в низу деревни. Там были старик и старуха и красивая девушка около шестнадцати лет. «Салаам алейкум», сказал я. «Ва алейкум салаам, хош гелдиниз», в ответ приветствовали меня. Сначала меня посадили у печи. Затем девушка поднесла мыло и воду для умывания. После этого, все трое – мужчина, женщина и девушка – сказали: «Мерхаба», приветствие на Среднем Востоке и Кавказе.

Я был принят как гость. Меня никто не спрашивал, кто я или зачем пришел в их деревню и зашел в их дом. Все, что они знали, мой сильный татарский акцент и что я странник. Покончив с формальностями, они принесли мне еду, мясо, зелень и сыр; простая пища, но намного здоровее чем все, что я ел в моих странствованиях.

После многих и многих месяцев я оказался в доме мирной семьи. Я сидел у огня, кушая их хлеб. Мое сердце явно согрелось. Я стал наполняться эмоциями и прилагал усилия, чтобы успокоиться. Мне было всего девятнадцать, но за это короткое время я что-то смог узнать об этом добром человеке. Я был уверен, что нахожусь в доме хороших людей. Так, я рассказал им о моих печалях и ошибках, которые привели меня к их дверям.

Было уже полночь, когда я закончил свой рассказ. Семья познакомила меня с собой. Старик был Сулейман эффенди. Его жену звали Перихан. Их дочь звалась Зулейха. Их единственный сын был убит, сражаясь с Советами. Сулейман эффенди сказал, что если я хочу, то могу остаться у них столько, сколько я желаю помочь пасти овец. Я принял предложение. Я стал одним из них, пастухом, типа кавказского ковбоя.

На следующее утро меня привели к овцам. Мне дали ружье-дробовик, большой кинжал и одежду, которую носил только их сын. Затем я встретился с собаками, которые собирались быть моими компаньонами в горах.

Так, я сошелся с этими добрыми и дружественными азербайджанскими турками, которые исповедуют суннитскую ветвь ислама. С моими овцами и собаками я бродил по высоким горам, долинам и вершинам. Так же, как и туземные люди, я собирался знать наилучшие безлесные альпийские луга, надлежащие водные места и большие, одинокие деревья для сбора моего стада в жаркий полдень. Мои собаки были преданными, умными и проворными и ни один волк не смог украсть овцу и не один ягненок не пропал из моего стада.

Собаки были моими компаньонами. Часто я разделял пастбища с другими пастухами, некоторые из них были моего возраста, некоторые старше меня и несколько из них пасли с маленькими мальчиками не более двенадцати лет. Эти маленькие товарищи изумляли меня тем, как они заботились о своих овцах или скотине, так же, как и взрослые пастухи, они были вооружены ружьями и пистолетами, опоясаны патронташами и их экипировка завершалась большими кинжалами, висящими спереди на ремне.

Мастера рукопашного боя, эти горцы были знатоками применения кинжала, и я благодарил Бога, что мне никогда не надо было использовать его самому.

Эти долгие дни и ночи под солнцем, луной и звездами были чудесными для меня. Скоро мое здоровье не только не восстановилось, но и значительно улучшилось. Свежий горный воздух, постоянные физические упражнения за дверьми, простая, здоровая пища сделали меня сильным и полным энергии. Я чувствовал, что здесь нет ничего, что бы я не мог делать. Другие пастух с готовностью учили меня к их ремеслу, всем тонкостям по уходу за животными, даже за новорожденными ягнятами.

Каждый второй день Зулейха находила меня на нагорных пастбищах, чтобы отдать мне корзину с пищей, приготовленной ею и сменную одежду, выстиранную ее матерью. Во время таких посещений она обычно немного говорила со мной и рассказывала о жизни и обычаях своего народа и иногда запевала их песни. Зулейха была типичной из этих красивых горных женщин. Подобно моей матери, их лица были не закрыты. Они часто работали в полях и с животными. Они ездили верхом на конях и носили оружие, которым они умели пользоваться легко, если это было необходимо. Они также высоко соблюдали свою честь и были весьма осторожны по поводу любовных дел.

Я ожидал эти посещения из-за ее компании, но никогда не чувствовал себя одиноким. Поскольку главным занятием горцев были овцеводство и животноводство, то пастух являлся важной фигурой общества. Люди, проходящие мимо пастухов на пастбищах, останавливались, чтобы проводить некоторое время с ними для разговора о погоде и стадах. Все проходящие были весьма дружелюбны ко мне. Они знали, что я был странником, и они отвлекались от своей тропинки, чтобы поприветствовать меня поощрительным образом и добрыми словами.

Эти знаки внимания удерживали меня от становления несчастливим, но я стал несколько беспокойным, когда недели следовали за неделями, и месяц следовал за месяцем. Я определенно был благодарен тому факту, что в горах не было ни милиции, ни советских чиновников, ни нищих безработных бесов на скамейках парков или в подвалах домов, ни поездов, ни бюро по трудоустройству, ни коммунистов. Я восхищался горцами. Они были прекрасными, отважными, честными. Они любили своих семей, своих традиций, своего образа жизни, свои заработанные тяжелым трудом имущества и свои горы и долины. Они были также набожными. С безграничным уважением к своей вере, все исполняли свои религиозные обязанности, где бы это не случилось, на поле, дома или на общественном месте. Однако, хороший народ, прекрасная жизнь на воздухе для меня были недостаточными. Я не мог себя представить здесь навсегда, женатым и растящим семью. Какое-то странное чувство заставляло меня думать о будущем и планировать мой следующий шаг.

В одно утро в конце лета, когда я размышлял о том, что бы предпринять, мое внимание отвлеклось на мужчину, проезжающую верхом не далеко от моего стада вдоль дороги, ведущей в верх, в горы.

Мужчина и конь были статными фигурами. Он был одет в яркую черкеску и имел маленький, покрытый золотым кинжал и пистолет на своем поясе. Его седло было красиво украшено серебром и сзади него был прикреплен войлочный плащ. Конь был высокогорным, чистой породы.

Заметив меня, одиночный верховой направился в мою сторону, чтобы присоединиться ко мне.

Грациозно приземлившись с коня, он поприветствовал меня с обычным *Салаам Алейкум*. Он спросил почтительно: «Ну, странник, как дела? Нравится ли тебе жить здесь, в наших краях? Не трудна ли для тебя жизнь?»

Очарованный его видом и его манерами, я ответил, что у меня нет причин для жалобы, что все прекрасно и поблагодарил за добрые слова.

«Да», он ответил, «я слышал, что у тебя все хорошо и что люди очень любят тебя. Это и есть причина, почему я решил посетить тебя. Как ты, наверное, знаешь, у нас нет ни школы, ни учителя для детей нашей деревни. Мы знаем из того, что ты рассказывал нашим людям, ты имеешь образование, достаточное, чтобы стать их учителем. Мы можем платить тебе. Ты можешь жить в моем доме, и его первый этаж достаточно велик, чтобы служить в качестве комнаты для школьного класса. Я сын Хамидуллы Эффендиева. Мое имя Забихшан эффенди».

До этого я слышал больше об отце человека, стоявшего передо мной. Он был вождем известного по всем горам за сопротивление Советам племени. Перед моим приходом в этот регион, он руководил в течение двух лет своим народом, ведущим борьбу с красными. Он не приказал сложить оружие до тех пор, пока Мир Джаффар Аббасович Багиров, глава азербайджанской ЧК, лично не пришел сюда, чтобы заключить мир с этим гордым народом, пообещав, что Советы не будут вмешиваться в их внутреннюю жизнь. (Это был тот самый Багиров, который позднее стал председателем Всесоюзного Исполнительного Комитета и в конечном счете был расстрелян после казни Берия). Также не была неизвестна мне жена Хамидуллы Эффендиева. По происхождению татарка из моих родных краев, она пользовалась уважением за ее активность в области благотворительности и заботу о горных детях. И я также знал дом этой семьи. Это был большой, прекрасный двухэтажный дом, возвышающийся над всей деревней Сулеймана эффенди.

Забихшах эффенди был первым сыном этого вождя горного племени. Я поблагодарил его за предложение, сказал, что обдумаю его тщательно и дам мой ответ на следующий день. Позже в это утро пришла Зулейха с ее корзиной еды и сменной одежды. Я ей сказал, что хочу повидать ее отца. Сулейман эффенди пришел ко мне после полудня. Я рассказал ему о предложении Забихшаха эффенди, и поскольку я относился к старику как своему отцу, мне нужно было его одобрение прежде чем, я мог бы принять сделанное мне предложение. Сулейман эффенди не только одобрил эту идею, но и попросил согласиться с ней.

Так, вместо пастуха я стал учителем, не назначенным Советами учителем, а выбранным народом. Я про себя поклялся, что не буду внушать детям политические учения и заниматься пропагандой в этой маленькой деревне Калгагаях, а только буду их учить. Я буду учить детей, как читать и писать, как считать и рисовать. Я расскажу им о мире, о других народах, о природе. Я буду учить их делать добро и обходить плохие дела.

Когда началась осень, я начал мои уроки с приблизительно двадцатью пятью детьми, собравшимся на первом этаже дома Хамидуллы Эффендиева. Эти маленькие мальчики и девочки были полны желанием учиться. Как я их любил и как он, кажется, любили меня! Мне выделили комнату для жилья над школьным классом и хорошего коня для моих нужд. Люди меня уважали как учителя их детей и приглашали в свои дома для приятных вечеров. Какой же был контраст между этой работой в горах и работой по так называемому учительствованию в Чарджоу! Среди этих горных людей я полюбил работу учителя и чувствовал, что делаю полезное дело, что-то действительно важное. Эта зима 1923-1924 годов была почти моей лучшей зимой за всю мою жизнь.

То, что удержало меня быть по-настоящему счастливым, было письмо, которое я получил в конце старого года. Каким-то образом, добрый сосед из Орска, бухгалтер, женатый на сестрах, который однажды меня посетил в мои печальные дни в Чарджоу, опять смог найти меня. Опять печально он поведал, что вся моя семья, отец, мать, мои два брата, мои две сестры умерли из-за страшного голода и эпидемии тифа, скосивших весь регион Орска приблизительно в тоже самое время, когда я начал учительствовать в Калгагаяхе. Перед страшным концом, добавил мой сосед, дела стали настолько плохи, что отец вынужден был продать дом, чтобы купить пищу, всего за двадцать фунтов зерна. Это была страшная новость. Здесь я был упитанным и счастливым, в то время как моя семья умирала с голода. Даже радость работы в моей школе не помогла мне преодолеть мою подавленность до тех пор, пока не кончилась зима и задули теплые ветры, приносящие новую жизнь на землю.

Однако, с приходом весны пришли также новые тревоги. Вся новая жизнь не была хорошей. Подобно ядовитому растению, большевизм опять расцвел и начал вползать в эти горы. Скоро мы услышали, что была организована коммунистическая ячейка в деревне Девечи, недалеко от нас. Несколько ленивых людей создали эту группу, но у них были уши в Баку.

Затем в конце весны коммунизм пришел в нашу деревню. Старейшины получили уведомление из советского центра, что к ним направят учителя для «правильного» обучения детей в соответствии с программой, одобренной советскими властями. Я знал лучше, чем жители деревни, что означает «правильное» обучение и «одобренная» программа. Я сказал им, что хотя не хочу покидать их и их чудесные горы, но я должен искать работу где-то еще и не дожидаясь прихода нового учителя. Забихшах эффенди согласился со мной, что будет разумно уходить и сделал все, чтобы помочь мне начать новую жизнь. В то время в Азербайджане все еще была частная торговля и крестьяне могли продавать свои избытки продукции на городских рынках. Мой благодетель предложил, что я мог бы иметь успех в покупке и продаже избытка зерна, риса и других сельскохозяйственных продуктов. Он поэтому устроил так, чтобы родители моих учеников дали мне пшеницу, рис и просо в качестве оплаты за мою работу. Скоро перед моей дверью стояли десять мешков зерна. Поскольку каждый мешок висел 160 фунтов, это было хорошей наградой за мой труд. Этот щедрый подарок был доставлен на повозке на железнодорожную станцию, где я попрощался с этими горцами, которые были так добры ко мне. В Баку я продал зерно на рынке за хорошую сумму, достаточную мне для начала моего собственного бизнеса. Завершив продажу и мечтая о моих следующих шагах, я нашел дешевую гостиницу на ночь. Когда я начал регистрироваться, то внезапно обнаружил, что в моем кармане нет никаких денег, за исключением какой-то мелочи. Меня обокрали там же, на рынке. Ах, как я проклинал Баку! Этот негодный город никогда не приносил мне удачи.

Я выплакал свой гнев и стыд, когда узнал, что ушли все деньги. Все, что я заработал так честно и так усердно, исчезло за нескольких беззаботных секунд. Что же мне делать? Жить в Баку? На какие средства? Найти работу? Как? Тысячи безработных все еще ждали работу перед дверями бюро по трудоустройству. Опять стать свободным носильщиком? Нет, это невозможно. Или я должен подумать о возвращении в горы к людям, полюбившим меня и ожидавшим приезда советского учителя, чтобы сказать о своей неудаче?

Тем не менее, поскольку я знал эти края и считал, что там может быть какая-то работа, то пришел к выводу, что должен ехать в Кубу, районный центр. Выработав свой план, я покинул Баку без промедления, чтобы не провести даже на одну ночь больше здесь, в этом неудачливом для меня городе. Я уехал из той же станции, куда я прибыл менее чем несколько десятков часов до этого со сладостными мечтами. Я сел в пассажирский поезд и с билетом, купленным на почти все мою оставшуюся мелочь.

Я вышел на Хачмазе, в маленьком железнодорожном городке, в тридцати километрах от Кубы. Железнодорожного сообщения между этими городками не существовало, имелась лишь обычная дорога. В маленькой столовой в Хачмазе мне сказали, что требуются рабочие руки в больших фруктовых садах, знаменитых своими яблоками, около Кубы. Поздно ночью я начал шагать по дороге на Кубу и к восходу солнца пришел к окрестности с большими домами, окруженными яблочными садами. Сразу я постучал в почти первый дом и спросил о работе. Меня взяли под сильное испытание. Моя основная работа состояла из культивации деревьев и ухода за тремя конями. Время от времени меня также посылали в горы повидать пастухов и овец владельца.

Это была хорошая работа и ко мне относились хорошо, но мой хозяин был странным человеком. Он был наиболее суеверным человеком, которого только я видел в свои восемьдесят лет странствования по половине всего мира. В свои тридцать лет и сильного телосложения, он был обуян перьями, джинами, шайтанами, духами, силами за этим миром и любым духом, которыми полны суеверия кавказских племен. Он ненавидел докторов и не доверял им. Однако, он верил во все типы чудес, в ведъм, в таинства. У него были десятки странных и необоснованных правил. Он заходил куда угодно всегда с правой ноги и выходил с левой.

Однажды он с серьезной миной говорил мне, что вечерами он привык видеть черного кота с горящими глазами почти перед собой, который всегда исчезал внезапно, как только он его достигал. Или он начинал рассказывать мне шепотом, чтобы злые духи не слышали, о большом огненном шаре, следующим за ним в одну ночь, когда он возвращался с пастбища. «Этот шар следовал за мной», говорил он, «до тех пор, пока я тридцать три раза не прочитал суру из Корана».

Он никогда не надевал свежестыранную рубашку. Он всегда просил меня или одного из своих братьев носить ее сначала в течение нескольких часов и затем вернуть ее ему, тем не менее я обычно выполнял этот странный ритуал. Он никогда не садился на белого коня и был весьма щекотливым и по отношению к другим коням. Когда один из них заимел почечную проблему и не мог мочиться, он оседлал бедного животного и скакал вокруг кладбища. Когда я спросил его, что это означает, то он ответил: «Почему ты глуп, татарин? Ты не знаешь, что некоторые мертвецы плачут громко в своих могилах из-за своих грехов, которых они сотворили в жизни? Мы не можем их слышать, но кони их слышат и, испугавшись, мочатся. Твои глупые доктора понятия не имеют об этом». Этот чудаковатый человек никогда не позволял работать по вторникам, считая, что это приносит несчастье. По субботам он запрещал своим домашним стирку. Он верил, что если одежду стирать в этот день, то кто-то умрет из его семьи.

Он относился к голубым глазам очень плохо, хотя его глаза были голубыми, веря, что голубоглазые люди причиняли другим зло. У меня голубые глаза и скоро после моего прибытия, он созвал всех домашних вместе и потребовал кусок свинца и чашку воды. Когда он плавил свинец на сковороде над огнем, он касался лбом своих домашних чашкой с водой и произносил несколько странных слов. Когда он сплавил свинец, то бросил его в воду и тщательно смотрел на охлажденные шарики, которые принимали формы, подобные сердцу или формам некоторых животных. Эти фигуры, по-видимому, успешно прошли его экзамен и он, посмотрев на меня, воскликнул: «Все в порядке, парень». Домашние были защищены от моих глаз, но какая при этом была проведена профилактика, осталось для меня загадкой.

В начале каждого нового начинания, независимо, были ли это бизнес, путешествие или торговля, он делал жертвоприношения и заклания. Когда новое предприятие вызывало некоторое сомнение, он убивал петуха. Когда он нанял меня, он убил петуха. Я для него был не так важен.

У этого хозяина была довольно молодая жена, которую он обожал. Она была в плохом здоровье, я думаю, у нее был туберкулез, когда я прибыл сюда весной и она стала еще хуже летом. Я пытался безуспешно уговорить его отправить ее в больницу или санаторий. Он был готов дать бедному созданию все, что она желает, но не медицинскую помощь.

Поэтому, было неудивительно, что в дождливый осенний вечер, когда природа делала свое дело, молодая жена оказалась на смертном одре. Хозяин потерял рассудок. Пришли соседи в попытке уговорить его звать доктора, но муж вытащил свой пистолет и сказал, что застрелит любого, кто пойдет за доктором. Его мыслью была лишь достать абсолютно белую козу и раздать ее мясо нуждающимся. Мне он дал задание достать эту козу из стад, пасущихся в горах. Ко мне привели оседланного коня, и я помчался на холмы в эту дождливую и темную ночь.

Нет нужды говорить, что мои поиски абсолютно белой козы заняли время на путь туда и обратно через вышедшие из берегов потоки. Когда я возвратился, то уже было поздно. Молодая жена была мертва. Увидев меня с козой, муж меня сильно ударил по лицу. Я упал. Он поднял меня своими сильными руками и затем ударил вновь и вновь. Я отключился.

Когда я пришел в сознание, то нашел себя привязанным к столбу конюшни. Муж стоял около меня и когда я открыл глаза, он стал кричать, что его жена умерла из-за моих голубых глаз и из-за моего позднего возвращения с козой. Между криками он ударял меня по голове до тех пор, пока я вновь не потерял сознание.

Когда я пришел в сознание, то уже наступило утро. Я все еще был в конюшне, но развязан, возможно, каким-либо более здравомыслящим членом семьи. Мое лицо было в крови, оба глаза затекли до степени их полного закрытия, и весь я был в боли.

Я собрался всеми силами, чтобы встать. Прислонившись к стене конюшни, простоял до тех пор, пока не прошли головокружение и тошнота. Затем пошел через двор, через сады к дороге, ведущей к морю и Хачмазу, по которой я пришел к этому странному дому. Сначала я приходил в себя от причиненного жестокого обращения, абсолютно не вызванного какими-либо моими ошибками. Однако, чем больше я думал об этом, тем больше я не мог презирать этого бедного человека, несмотря на то, что он сделал мне. Его любимая жена умерла. Он был жертвой суеверий, унаследованных им от его предков в язычные времена. Его религия была смешана с языческими обычаями. И все. Я простил его. Мир с ним. Я подумал. Однажды он убедится, что причинил мне ужасную несправедливость.

После того, как я прошел несколько километров, меня догнала повозка, и ее водитель предложил мне сесть. По пути в свою деревню около берега, он смотрел на мое избитое лицо, но немного успокоился,

когда я рассказал ему, что был в небольшой драке. Я спросил о работе в его местности и он предложил мне работу мельника на его водяной мельнице и согласился платить наличными. Он также сказал, что я могу жить на мельнице и он меня снабдит питанием.

Итак, я стал мельником. Мельница находилась около берега моря и по середине плотного леса. Это было весьма уединенное место. Ближайший дом находился на расстоянии десяти километров, хотя здесь находились два старых кладбища в сотнях метров от мельницы. К ночи, даже мне, привыкшему спать на открытом воздухе, было более чем страшно. Покупатели, которые привозили зерно, всегда уезжали к себе домой до наступления ночи, и я оставался в одиночестве с моими мыслями и воображениями. Я обычно сидел здесь и пытался сосредоточиться на унылом, гулком звуке мельничных камней и не слышать вой шакалов, крика одиночной совы на могильном камне или десятков странных шорохов. Под лунным светом эти низкие могильные камни были особенно непривлекательными, принимающими форму и стать человеческих созданий.

Моим главным отвлечением было думать о своем будущем. Собираюсь ли я проводить всю мою жизнь, меняя одну работу после другой? Буду ли я все так неосевшим где-либо? И что по поводу моего образования? Я хотел столько знать и учиться. В ответ, я вспомнил, как однажды глубокой ночью зашел в комнату телеграфиста в маленькой, одинокой железнодорожной станции. Из странного прибора приходили звуки тик-так тик-так, таа-таа, та-татат, из него откручивалась лента с определенными комбинациями точек и тире, имеющих большое значение. Это было в конце проволок, которые тянулись на километры и километры через холмы, равнины, пустыни, вершины, горы, через маленькие потоки и большие реки, через города, от станции до станции, день и ночь, чтобы принести важные сообщения. Я знал из моего элементарного обучения, что странным прибором был телеграфный аппарат. И я также знал, как я мало понимал, о его работе и об электричестве, которое делает его работоспособным. Между тем, наступил ноябрь. Перед тем, как установится зима, я решил, я должен уйти с одинокой мельницы, обратно в города и к людям и, если возможно, попытаться еще раз поступить в школу. Владелец мельницы был расстроен, что я ухожу, но он был хорошим человеком и отдал мне мой заработок наличными, как обещал.

Я ехал опять в Кубу, опять по той же причине: он был районным центром. Чтобы прибыть туда, я должен был идти пешком к Ялама, в ближайшую станцию, сесть на поезд, идущий обратно в Хачамаз, и опять идти пешком по дороге мимо яблоневых садов моего бывшего странного хозяина.

Этот план, как и многие другие, никогда не осуществился. Когда я дошел до Яламы, то там обнаружил толпы молодых людей, которые собирались идти на выгодную работу лесорубов в прилежащих лесах. Зима и ее дожди были уже не далеко и прорабы должны были получить древесину до ее наступления. Они наняли меня также, без всякого вопроса и рано утром следующего дня я присоединился к группе в лесу. Мы постоянно рубили лес от зари до темна лишь с одним коротким перерывом на обед. Оплачивали очень хорошо, но работа была очень утомительной, и после вечерней еды я сваливался спать как мертвый.

В декабре древесина была изготовлена, и нас уволили. С деньгами, заработанными здесь и на мельнице, я мог позволить немного безделья, пока присматривал другую и лучшую работу. Было уже слишком поздно вступать в школу, но я должен был начать где-то, должен был найти кого-либо, кто мог бы мне помочь. Мне уже было двадцать и мое время уходило, чтобы мне успеть приобрести техническое образование, в котором нуждался.

Таковыми были мои мысли, когда я прибыл в маленький Хачимаз. Без промедления я отправился в местный совет по поводу открывшихся вакансий в Кубе. Было время обеда, когда я постучал на дверях, чтобы зайти в пустую канцелярию, где осталась лишь голубоглазая русская девушка со светлыми волосами. Она была не только красивой, но и вежливой и гостеприимной и пригласила меня зайти в канцелярию и предложила сесть.

Через нескольких минут мы звали друг друга по именам. Ее звали Даша. Она была телефонисткой, чей отец был начальником багажного отделения на железнодорожной станции. Когда я сказал, что ищу работу, она сама предложила мне ее. Она была главным и единственным оператором службы, поддерживаемой яблочными садоводами региона, по экспорту их продуктов в Россию. (То было в 1924 году, когда по НЭП был разрешен частный бизнес). Даша искала помощника, и я подходил для этого, поскольку знал как русский, так и много других местных языков.

Весьма благодарный так же, как и был очарован этой красивой девушкой, я добровольно согласился взять ее ночную смену, чтобы она могла проводить вечера со своей семьей. Формальностей было немного. Хачмаз был не Баку или Москвой. Все, что я должен был делать, это заполнить бланк заявления, но почему я должен был обращаться с ним в местный совет, когда службу велась торговцами яблок, это было загадкой, решать которую у меня не было никакого желания. После заполнения формы, Даша взяла меня с собой домой, около рельсов, познакомила с своей матерью и набрала одеяла и простыни для моей постели на углу телефонного офиса.

В эту ночь я устроился на наиболее приятную и легкую работу, которую когда-либо имел до этого. Все, что я должен был делать, это сидеть и ждать, иногда часами, проходящих и исходящих телефонных звонков дальней связи. И поскольку было лишь двадцать с чем-то экспортеров яблок, звонков было не много. Иногда я делал незначительную работу в виде соединения канцелярий местных советов данной местности между собой.

В один из поздних вечеров этой зимы сюда пришел приятного вида мужчина и очень вежливо попросил меня соединить его с советом района Куба. После окончания разговора мужчина, заметив мой акцент,

спросил, не казанский ли я татарин и о том, как мне живется Хачимазе и о моей работе. Его вопросы шли от доброты, и мне был приятен его интерес. Я долго рассказывал о себе. Он назвал себя Янбулатом, о котором я позднее узнал как о высшем советском официальном лице в районе Куба. Он был в середине своих тридцатых годов, хорошо образован, хорошо одет и с вежливыми манерами. Перед тем как уйти, он дал мне свой домашний адрес и пригласил меня прибыть в Куба и провести с ним выходной, когда это возможно для меня.

Через месяц, оставив Дашу у коммутатора, я отправился в Куба, прямо в дом Янбулата. Я был там тепло принят и представлен ко всей семье, включая его очень культурных отца и мать. Это был красивый дом, вкусно обставленный и с ценными коврами на полу и на стенах. Все сочувствовали ко мне и старались, чтобы я чувствовал себя как дома. Родители Янбулата были особенно внимательны ко мне и я нашел, что они глубоко религиозны, строго соблюдают все свои обязанности перед Богом. Я также открыл, что они знали очень хорошо Хамидуллу Эффендиева, моего благодетеля в горах, и глубоко уважали его. В конце чудесного выходного, когда я должен был уезжать, Янбулат позвал меня в сторону. Он сказал мне, что он скоро найдет мне хорошую работу в совете района Куба. Он свое слово сдержал. В апреле секретарь района Куба прислал мне приглашение прибыть туда в качестве помощника управляющего районным советом. Как бы ни было печально расставаться с Дашей, немного времени потребовалось для закругления моей работы в качестве оператора, упаковать свои немногие вещи в маленькую сумку и сесть на повозку, отправляющуюся в Куба. На прощание у дверей офиса я поцеловал Дашу, поблагодарил ее за всю доброту и за то, что принесла мне удачу, и уехал.

Работа в канцелярии совета Куба была легкой. Через Янбулата я также подружился с некоторыми другими людьми. Однако, привыкнув к работе на свежем воздухе, я скоро обнаружил работу как в заточении и довольно монотонной. Я также смог видеть, как мои шансы вступить в техническую школу исчезают без того, чтобы не уйти скоро и не стать слишком старым. Я рассказал о своих тревогах Янбулату и он согласился помочь.

Потянулись недели за неделями. Прошла весна, наступило лето, наконец, июль. Затем в одно жаркое утро, меня позвал Янбулат в свой кабинет. На его столе лежало письмо, коротенькое, которое он вручил мне. Там было написано:

«Центральный Комитет Азербайджанской Коммунистической Партии предлагает вам рекомендовать отделу кадров ЦК молодого человека по вашему выбору, для направления на учебу в Ленинградскую Военную Сигнальную Школу.

С. М. Киров»

Янбулат улыбался, когда я возвратил бумагу ему. «Как смотришь, Исмаил», спросил он, «о том, чтобы стать офицером в сигнальных войсках?».

Для меня она представляла собой возможность за пределами моих самых диких желаний, однако, я хотел выглядеть взрослым и ответственным перед моим старшим другом. Я сказал, хотел бы поспать после такого предложения. Он засмеялся, но согласился.

Спать, разумеется, было невозможно в эту ночь. Я дремал и дремал, но с открытыми глазами.

Петроград, ныне Ленинград. Военная школа. Стать офицером. Сигнальных войск. Быть направленным после окончания в любую часть России. Обеспеченное будущее. Продвижения. Возможность следующего обучения. Изучать электричество и коммуникационные устройства. Возможно, в один день стать военным атташе в какой-либо иностранной стране.

Обеспеченность этой возможности привлекала меня точно также, как и ее более романтические аспекты. Из моего собственного, горького опыта в частной жизни, я узнал, что шансы на выживание были ограниченными и определенно не были гарантированы законом. Янбулат, который очень хорошо понимал коммунизм, часто говорил мне при обсуждении моего будущего, что единственным путем для выживания и продвижения куда-либо при Советах, является окончание какого-либо института, а лучшее обучение предоставляется лишь военными колледжами.

Для поступления в военный колледж в то время, надо было быть выпускником военной школы и иметь, по меньшей мере, два года стажа службы в данной области. Гражданская война закончилась. Армия была реорганизована, были нужны новые и образованные офицеры.

Что бы я приобрел, оставаясь в Куба? Стать чиновником в советском офисе, жениться и затем шаг за шагом пойти под уклон? Нет, не для меня.

Я стану военным инженером. Об этом я говорил, в первую очередь, Янбулату на следующее утро. Он был довольным, дал мне хорошие справки и через два дня я покинул Куба, чтобы отправиться в Баку. (Годами позднее я совершил специальную поездку в Куба, чтобы поблагодарить Янбулата еще раз лично за его помощь и доброту. Его здесь уже не было. Он был исключен из партии за возражение коллективизации и за национализм, и в качестве мелкого чиновника был направлен в отдаленный район на Дальнем Востоке. Другими словами, он был сослан на ссылку.)

Начальник отдела кадров сам принял меня в канцелярии Центрального Комитета в Баку. Его штат подготовил все мои бумаги и подписал. Перед тем, как уйти, я сказал им, что три года тому назад, в этой канцелярии, отобрали мой партбилет из-за того, что я не смог доказать, что я прошел чистку 1922 года в Центральной Азии. Чиновник, который отобрал билет тогда, выложил справку, с трудом узнавая меня и спросил, где я был во все эти годы. Он сказал, что приблизительно через восемь месяцев после того, как он отобрал билет, было получено оповещение из Чарджоу о том, что мой статус по чистке был в порядке. С тех пор, он заявил, искал меня без успеха. Я был переутвержден в качестве полноправного

члена партии с начала, мая 1921 года. Партийная контрольная комиссия Ленинградского военного округа будет оповещено об этом и мне будет выдан новый партбилет.

На дверях я сказал чиновнику немного о том, что случилось со мной после того, как он отобрал мой старый партбилет. Он нервно засмеялся, пожелал мне хорошего пути, быть хорошим командиром и, может быть, однажды найти время, чтобы написать хорошую книгу о моих странствованиях. В следующей поездке в здешние места я не смог найти его. В 1932 году во время чисток он был классифицирован как «враг народа» и расстрелян.

В тот вечер я отправился на станцию. Это была та же самая станция, где я много раз был свободным носильщиком, чтобы заработать на питание, где я сел на поезд без билета или документов, без определенного пункта назначения, без какого-либо плана.

В это время, и с тех пор всегда, у меня был реальный пункт назначения, реальный план. Я ехал в Ленинград, и я должен был стать офицером Красной Армии. И у меня имелось больше. Я имел средства на дорогу и расходы на нее и в моем кармане бумагу:

«Командиру Ленинградской Военной Сигнальной Школы; Смольный, Ленинград.

Обладатель сего, товарищ Исмаил Хуссейнович Ахмедов, направлен Центральным Комитетом Азербайджанской Коммунистической партии в город Ленинград для зачисления в Ленинградскую Военную Сигнальную Школу».

Это был пропуск в мое будущее. Через Северный Кавказ, через Дон, Украину, через Москву я, наконец, прибыл в середине августа 1925 года в Ленинград, который стал моим местожительством в продолжение довольно многих лет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЫЖИВАНИЕ I

Вперед, на поля,
Красные гусары,
В бой зовет
Нас труба,
Осушим бокалы.

Осеннее утро было живительным, солнечным и бодрящим. Это был одним из дней, когда чудесно только чувствовать себя живым и здоровым.

Мы, курсанты или кадеты, Ленинградской Военной Школы Радиосвязи пели нашу лучшую песню и маршировали вдоль проспекта Суворова, делая наш ежедневный выход в батальонном формировании. Мы также сильно старались быть точными и умными, насколько это возможно, поскольку воображали, что в окнах за занавесками зданий вдоль каждой стороны проспекта за нами следили девушки с темными глазами, восхищаясь нашим строевым шагом. По меньшей мере, говорили, девушки были в других строках старого, предреволюционного текста марша, первоначально называемого «Черные Гусары» и измененного на «Красные», чтобы соответствовать марксизму. Старый мотив песни российской императорской армии, он был мотивом нашей любимой песни, наиболее предпочтительной по сравнению с коммунистической песней типа «Поп Сергей, поп Сергей», атеистской атаки на православного священника, или банальной «Мы, мастеровые, мы, мастеровые, мы строим счастье для народа», посвященной строителям коммунизма.

Увы, когда мы проорали «Красные гусары», за занавесками не было черноглазых красавиц, наблюдающих за нашей бравой маршировкой. Революция вытеснила их из их симпатичных домов, рассеяв по всем четырем углам бывшей империи или по странам за границей. На самом деле, многие окна не имели не только девушек, но и также занавесок. Занавеска, подобно галстуку или птичьей клетке, была знаком капиталистического загнивания, символом мелкой буржуазии. Вместо этого, большинство окон были покрыты листами старых газет.

Девушки, которые стояли бы сзади, были или в школах, или работали в местных фабриках, как текстильная фабрика имени Халтурина, которая была назначена шефом нашей сигнальной школы. И правда была в том, что оставшиеся немногие девушки не имели никакого времени для нас. Для них мы были тупой массой деревенских парней, паразитами в сером, а не строителями и создателями. Их глаза были обращены на инженеров, техников, нового племени университетских студентов, будущих строителей нового мира обещаний и вызовов. «Ничего путного невозможно ожидать от этих бедных курсантов», было частым замечанием в эти дни Новой Экономической Политики в середине двадцатых годов.

Наши воображения и вздохи, наоборот, во время этих ежедневных маршей были совсем не о девушках. Их целью было войти в форму для главного события года, восьмой годовщины Октябрьской Революции.

Великий день наступил 7 ноября 1925 года. С четырех углов площади Урицкого зазвучали серебряные трубы, возвещающие о начале парада.

Сильный, низкий голос выкрикнул команду: «Парад, внимание». Множество военных оркестров заиграло *Интернационал*.

Урра, урра. Громовое урра закатилось от одного края до другого края площади и эхом отражалось волнами от окружающих зданий.

Формирования студентов военных академий, политической академии, артиллерийской академии, кадетов подразделений пехоты, кавалерии, артиллерии, танков, сигнальщиков, все стояли неподвижно, как камень, во внимании, крича Урра.

Командующий парадом, проверяющий войска, дошел до нашего подразделения.

Почти в один голос мы, курсанты, рявкнули: «Клянусь защищать первую страну социализма до последней капли крови».

Клянусь посвятить себя до последнего вздоха к моему народу, советской родине и советскому правительству.

Клянусь выполнять беспрекословно приказы моих начальников.

Клянусь...»

Для меня и большинства моих товарищей это был первый военный парад. Мы стояли почти ошеломленными, возвышенными, гипнотизированными, готовыми на жертвы. Кто-то слабый потерял сознание и, молча, был отправлен восвояси на носилках.

Какая великолепная сцена! Я стоял в самом центре этой исторической площади, площади, которая была свидетельницей клятвенных торжеств прошлого, площадью, которая видела слезы и страдания людей и их пролитой крови. В середине, на высокой мраморной колонне высилась статуя ангела, смотрящего вниз на нас с печальными глазами, с крестом в руке, кажется, чтобы крестить армию тех, кто отказался от ангелов с той же сердечностью, как он однажды награждал другие армии, которые сражались во имя его.

Справа нас, ряды за рядами, окна Эрмитажа отражали северное небо. Слева, как часовые, сверкающие в лучах солнца, стояли колоннады здания бывшего царского Генерального Штаба, ныне служащего в качестве штаба Ленинградского военного округа. И спереди нас ввысь уходила шпиль Адмиралтейства, смелый символ русской экспансии на новых границах.

Да, ты, Ленинград, я мечтал о тебе. Ты действительно один из наиболее красивых и пленящих городов в мире, с твоей Невой и ее гранитными набережными; с твоим Зимним Дворцом, Эрмитажем; с твоим Исаакиевским Собором; с медным всадником, памятником Петру Великому; с твоими широкими и прямыми проспектами; с твоими парками; с твоими белыми ночами; и с Петропавловской крепостью.

Для меня ты не только бывшая столица Русской Империи, не только колыбель революции, ты был также первым центром русской культуры. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Лев Толстой ходили по твоим улицам, любили тебя и писали о тебе. Я тоже изучу все твои уголки, буду радоваться твоим видом, стану близким к тебе, буду ходить в твои богатые библиотеки, наслаждаться твоим балетом, твоими операми, буду обогащать свой ум, углублять мою культуру, любить твоих сладких девушек и пусть, дьявол, примет мои печали из моего прошлого. Привет, тебе, Ленинград!

Мои мечтания прервались, как только сильный голос вновь скомандовал: «Парад, внимание!».

Это был торжественный марш в батальонном формировании на дистанции одного знаменосца. Военная Политическая Академия, «Вперед». Другие, «Направо. На плечи. Равняйся. Марш». Проход на шаге от платформ, отдача чести генералам и партийным боссам, крик в унисон еще раз урра, затем обратно в свои бараки и к действительности.

Каким же я был в эти дни наивным и неотесанным парнем. Однако, я не один был таким. Я был лишь одним из сотен тысяч, нет, миллионов сыновей загадочной России, одетых в серую форму, вооруженных до зубов, чтобы маршировать в правильном строю в восьмилетии, в бесчисленных городках, городах и гарнизонах от Ленинграда до Баку, от Киева до Владивостока, чтобы участвовать в ритуальном беспрекословном исполнении приказов наших хозяев. Большевики назвали армии других стран пушечным мясом. Кем же были мы тогда? Мог ли я знать тогда, как десятилетиями позднее, что большинство офицеров, которые участвовали в этом большом параде будут арестованы, подвергнуты к пыткам, отправлены в сибирские концентрационные лагеря, казнены без суда расстрельными командами, навсегда опозорены как «враги народа», их дети и жены будут вынуждены отказаться от них как от предателей и их семьи будут оставлены на произвол судьбы? Нет, только подумать об этом, было бы за пределами моих самых диких представлений.

Вместо этого, когда мы возвратились с парада, я был действительно очень счастлив. Я был чрезмерно обрадован находением в Ленинграде, в городе моих мечтаний, в центре моего мира, богатого частными магазинами и окнами в эти дни НЭП, полными товаров, ночными клубами, барами, кинотеатрами и, конечно же, первоклассным балетом и оперными театрами.

Я также был потрясюще рад учиться в нашей школе. Наши классы, лаборатории и моторный парк находились на проспекте Суворова, в зданиях бывшей царской Академии Генерального Штаба, на чьих мраморных стенах были золотом вытесаны имена бывших выпускников. Наши жилые помещения находились в Смольном, в бывшем институте благородных девиц. Рядом с нами была главная часть Смольного, ленинского штаба революции, затем ставшего офисом ленинградской партийной организации. Врем от времени, по очереди, курсанты нашей школы стояли здесь в карауле, считавшемся для нас наградой и знаком доверия.

Ленинградская Военная Школа радиосвязи была отростком или наследником школы петроградских офицеров электротехники, прекрасного образовательного учреждения, основанного в царское время в

честь Маркони и Тесла. В противоположность к ускоренным кратким курсам, свойственным тогда многим институтам, моя школа предлагала солидную четырехгодичную программу. Упор делался на математику, физику, электротехнику, радио, и тактику, и сигнальную службу в вооруженных силах. Дополнительными предметами были история и иностранные языки, конечно, также политическая подготовка.

Наши учителя были, в основном, офицерами, но были здесь также гражданские лица. В основном, военные преподаватели были бывшими офицерами императорской армии, удерживаемыми Советами в качестве специалистов. Большинство было очень способным. Все они были бывальными солдатами, некоторые блестящими, некоторые – циничными. Они были очень пунктуальны в строевой подготовке и их формы были подогнаны им как перчатки. Их можно было узнавать издали. Подобно прусским офицерам, они имели свою специфическую военную выправку, свою манеру разговора на русском и свои привычки.

Я с удовольствием вспоминаю высокого, симпатичного, вечно-молодого Воскресенского, бывшего старшего офицера сигнальной службы в штабе Верховного командования императорской армии. С его чисто выбритым лицом, с его тщательно расчесанными сидящими волосами, с его превосходно подогнанной военной формой, с его огромным золотым кольцом и с его тщательно отполированной речью, он казался мне примером офицера. Он преподавал нам сигнальную службу.

И здесь был также бывший полковник, некий Еристов, когда-то грузинский князь. Он преподавал тактику, и его жизненным кредо было принимать все легко и шутивно. «Все, что мужчине нужно, это тень под деревом, девушка и бутылка хорошего вина». Когда новый курсант набрался смелости и спросил о его родной Грузии и Тбилиси, он рассказал следующий анекдот:

Однажды русский в поезде Москва-Тбилиси встретился с грузином, возвращающимся в свою столицу. Русский спросил его о Тбилиси и как он велик. Грузин ответил, что Тбилиси почти такой же большой, как и Москва и что разница лишь в том, что Москва имеет на одного уличного фонаря больше чем Тбилиси. Неудовлетворенный ответом русский отреагировал, спросив, много ли дураков в Тбилиси. Там их нет совсем, сказал грузин, и ты будешь иметь честь стать первым.

Мораль анекдота заключалась в том, что русских не жалуют в Грузии. И хотя большинство курсантов здесь были русские, они анекдот проглотили мирно, помня, что сам Сталин также грузин.

Был у нас также пожилой человек, Загорский, бывший генерал, который командовал императорской дивизией во время Первой мировой войны на румынском фронте. Его войска были жестоко побиты австрийскими и венгерскими соединениями. Его мысли были за пределами нашего понимания, но из-за поражения он возненавидел не только австрийцев и венгров, но и румын. Он нам говорил, что румыны были наихудшими солдатами в мире, и заявил, что если советское правительство даст ему бригаду кавалерии и прикажет наступать, то он завоюет Румынию за одну неделю. Его мнения о солдатах различных стран постоянно менялись. Обычно он говорил, что турки являются лучшими солдатами, за которыми шли японцы и немцы. Однажды, когда его спросили о русских, то он поставил их на первое место. А мы его дразнили цитатой Сталина о том, что русские имеют долгую историю поражений от таких нашествеников, как поляки, шведы, татары, немцы, турки и японцы. Не смея возражать Сталину, бедный старик бессвязно лопотал и замалкивал.

В противоположность бывшим офицерам, большинство наших гражданских преподавателей и политических офицеров были тупыми и неинтересными. Их основным недостатком было малообразованность и неспособность делать интересные уроки по политическим вопросам. Разумеется, были и исключения.

Одним из них был преподаватель по общественным наукам, который зачаровывал нас часовыми дискуссиями по Канту, Гукслею и Гегелю. Он был своеобразный коммунист, менее догматичный, свободомыслящий, революционный, человек, ищущий ответы на вопросы. С другой стороны, он говорил о выборе действия не о как свободном выборе, затем рассматривал различные степени детерминизма и даже предполагал существование некоторой свободы человеческой воли. Он-таки заплитал за такое мышление и был исключен из партии как сторонник меньшевизма.

Другим гражданским исключением был партийный служащий, молодой человек с двойной фамилией Киселев-Гусев, секретарь школьной парторганизации. Он слишком сильно боролся за проявление демократической активности в партии и был переведен куда-то в отдаленные края за свои действия. Студенческий корпус в те дни был разделен приблизительно пополам между свежими юношами, как я, и взрослыми, но плохо образованными боевыми ветеранами революционной борьбы. Эти старики имели уже офицерский чин или командирские звания. Они носили командирские формы, получали зарплату в соответствии со своими званиями и пользовались правом отлучки из школы по своим нуждам. Они были богатой и привилегированной кастой. Многие были награждены за храбрость, но это им мало помогало в учебе. Большинство достигло среднего возраста. Для них воевать было проще, чем думать в абстрактных терминах и понимать какие-то теории. Когда они прибыли сюда, то многие из них не умели даже вычертить простейшую карту.

Хотя они имели гораздо больше свободы и материальные преимущества, на самом деле они завидовали молодым и более свободным мозгам молодых студентов. Мы, по своей части, были весьма дерзки по поводу подобных вещей. Мы верили, что будущее лишь в наших руках. Мы утверждали, что знания в военной, технической или политической областях являются нашим единственным оружием, и мы ведем полное наступление на крепость знаний. Для всего этого, мы, юноши, жили в собственном мире, изолированном от внешнего многими барьерами. Мы мечтали о наших формах, новых,

элегантных и первоклассных, как одевались царские офицеры. Мы мечтали об офицерских званиях и титулах, о том, чтобы стать элитой.

К сожалению, мои ожидания по поводу наслаждения Ленинградом и знания его каждого уголка и каждой щели, будучи курсантом, имели мало шансов для реализации. Во-первых, нам не разрешали отлучаться, куда мы бы захотели, если даже были свободны от классов и обязанностей. Мы должны были получить пропуск от начальника. Однако, главным препятствием было отсутствие денег. Наше месячное жалованье не было достаточно даже для одноразового питания и напитка в посредственной столовой. Так что мы всегда возвращались в школу для еды даже с пропуском на руках.

Через несколько месяцев после моего прибытия в школу, я получил письмо от Даши, веселой телефонистки в Хачмазе, спрашивающей о Ленинграде и как мне живется в нем. Поскольку у меня не было семьи, это была единственная корреспондентка, и я дорожил ею, отвечая таким письмам девушки, частыми и длинными посланиями. Через некоторое время, однако, она начала писать о любви и женитьбе. Это меня напугало, не потому, что она не нравилась мне и я не восхищался ею, а потому, что я чувствовал, что не могу позволить любви помешать моей карьере на данной стадии. Позднее, я узнал к моему удовольствию, что она вышла замуж за хорошего русского парня и женитьба была счастливой.

Тот факт, что я между тем, нашел красивую девушку в Ленинграде, также внес свою долю в мое решение по поводу Даши. Другая девушка, Мария, имела блестящие черные волосы, большие черные глаза, словно спелые вишни, греческий нос и высокие скулы. Она была хорошо сложена до полноты для ее возраста и, возможно, с возрастом стала довольно толстой женщиной. Единственной связью между нами, кроме ее веселого нрава, было то, что она была дочерью дивизионного командира. Мария воспринимала меня как я есть и могла понимать, что у меня нет никаких карманных денег, чтобы тратить на нее. Отношения между нами никогда не принимали серьезный характер, однако мы были счастливы совместными прогулками в парках и нашими открытиями примечательностей города. Кроме того, я был так заинтересован в школе, чтобы иметь время для девушек. Мы только начали изучать основы тактики, постигать концепцию действий взводов, рот, батальонов и полков, изучать, что такое нападение и оборона относительно этих соединений. Эти основы были для меня буквальными открытиями, заставляющими меня признать, насколько скудны были мои знания о военном искусстве, и как много предстояло мне еще изучать. Это и наши лаборатории и мастерские, чистые и блестящие с приборами, радиокомпонентами, электрическими моторами и двигателями внутреннего сгорания, были моей реальной любовью в то время.

Летом 1927 года, поскольку я был выше среднего в отметках и строевой подготовке, мне дали месячный отпуск в конце моего второго года. Курсантам, поощренным таким образом, предоставлялась бесплатная дорога в пункты назначения по их выбору, обычно до их домов. Поскольку у меня семьи уже не было, то я не имел настоящего дома, чтобы туда ехать, но получил бесплатный билет до Орска, чтобы почтить память моих близких у их могил.

Получилось так, что я провел всего неделю, довольно печальную, в том городе моего счастливого детства. Я спрашивал повсюду, но никто не смог мне сказать, где была похоронена моя семья или даже что случилось с их телами. Единственными родственниками остались там лишь тетя, которая находилась в Орске во время печалей и была несчастливо замужем за местным милиционером, и один из дядь, золотоискателей, из Аядирлинска. Ни один из них не оказал мне гостеприимства, а дядя просто был отвратителен. Когда-то социалист, он теперь стал мелким коммунистическим служащим. Пьяный, он кричал, что является лучшим коммунистом, чем я, поскольку-де он рабочий, а я солдат. Там также наблюдались недовольство и ропоты по поводу коллективизации, которая только что начиналась в регионе Орска. Я возвратился в Ленинград с еще неиспользованными двумя неделями отпуска и никогда больше уже не ездил в Орск. Вся поездка туда сильно расстроила меня.

Возможно, это был моим первым контактом с внешним миром после двух лет изоляции в школе, что было главной причиной моего подавленного настроения. Наша работа и положение в качестве курсантов находились под защитой наших администраторов от жесткой и меняющейся политики и экономики за стенами, но не полностью. В конце 1927 года Сталин одержал окончательную победу над Троцким и его сторонниками, когда пятнадцатый съезд осудил троцкистов как уклонистов и постановил очиститься от них. Троцкисты были уволены из армии и исключены из партии. Наша школа в этом отношении не была исключением. Несколько студентов, в основном, старших, исчезли из классов и строевой подготовки так же, как и горстка преподавателей.

Однако, эта чистка, сущий пустяк, как показали дальнейшие события, была лишь временным отвлечением. Она не оказала никакого влияния на мои занятия и на мою очарованность ими. Мои интересы становились все глубже и глубже, когда я узнавал больше об электронике, настолько, что у меня оставалось совсем мало времени на основы военных дел, не говоря уже о политике.

Когда мой кругозор расширился до векторного анализа, уравнений с частными производными, теории чисел, функции комплексных переменных, интеграла Фурье, я стал буквально жадным. Я знал, что для того, чтобы изучать больше, я должен поступить в Электротехническую Академию и для этого необходимо заслужить хорошие оценки за мои четыре года в школе плюс удовлетворительную оценку за службу в войсках в качестве младшего офицера. В качестве предварительных шагов я поступил на дополнительные курсы. Я стал типа молотилки. Когда бывал вне классов на караульной службе, то стал брать с собой технические книги в караульное помещение. Я почти разработал в себе нюх на электрические колебания и, поскольку немцы были в этой области знатоками, стал посещать вечерние

курсы немецкого языка. Таким же образом я изучал турецкий язык, не потому, что он помогал моим исследованиям, а из-за моего интереса, как татарина, к туркам, к родственному народу. К концу моего старшего класса мне дали задание прочесть лекцию о международном положении в нашей подшефной организации, в текстильной фабрике. Это не было заданием, которого я любил бы, оно было частью требуемого курса по политучебе. Без всякого энтузиазма я отправился в публичную библиотеку для поиска необходимых материалов.

У полка с книгами красивая блондинка попросила у меня сигарету, затем захотела узнать, что я здесь делаю. Я рассказал о своей задаче, и она оказалась не только симпатичной, но и предложила помощь. Она была студентом педагогического факультета университета и сказала, что с радостью подготовит необходимые бумаги. Я немедленно принял ее предложение.

После прочтения доклада, который был полным успехом на собрании рабочих, меня девушка позвала к себе домой. Она познакомила меня со своим отцом, профессором медицины в университете и сделала все, чтобы я почувствовал себя здесь уютно. Мне понравилось ее имя, Наталья. Мне также понравились ее светлые волосы, заплетенные вокруг ее головы, ее изящная фигура, ее стеснительная и спокойная улыбка. Очевидно, я тоже понравился ей. Она не только сделала доклад для меня, но в первый вечер в ее доме она решила мыть свои волосы и чтобы они выглядели лучше, она попросила меня помочь ей их промыть. Они были еще прекраснее, когда в распущенном виде свисали до середины ее спины.

К концу 1929 года многое у меня уже успело уйти по отношению к Марии. Хотя она была веселой, я находил ее также ветреной, слишком мало интересующейся серьезными вещами, в особенности, моей учебой и надеждами. Однако, я жалел, что не имел девушку, чтобы ее посещать во время увольнений, как это делали многие другие курсанты.

Наталья легко и скоро заполнила эту брешь. Мне она не только нравилась за свою внешность и серьезный подход к своим занятиям, но я также ее полюбил. Это была неумелая, неуклюжая, юношеская любовь, но она была настоящей и моей первой любовью. Она полюбила меня так же, и мы проводили все мои увольнения и экскурсии вместе.

К сожалению для нашей любви, она пришла слишком поздно в жизни обоих нас. Через считанные недели после нашей первой встречи мы оба закончили свои учебы. Лейтенантом я должен был отбыть в Тбилиси, в качестве командира роты в радиобатальоне. Наталья должна была ехать в другой, как казалось тогда, конец света, в Псков около Ленинграда, учить детей. После выпуска мне дали недельное увольнение, и мы провели его вместе в Ленинграде. В конце концов, я должен был отправиться поездом на юг. Я никогда не забуду, как она пришла проводить меня на станцию. В первый раз она позволила мне ее поцеловать. Появились слезы у нее и у меня. Когда поезд тронулся, она сказала: «Исмаил, я люблю тебя. Не забывай меня никогда». Я не забыл ее, но потерял навсегда. Я не мог просить ее присоединиться ко мне в Тбилиси, поскольку я был младшим офицером, необеспеченным ни квартирой, ни достаточными деньгами, чтобы оплачивать частное жилище. Вместо этого мы постоянно писали друг другу в течение нескольких месяцев. Затем внезапно ее письма прекратились. Я попытался ее найти. Увы, безуспешно.

Слава богу, я был молод. Моя душераздирающая печаль, хотя и ужасная, но была не вечной, и я не переставал интересоваться жизнью. Даже перед потерей Натальи случились отвлечения, когда поезд мчался на юг. Это было мое первое путешествие в настоящем вагоне первого класса. Сидения были бархатные. У меня было прекрасное одиночное купе. В поезде был ресторан. Однажды вечером, когда я сидел за ужином с вином, поезд на короткое время остановился на маленькой станции у предгорий Кавказа. Через окно я увидел телеграфный узел и старый аппарат Морзе, получавший сообщения. Годы ранее я, голодный, бездомный парень, впервые увидел этот аппарат и заинтересовался им. Школа разъяснила мне его таинства и многие другие вещи. Я был благодарен богу.

Мое первое подразделение, рота, была частью Одиннадцатого Батальона Кавказской Краснознаменной Армии и была расквартирована в пригороде Тбилиси. Войска жили в бараках, но я был помещен в городе, в отдельной комнате в старой части города около замка Метехи, знаменитой крепости, в продолжительное время использовавшейся в качестве тюрьмы для политических заключенных как царями, так и коммунистами.

Когда чувство новизны от наличия своего подразделения успела потускнеть, я начал находить, что такая форма армейской жизни монотонна и скучна. Проходили дни в бараках или в поле, обучая или маршируя солдат. Вечера проходили или в офицерском клубе, или за чтением в моей маленькой комнате. В первые воскресенья и другие свободные дни после прибытия я находил удовольствие в ознакомлении с Тбилиси, которого я нашел очень живописным и интересным городом.

Хотя и мал по сравнению с Ленинградом, он компенсирует это своими аллеями, окруженными холмами и горами и разделением быстротекущей, почти дикой горной рекой Кура. Он имеет множество очень старых церквей и соборов, и из-за русского влияния, нескольких новых широких проспектов, своих театров оперы и балета и, разумеется, университет. Тем не менее, он не имел космополитизма Ленинграда, и я скоро исчерпал его туристические возможности.

Поэтому, располагая временем, я не особенно заботился об офицерском клубе с его сильными попойками и грубыми рассказами и зачислился на вечерние классы института иностранных языков для улучшения моего немецкого языка. Я хотел добиться хорошего знания этого языка не только для будущего технического обучения, но также из-за того, что армия давала дополнительную оплату за знание языков, а моя лейтенантская зарплата была слишком маленькой.

Весной 1930 года я получил последнее письмо от Натальи. Мое несчастье и разочарование были беспредельными, однако, опять шла весна, и я стал нормальным молодым человеком. В классе немецкого языка было пятнадцать студентов, некоторые из них молодые девушки. Через некоторое время одна из девушек привлекла мое внимание. Брюнетка, он сидела на первом ряду передо мной. Ее пушистые черные волосы были естественно вьющимися. Ее темно-коричневые глаза были блестящими и казались мне полными веселья и озорства. Ее шея была грациозной и тонкой, ее лоб был высоким и благородным. На ее чистом лице не было никакого грима, хотя ее ногти были в маникюре. Ее одежда была скромной, но свидетельствовала о хорошем вкусе. Немного живая, она была также соблазнительна, очень деликатна и женственна, имела чрезвычайно красивую фигуру и тонкую осанку. Она также была лучшей студенткой в немецком классе и даже лучше знала французский язык.

В один из вечеров во время перерыва я набрался храбрости и представился. Она была добра к моей застенчивости и облегчила мое положение большой улыбкой, демонстрирующей ее красивые губы и отличные зубы, и заговорила. Она была Тамара Ефимовна Перская, еврейка. После уроков я проводил Тамару до дверей ее квартиры, также маленькой. Медленно мы стали хорошими друзьями в то время, как открывая много общего между нами. Она любила походы, как и я. Она любила оперу, театр, хорошие книги, искусство; также и я. Она хорошо играла на пианино. Я совершенно не играл, но наслаждался ее игрой.

Семья Тамары приехала из Полтавы и имела много тревог. Из-за погромов в конце века они бежали в Берлин. Здесь в 1906 году родилась Тамара и ее семья возвратилась в Полтаву после революции в надежде на окончание притеснений евреев в России. Ее отец был известным антикваром. Перед бегством в Берлин, он скрывал автора коротких рассказов Владимира Короленко, который, хотя антибольшевик, также разыскивался царским режимом.

Ее семья отправила Тамару в Тбилиси, чтобы поступить в университет, в основном, поскольку в Полтаве таких возможностей не было, но также из того, что два его дяди в грузинской столице могли быть ее попечителями. После окончания учебы Тамара получила работу секретаря у начальника медицинской службы Кавказской Краснознаменной Армии и в таком качестве она работала и тогда, когда я с ней встретился.

Весной нашей встречи мое очарование Тамарой возрастало по мере того, как мы больше узнавали друг о друге. Сначала я был удивлен, почти пленен ее вкусами к американской одежде. Последняя была действительно американская, пусть даже использованная. Она покупала их на рынке, где люди их получали от родственников или сочувствующих в США, но или боялись одевать иностранное, или нуждались в деньгах. Ее другим своеобразием было вегетарианство. Она взяла меня с собой в несколько ее излюбленных ресторанов без мяса. Я наслаждался ее компанией в таких местах, однако, будучи воспитанным в татарском духе, не находил там еду подходящей для меня. Она также взяла меня с собой к ее дядям, один из которых был терапевтом, другой – весьма искусным портным, обучавшимся к своему искусству в Париже.

К концу весны я купил пару дешевых билетов на оперу. Это была опера Ромео и Джульетта. Когда я ее провожал домой, то сделал ей предложение. Конечно, история двух итальянцев подействовала на меня, но к тому времени я уже глубоко любил эту чудесную девушку. Она выслушала меня, затем сказала: «Исмаил, я тоже тебя люблю. Я также знаю, что ты будешь хорошим мужем и я буду стараться быть хорошей женой». Как я был счастлив!

Однако, сразу жениться не стояло на повестке дня. Проблема была, как у большинства молодых людей в коммунистических странах, в жилье для нас. Моя маленькая комната была слишком тесной; такой же была ее. Так, мы должны были ждать. Во время этого ожидания армия добавила свои проблемы нашей любви. Летом мой батальон был перемещен из Тбилиси в регионе Вазиани, в гористой местности, для полевых занятий. Каждый день здесь, без Тамары, казался мне месяцем. В конце каждой недели, тем не менее, я мог ее видеть. В воскресные утра я мчался в Тбилиси и проводил день и большую часть ночи с моей возлюбленной, возвращаясь в лагерь только под утро, бессонный, но так счастливый.

В конце лета 1930 года, через год после моего прибытия в Тбилиси, я закончил языковые курсы и подал заявления на экзамены, как по немецкому, так и по турецкому языкам. Я полагал, что, если я пройду экзамены по двум языкам, то увеличение моей зарплаты будет достаточно для оплаты более лучшего жилья, так, чтобы Тамара и я смогли жениться и жить вместе. Я также хотел, чтобы сведения о моем знании языков в моем деле помогли для моей следующей учебы. Хотя я и не имел понятия тогда, когда просил о двух экзаменах, но каким-то образом запустил механизм для решительных перемен в моей жизни.

Через неделю после моего заявления мне приказали явиться в экзаменационную комиссию. Председателем был генерал Минзакир Абсалямов¹.

¹ Сведения о Минзакире Абсалямовиче Абсалямове (1889-1981) можно найти в «Татарская Энциклопедия», Казань, 2002 г, т.1, стр. 25.

Его имя зарубилась в моей памяти, поскольку он оказал основательное влияние на мою карьеру, хотя я и не видел его вновь в последние годы, и также потому, что он был собратом-татаринном. После кратких вопросов о моем армейском статусе генерал направил меня к приятному и улыбающемуся полковнику

Кузбердину. По его манерам и виду, по тому, как он разговаривал и вел себя, полковник был гораздо больше образованным и культурным офицером, чем полевые командиры, которых я знал в батальоне. Он взял меня в свой кабинет и дал мне турецкую статью по уставу турецкой армии и немецкий технический текст по колебаниям, случайно, мой любимый предмет, для перевода на русский за определенное время. После проверки моей работы, он также экзаменовал меня устно, имитируя пленного, которого я должен был допрашивать. Затем он мне дал для перевода на оба языка пару военных ситуационных сообщений. Когда я все выполнил, полковник улыбнулся, сказал, что экзамен закончился и что меня о результатах оповестят в скором времени.

Через несколько дней мне дали копию армейских приказов. В ней был параграф, утверждающий, что я квалифицируюсь как военный переводчик второго ранга по обоим языкам. В результате мой оклад увеличился на двадцать процентов. Как только я получил увольнительную, я поспешил к Тамаре и мы договорились о женитьбе после того, как найдем жилье. Она согласилась его искать.

Это планирование и поиск Тамары скоро оказались совершенно ненужными. Уже на следующий день мой командир батальона вызвал меня в свой кабинет и сказал, что я немедленно должен явиться в Четвертый или Разведывательный Отдел Кавказской Краснознаменной Армии.

В штабе армии меня проводили в кабинет начальника Четвертого Отдела. Здесь за большим столом просторной комнаты, обставленной со вкусом, сидел никто иной, как председатель моей экзаменационной комиссии генерал Абсалямов. Я буквально был ошеломлен и это, кажется, нравилось генералу и забавляло также. Он подвинул ко мне кресло, и я оглядывал комнату, на стенах которой висели крупномасштабные карты Закавказья, Ирана и Турции; книжные полки с британской, французской и германской энциклопедиями. На столах лежали стопки зарубежных публикаций, даже статьи русских эмигрантов, запрещенные для средних советских граждан, включая большинство офицеров Красной Армии. Я сознавал, что вступаю в положение, выше среднего. Через несколько минут, чтобы мне помочь справиться с моими волнениями, генерал беседовал со мной о моей партийной и военной подготовке. Затем встал и, став передо мной, он стал говорить по существу. Его отдел, он говорил, был ответственным за оперативную разведку и нуждается в квалифицированном персонале. Я, он сказал, квалифицирован. Я был молодым, уже знал два языка, имею профессиональное радиообразование. Мой перевод из батальона в его отдел, продолжал он, пойдет на пользу как армии, так и мне самому. Мой характер и подготовка были изучены тщательно, и допуск был для меня получен. Имею ли я какие-либо возражения против перевода?

Как прекрасно! Какие могут быть возражения? Или я должен встать и попросить дать ночь для обдумывания? Я знал, у меня не было никакого выбора. Все уже было решено за меня. Если я откажусь, то буду гнить здесь, в Тбилиси. Я тогда никогда не смогу пойти на техническую учебу. Кроме того, следующие мысли пробежали в моей голове: служба в батальоне была монотонной, разведка же может быть интересной и, возможно, меня даже направят за рубеж.

«Есть, товарищ генерал, я согласен с вашим мнением. У меня нет никаких возражений против моего перевода».

Генерал пожал мою руку в знак согласия и в то время, как он удовлетворенно улыбался, я мысленно поставил мои весла на уключину надежды на поступление в Электротехническую Академию. Он отозвался похлопанием меня по плечу и сказал, что после службы в его отделе я смогу идти в любую Академию.

Затем он повел меня в соседнюю комнату, где оставил меня с тем же самым полковником Кузубердиным, который экзаменовал мои знания немецкого и турецкого языков. Полковник поздравил меня с моим решением, сказал, что приказы по моему переводу будут отданы скоро, и дал мне отпуск на один день.

Приказы пришли менее чем через неделю и с ними мое повышение до звания старшего лейтенанта. И это было не все. Мне дали также новую квартиру из двух комнат, кухни и ванной. Это было обеспечение, по меньшей мере, для капитана. На регулярной службе я имел бы лишь одну комнату. Вторая комната мне была предоставлена как офицеру-разведчику. Оттуда я должен был работать с моим радиопередатчиком и радиоприемником.

В тот день я ожидал у дверей офиса Тамары, чтобы ей рассказать о хороших новостях, пришедших, когда она ушла на работу. И как чудесно все устроилось для нас! На следующий день мы поженились. Мой новый офис был близок к офису Тамары. Во время обеденного перерыва с несколькими друзьями из моего старого батальона и из офиса Тамары, мы отправились в бюро регистрации гражданских браков и заявили о нашем желании стать мужем и женой.

После моей второй и серьезной встречи с генералом Абсалямовым я немного похвастался Тамаре о романтике разведывательной работы, ее секретности и опасности. Не будучи членом партии, всегда не заинтересованная в политике, она держала мою руку и внимательно слушала. Когда я закончил, она сказала, что она рада моей заинтересованности в моей новой работе и надеется даже больше чем я, что я в конечном счете буду в состоянии поступить в Ленинградскую Академию. Образование, она сказала тогда и всегда, то, что всегда будет реально учиться. Я должен, подчеркнула она, приобрести реальные знания, техническое образование, а не быть рядовым, бездумным армейским офицером до самой войны.

Несмотря на мой рассказ Тамаре о разведке, я в действительности ничего не знал о ней, когда прошел перевод. Он был сделан очень плавно, когда я начал работать в офисе Кузубердина. По основной теории мне назначили пару томов, *Стратегическую разведку* полковника Вальтера Николаи,

начальника разведки и контрразведки германского генерального штаба во время Первой мировой войны. Когда я ее переварил, мой полковник проверил мою реакцию на нее, затем сказал, чтобы я никогда не позабыл, как фундаментален этот труд для действий советской разведки. «Исмаил, то, что вы прочитали, это лишь начало. Мы, коммунисты, другие. Наша разведка должна быть другой. Она должна быть более активной, более сильной. Николаи является, так сказать, технарём. Мы являемся революционерами.

Наша революционная этика и коммунистическая тактика являются основами, на которой мы должны строить нашу разведку. Следование по правилам, изложенным Николаи, царской охранкой и многими другими, хорошо, но мы должны на этом не останавливаться. Вместо *разведки* мы должны использовать термин *подпольная работа*, поскольку мы являемся секретной армией нашей партии. Мы должны не только собирать и разносить разведывательные данные. Мы должны, конечно, делать это, но мы должны также идти гораздо дальше. Мы должны знать планы и намерения не только наших врагов, но также и наших друзей. Мы должны знать дороги в странах нашего интереса, местность, расположение войск, их расписаний по организации и диспозиции и типам вооружений. Мы должны мобилизовать и обучать агентов, проводить их через границы, установить за рубежом агентурные резидентуры.

Однако, такие задачи выполнялись и выполняются также другими странами. Наши задачи гораздо больше. Наиболее важно помнить, что нашей целью является разрушение нынешнего и построение нового мира. Мы не кричим не за что: «Да здравствует мировая революция». Мы имеем ее в виду. Следовательно, наша вся разведывательная система не ограничена классическим шпионажем, как это приписывается в тех зарубежных публикациях, которых вы видели в этой комнате, но она также включает сумму общих тайных действий, направленных на разрушение капиталистического мира. Для нас это означает, что не только классический шпионаж, но также саботаж, террор, похищения людей, покушения, внедрение в иностранные правительства и политические партии для того, чтобы манипулировать ими изнутри, организацию малых и крупных беспорядков, забастовок и протестов, ведение психологической войны, провокации и дезинформацию. Вот почему мы пользуемся особым положением и властью в пределах наших вооруженных сил».

Для практического ознакомления мне дали дела агентов отдела, чтобы я на них учился, как добиваться успеха, как избежать неудач и др. Большинство таких дел касалось вопросов техники, однако, некоторые из них меня буквально ошеломили.

Одной из страшных моих находок было длинное сообщение по поводу подавления «повстанцев», в действительности, восстания в горах Азербайджана, где я, как юноша, так был тепло принят в качестве пастуха и учителя маленьких детей. Мои друзья там сопротивлялись советизации, от которой я бежал перед прибытием коммунистического учителя. Они и многие другие с таким же мнением ушли высоко в горы в безуспешной попытке выжить. Против них коммунисты направили так называемую Стрелковую дивизию, состоящую не из местных жителей, а из нетюркских элементов, как украинцы, русские призывники из Сибири, несколько кавалерийских подразделений Краснознаменной Армии и, конечно же, резервы пограничных войск, полевые солдаты ОГПУ (предшественник КГБ). В виде летней тренировки, была предпринята «экспедиция» против моих друзей. Несмотря на их храбрость, они были схвачены и уничтожены. Я читал страницу за страницей, как штыками протыкали маленьких детей, изнасиловали молодых девушек и их матерей, расстреливали из пулеметов мужчин, подвергли к артиллерийскому огню поселения и сжигали их дотла. Ах, эти бедные люди, которые хотели лишь жить согласно своим правилам, как им коммунисты обещали для получения их поддержки в дни революции! Я читал дальше. Мои друзья были не единственным народом, которого ликвидировали. Ближе к иранской границе и другие также оказали сопротивление советизации и коллективизации. Эти люди также взяли за оружие и восстали. Против них были направлены регулярные части Красной Армии и пограничные войска. В моих руках были дневные ситуационные сообщения этих карательных подразделений, направленные в наш отдел. Одно из них неизгладимо врезалось мне в память: «Все деревни оказывают отчаянное сопротивление. Наши части были вынуждены сжечь деревни, вырезать саблями не только мужчин, но и также женщин и детей. Когда мужчины, сражаясь против нас, погибли, их женщины, вместо сдачи, бросались на штыки, чтобы умирать от красных солдат». Некоторые из этих людей, как сообщалось, смогли бежать через границу в Иран, но не надолго. Советские войска, сообщалось, пересекли границу, преследуя их, и уничтожили беглецов.

Читая дальше, я наткнулся на длинное сообщение от начальника нашей части в Ленинакане, около турецкой границы. Полковник Шакир Алькаев имел своей задачей перевод через границу недавно завербованного и обученного агента обратно в Турцию. Он писал: «... как сообщал ранее, я искал подходящего случая для отправки Х. Наши соседи [термин, обозначающий советскую военную разведку] советовали мне, что я мог бы использовать их операцию для прикрытия перехода Х. Они узнали от информантов, что группа из около восьмидесяти местных мужчин, женщин и детей намерена пересечь нелегально границу и бежать в Турцию. «Соседи» предпринимали меры для перехвата группы и ее ликвидации на границе. Они предложили, чтобы Х присоединился к группе, это было небольшой проблемой, поскольку он был их учителем, и действовал, как будто он их сопровождает при их бегстве. Они обещали не стрелять в него во время стрельбы, для чего он должен был стоять на определенном месте и как-то обозначать себя. Я согласился с их предложением, поскольку мысль отправки Х через границу среди людей, бегущих от Советов звучало операционно. Поэтому в назначенное время я присоединился к «соседней» опергруппе [ликвидационное подразделение]. Когда мы достигли места

засады, уже было почти полночь. Облака по случаю закрыли луну. Все было тихо и было тепло, даже для летней ночи. Наконец, мы слышали шум движения и приглушенные голоса приближающихся людей. Затем, из нашего скрытого места за камнями мы их увидели. Некоторые были вооружены, некоторые нет. Некоторые шли пешком, некоторые ехали верхом на лошадях. Женщины и дети были на ослах. В этот момент «соседям» дали команду на атаку. Было много стрельбы, много криков, плача и проклинаний, женщины просили пощады, дети плакали. Немногие избежали смерти. Среди тех, кому удалось бежать, был наш агент Х».

Дальнейшее чтение привело к сообщению по операции в обратном направлении, которая имела место на той же местности, почти в то же самое время, когда я ухаживал за Тамарой. Дело (файл) давало детали крупного восстания курдов в Турции, недалеко от перекрестка турецких, иранских и советских границ. Мой отдел помогал бежать многим курдам из Турции в Советскую Армению. Все беглецы были организованы в специальные военные подразделения, обученных ведению партизанской войны, с целью возможного использования их в будущем в Турции.

Я был сильно расстроен, в особенности, информацией о том, что было сделано по отношению к моим друзьям в Азербайджане, и сказал об этом при моих ежедневных обсуждениях с полковником Кузуберином. Он послушал меня, почти открыв рот, перед тем, как приказать прекратить разговор. Затем он вышел из-за своего стола, поставил на меня свой палец и сказал очень спокойно, но серьезно: «Знаешь, товарищ Ахмедов, если бы я позвонил ОО [особый отдел, отдел контрразведки ОГПУ в вооруженных силах], они бы с тобой разделались очень быстро. Давай, чтобы я больше никогда не слышал об этой чепухе. Можешь идти».

В ту ночь я рассказал все Тамаре. Это было в нарушение секретных правил и также в нарушение моего собственного правила не беспокоить жену моими делами.

Однако, я был глубоко расстроен, не только из-за открытия, членом какой организации я стал, но также из-за реакции полковника. На некоторое время она держала мою руку, сжала ее и ничего не сказала. Затем она призналась, что она тоже ошеломлена и расстроена тем, о чем я ей поведал, но не видит никакого пути, как держать мой язык за зубами, быть терпеливым, работать усердно и стать специалистом в других областях, чтобы я мог заработать на жизнь другим путем.

Я с благодарностью принял ее совет. Честно говоря, не было никакого другого пути. С этих пор я держал свои мысли при себе. В офисе полковника я налег на работу со всей моей энергией, отдавая себе отчет, что лишь усиленная работа будет моей дорогой в академию, которую обещал генерал. Со своей стороны, полковник никогда в дальнейшем не напоминал мне о моей оплошности.

В течение нескольких недель я завершил книжную работу моего обучения и начал изучать, как шифровать и расшифровать приходящие и отходящие телеграммы и письма в отделе. Такие обмены шли между штаб-квартирой в Тбилиси и Тегераном и Табризом, Анкарой, Эрзерумом и Карсом и, конечно, Москвой. Эта коммуникационная работа не только дала мне более глубокое проникновение в местные разведывательные операции, но и также часто имела забавную сторону, если даже предательство стояло рядом со смехом.

В один из дней генерал прислал сообщение для шифрования и немедленной отправки начальнику разведки в Батуми. Я прочитал что-то в роде: «Сожги сразу после прочтения. Офицер турецкого генерального штаба едет из Москвы в Анкару через Батуми [и здесь точно указаны время, номер поезда и номер купе в международном спальном вагоне]. Отдай ему дорогой бухарский ковер как подарок в качестве благодарности от Директора». Я знал достаточно тогда, чтобы понимать коверное дело как где-то в Москве, некоторое время тому назад, некий офицер Управления военной разведки добился успеха в вербовке этого офицера турецкого генерального штаба, который уезжал домой после работы в Красной Армии.

Однако, не только турки были в нашей сети. Позднее я получил другую шифровку и задачу ее передачи аналогичного импорта, адресованную нашему начальнику в Джульфа на иранской границе. Она запомнилась мне как: «Губернатор Табриза возвращается из Баку в Табриз через Джульфу. Отдай военные почести и сделай переход границы приятным». Другая крупная птица была завербована, я подумал, и размышлял, что губернаторы, офицеры штабов, учителя, курды, армяне, азербайджанцы, высокопоставленные агенты, мелкие агенты, каждый имел свое место в конструкции нашей разведки. Когда моя шифровальная работа стала удовлетворительной и она не стала занимать много времени, меня поставили на изучение организации нашего отдела. Он состоял из трех секторов: операции шпионажа (мой сектор), информации и тактической (боевой) разведки. Моими центрами действия сектора были *Пограничные Разведывательные Пункты* или, как мы их называли, ПРП. Ленинанкан, где наш агент проник ценой многих жизней в виде вымышленного беглеца, был одним из пунктов нашего сектора. ПРП были нашими наиболее тесными контактами с более чем десятком шпионских центров через турецкую границу и приблизительно с половиной этого количества с другой стороны иранской границы. На ПРП наши подразделения скрывали свое присутствие, представляясь как военнослужащие внутренней безопасности, они даже одевались в форму пограничников ОГПУ.

В то же самое время, когда меня обучали как младшего офицера по кооперации между органами внутренней безопасности и военной разведки, мне осторожно предупредили о конфликте между двумя этими группами. ОГПУ хвасталось, как это делает до сих пор КГБ, только они являются теми, кому доверяют, элитой и в качестве таковой они имеют право контролировать всех. Моя организация хвасталась, что она состоит из военных профессионалов и поэтому они знают свое дело. Мне говорили,

что соперничество и борьба между этими двумя идет постоянно и часто очень в резком виде и я нашел, что это точно так и есть.

В этом отношении военная разведка или ГРУ, как она затем была переименована, сильно посмеялась над ОГПУ. Почти перед моим переходом сюда, Григорий Бесседовский, советский поверенный в делах, и Георгий Агабеков, начальник ОГПУ по Ирану и затем в Турции, бежали на Запад. Оба опубликовали мемуары в то время, как я был в Тбилиси. Эти разоблачения, среди другой иностранной литературы, были запрещены почти для всех советских граждан. Нам, офицерам разведки, они не только были разрешены, но мы должны были их изучить. Я нашел их завлекающими как рассказы и также весьма открывающими глаза о *modus operandi* советской секретной полиции, охранника каждого советского гражданина. Эти мемуары в сочетании с тренировками с шифрованными сообщениями, чтением секретных и совершенно секретных дел, эмигрантских газет и иностранных журналов также быстро расширяли мой кругозор, не обязательно циничного, но для начала понимания мира, как он был на самом деле.

Мое основное обучение было завершено к концу 1930 года. С тем, я был назначен для очень серьезного изучения турецкого и иранского Курдистана. Это повлекло получение внутренней и детальной информации о характере и происхождении вождей курдских племен, маршрутов и тропинок, об источниках воды, местной истории и фольклора, о начальных и текущих причинах ненависти, разделяющей многие племена и народы Среднего Востока, о борьбе между различными партиями. Даже самая малая деталь не была опущена. Например, были определены точные методы и затем вставлены в секретные правила, как скрывать малые подразделения повстанцев в горах или пустынях, как сварить еду под землей, как устанавливать коммуникации, как советские советники должны обращаться и играть с национальными и религиозными убеждениями и обычаями отдельных местных людей.

Я был глубоко в работе в январе 1931 года, когда полковник сказал мне, что я вновь буду отправлен на учебу. В 1931 году наша организация превращало радио как в основное средство коммуникации в оперативной разведке. Я должен был пройти курсы в Москве в совершенно секретной радиошколе Разведывательного Управления (т.е. Четвертое Управление) Генерального штаба Красной Армии. Тамара был обрдована, поскольку она надеялась, что повышенное изучение даст мне специальность, в котором я нуждался. Ее я с собой в Москву не взял. Я не мог. Курсы были лишь четырехмесячными. Кроме того, ее дни были заняты, поскольку она все еще работала в медицинском управлении армии. Также, в дополнение к ее дядям, она имела большой круг друзей и знакомых в Тбилиси. Тем не менее, расставание печалило меня. Это было первым расставанием.

Радиошкола располагалась в районе Ленинских гор, тогда в пригороде Москвы. Территория, окруженная колючей проволокой, днем и ночью охранялась специальными войсками ОГПУ. Большая часть пространства внутри была занята комплексом антенных систем, центром всемирной радиосети управления разведки.

Директором этого огромного центра был блестящий бывший австрийский сигнальный офицер по имени Лямберг. Он был взят в плен во время Первой мировой войны. Во время октябрьской революции он перешел на сторону большевиков и Красной Армии и затем был назначен в военную разведку. Большинство остального штата консультантов, инженеров и техников, состояло из иностранцев. Русский язык можно было редко слышать в школе, хотя немецкий, английский, французский и итальянский были обычными языками. Одежда и манеры, как и язык, указывали на то, что эти люди иностранцы. Их одежда была сшита лучше, их обувь была лучше, чем у русских и они смеялись больше и в целом были гораздо вежливее, чем местный штат. Причиной различного аспекта иностранцев и их поведения было то, что большинство из них были иностранными гостями, являясь наиболее ценными нелегальными агентами Красной Армии, иностранными коммунистами или коминтерновскими работниками.

Основными школьного курса для меня были радиосвязь в качестве средства шпионажа плюс всегдашняя политехника, преподаваемая комиссарами из политического подразделения штаба военной разведки. Строго техническая работа была на основе свойств и распространения коротких волн и миниатюризации радиоприборов для использования агентами.

Во время этих курсов я также был ознакомлен с коммуникационными чудами тех времен: двухканальными радиосредствами от размера миниатюрных, помещаемых в кармане, до крупных, собранных в виде невинных кожаных чемоданов. Некоторые из крупных моделей этих типов радиоустройств были упакованы в школе в водонепроницаемые и пылезащищенные оболочки с тем, чтобы их можно было бы секретно закопать за границей, обычно в уединенных местах. Точные топографические схемы выбранных мест захоронения были подготовлены и содержались в деле в Москве на случай, если они будут нужны для восстания или для ведения партизанской войны. Главным предметом политической учебы была, разумеется, мировая революция, конечная цель партии. Нам рассказывали, что наиболее презираемым врагом СССР, «базы мировой революции, является «база мирового капитализма», США. И даже в это время в наше сознание внедрялось, что одной из важнейших целей в борьбе против «англо-американского империализма» является контроль (слово *освобождение* никогда не применялось) над Средним Востоком из-за его запасов нефти, также из-за его стратегического положения как моста между континентами. На собраниях за закрытыми дверями нам советовали, что толкование Литвинова в Женеве и повсюду на Западе, является не более чем дипломатическим промыванием глаз, для выигрыша времени. Не принимайте это всерьез, они

говорили; наша задача перед партией как офицеров разведки, заключается в подготовке восстаний и гражданских войн в соседних странах как прелюдия коммунистического наступления в мировом масштабе.

После завершения курсов в апреле 1931 года я был отправлен назад в Тбилиси, в Четвертый Отдел генерала Абсалимова. Меня сопровождали специальные курьеры, которые везли подобные трем образцам кожаных чемоданов, на самом деле, три приемника, каждый с индивидуальным источником питания. Последние достижения техников Лямберга, эти устройства стали нашими главными средствами радиосвязи с Москвой также, как и с Тегераном, Анкарой и Стамбулом.

Один из этих великолепных образцов оборудования отдали мне, чтобы я его установил в своей лишней комнате, которую мне дали как часть моей фантастической квартиры, когда меня переводили в отдел. Тамара, счастливая моему приезду, была разочарована иметь часть нашей квартиры под мое устройство. Когда я успокаивал ее, она сообщила странную новость. Когда я был в отъезде, мы получили нового жильца в нашем доме, который был одним из красивейших в городе. Новый жилец, больше знакомый Тамаре, чем мне, был старший Ойствах¹, скрипач.

¹ По-видимому, речь идет о скрипаче Давиде Ойстрахе – В.М.

Довольно странно, мы подумали, квартировать артиста вместе с агентами; во всяком случае, мы также установили, что ничто не было слишком хорошо для разведки.

По приезду мне дали новое задание, которое, кстати, я нашел весьма приятной работой. Она продолжалась лишь шесть месяцев, но для меня эти полгода были очень хорошими временами. Мне приказали стать коротковолновым радиолюбителем и проводить долгие дни и ночи дома, разговаривая с другими любителями во всех частях мира. Моим любительским позывным был AU7CS. Я вступил в местный клуб коротковолновиков и участвовал во многих безвредных дискуссиях о маломощных передачах, в особенности, на новых и изоэлектрических длинах волн. Мне позволили одеваться в гражданскую одежду, доставленную нашими агентами в Турции. Я почувствовал себя и смотрелся как иностранец.

Цель такого маскарада не была невинной. Моей реальной работой была вербовка операторов нашей радиосети из местных любителей. Моя первая находка из многих дальнейших была, по-видимому, лучшей. Он был молодым грузином с хорошей репутацией в комсомоле. Он не только был способным технически и любил опыты с короткими волнами, но он также довольно просто подошел для задачи нашего отдела. Я также обучил его шифровальной технике и агентурной связи, и затем мы его отправили в Тегеран, сделав его для прикрытия членом торговой делегации.

После того, как мой ученик устроился в иранской столице, он начал регулярные тайные передачи, через меня в Тбилиси. Ранее мы двинули другого хорошего оператора в Турцию, вновь под прикрытием члена торговой миссии. Через дипломатические каналы мы отправили к нему одно из устройств Лямберга для организации передачи сообщений из Эрзерума. Иранские и турецкие коммуникации плюс обычные контакты с нашими ПРП вдоль границ составляли все мои обязанности в то приятное полугодие. Это хорошее время закончилось в ноябре 1931 года, когда генерал моего отдела был переведен на полевые задачи. Его приемником был также татарин, но тот, который верил в частые перемещения своего персонала. Он отправил начальника ленинканского ПРП, полковника Алькаева, чье сообщение вербовки агента в Турции вызвало у меня тревогу, в Москву для прохождения учебы. Я был отправлен на армянскую границу, чтобы занять его место на ПРП.

Сначала этот перевод сделал меня нервным. Я, будучи лишь старшим лейтенантом, должен был занять место полковника, хотя в дальнейшем я убедился, что такая практика не является необычной для нашей службы. Во всяком случае, перевод лично меня мало удовлетворил. Он означал, что я должен был отдать нашу прекрасную квартиру в Тбилиси. Перевод также означал, что Тамара и я будем жить отдельно, поскольку на ПРП не было квартир для женатых. Как всегда, хорошая жена, она напомнила мне, что я должен иметь полевую работу, если я хочу продвижения, в частности, хочу и дальше учиться. Она была права, конечно, но мне не хотелось уезжать.

Несмотря на наши различия в звании, полковник принял меня вежливо и гостеприимно. Ему было приказано оставаться несколько месяцев, пока я не освоюсь с обстановкой. Перед тем как он уехал, он показал мне, как наши агенты проходили через границу туда и обратно, что являлось основной задачей ПРП.

Моя первая работа была связана с курдом, ожидавшимся через границу ночью с информацией о политической ситуации среди племен в районе озера Ван.

Полковник и я устроили на границе пункт встречи за день до его прибытия. Хотя было ранняя зима, но стояла теплая погода, когда мы уехали из Ленинкана. Хотя и мы ехали верхом неторопливо, мы и наши кони скоро вспотели из-за теплой погоды и трудностей для них на каменистой тропе среди скал. Я также чувствовал себя немного неудобно в своей новой форме пограничной службы ОГПУ, в обычном наряде офицеров для военных офицеров разведки на ПРП. Для нашего прикрытия мы имели с собой удостоверения офицеров-пограничников ОГПУ.

Сзади нас, дальше в северо-западном углу Советской Армении высилась вулканическая гора Алагуз с ее снежной вершиной, достигающей высоты более чем 4 км. Далеко на юге, мы могли видеть еще

более высокие горы в Турции, сгруппированных вокруг покрытой снегом горы Большой Арарат высотой около 5 км, где находилось, якобы, место стояния Ноя во время всемирного потопа. Мы проезжали через ужасно бесплодную местность, особенно для меня, поскольку по дороге из Тбилиси на Ленинакан я нашел северную Армению как район, покрытый буйной растительностью. Повсюду на юге ничего не было видно, кроме голых скал, и я понял, почему некоторые зовут Армению как страну камней. Ее поверхность выглядела как мертвая планета. Ничего кроме камней. Огромные валуны размером крупных зданий, поменьше, размером домов, еще меньше, размером брусчатки, бесчисленные, они разбросаны повсюду, как будто сумасшедший гигант ударил и вдребезги разнес некоторые горы. Если добавить сюда опустошенность, то картина становится еще более удручающей. Поскольку мы были на приграничной зоне, весь район был под запретом. За всю послеобеденную поездку, мы не встретили здесь ни одной души, за исключением одинокого пограничного патруля.

Почти перед наступлением ночи мы услышали лай собак и шум воды, устремляющейся в каньон. Мы приближались к месту назначения. Мы обошли последнюю скалу и посмотрели вниз. Там на самом дне ущелья находилась застава, одно из пустынных, наиболее запрещенных сотен таких пунктов, разбросанных вокруг Советского Союза. Это был маленький каменный дом, прилепившийся к краю небольшого утеса в нескольких метрах над бурными водами Арпачая, бешено текущего на юг, чтобы там присоединиться к Араксу в его течении к Каспийскому морю. Арпачай образовал здесь линию границы, на отвесном берегу которого с другой стороны находился пост турецких пограничников. После не совсем комфортабельной ночи на посту ОГПУ, мы встали рано утром так, чтобы я смог познакомиться с местностью для использования при переходе будущего агента. Как отметил полковник, здесь было много бродов через Арпачай, которые делали их идеальными для нашей работы. Наконец, настала ночь, ночь свидания. Было темно, безлунно, облачно, очень хорошо для приема агента. Со стороны Турции продували сильные ветры. В бинокли мы наблюдали за турецким пограничным постом и видели, как часовые уходили в свои квартиры, чтобы играть в карты, в то время, как погода становилась все хуже и хуже.

На дежурстве вместе с нами находился начальник заставы. Он имел право «открыть» для нас границу. Это означало, что во время приема агента или его отправки пограничники снимались для военной разведки с выбранного небольшого участка на строго определенное время. Хотя ему не было разрешено присутствовать во время интервью или инструктажа агента, начальник заставы должен был присутствовать во время прибытия и отбытия наших операторов, чтобы убедиться в том, кто переходит границу.

В нашем случае граница была открыта к полуночи. Несколько минут позднее мы заметили силуэт человека, переходящего вброд реку в нескольких метрах от нас. Мы спустились на берег, идентифицировали в проводнике нашего курда. После этого, начальник заставы покинул нас, чтобы возвратиться через час для того, чтобы засвидетельствовать отбытие нашего человека из Советского Союза.

Высокий и темнокожий, этот курд выглядел довольно свирепым человеком. Однако, он был смысленный. У него было много проблем с турками, и он знал часть границы до последнего камня. Его информация, тем не менее, не выглядела исключительной. Мы смогли его опросить менее чем за отведенный час перед тем, как отправить его обратно в темень, в Турцию.

На следующий день мы возвратились в Ленинакан, чтобы оттуда Алькаеву отправиться в Москву, а мне принять командование над ПРП, на котором я задержался почти год. В начале я нашел работу интересной и волнительной, но скоро все это прошло.

Я также нашел трудным приспособиться к работе с ОГПУ, как это было необходимо почти в каждом случае. Был также элемент опасности во встречах в одиночку с агентами, обычно ночью в уединенных местах, но было и ОГПУ, против которого я не мог противостоять, в особенности, подразделениям пограничников.

Пограничные войска были учреждены Лениным в 1918 году и сделаны главным компонентом организации государственной безопасности. По ленинскому декрету, они были ответственными за воспрепятствование незаконного въезда и выезда личностей, за защиту пограничных районов против вооруженных нападений, за борьбу против контрабанды, за контроль прибрежных вод, поддержку общественного порядка в пограничных районах и, в случае необходимости, установления карантина. Согласно декрету, все это не сильно отличалось от охраны границ в других странах. После 1923 года, однако, пограничная охрана сильно расширилась до сил из многих тысяч человек, вооруженных танками, самолетами и артиллерией. Все это расширение, главным образом, имело одну задачу, воспрепятствование незаконного перехода через границу, иначе говоря, воспрепятствовать беглецам из так называемого свободного советского народа. Особенно тошно было мне то, что проходило в каждый день 28 мая, годовщины ленинского декрета о погранвойсках. По этому случаю газеты пестрели заголовками «Столько то лет на защите границ» и простые «свободные» граждане приглашались для того, чтобы произнести им слова благодарности. Они были похожи на заключенных, благодарящих своих надзирателей.

Вот с какими людьми мои ПРП, как и все остальные, должны были иметь дело. Мы не только носили их форму и значки отличия и их формы личных удостоверений для прикрытия, но мы работали также под их эгидой. ПРП, в свою очередь, также не были белыми лилиями. В моих делах среди других совершенно секретных правил была вот эта комбинация цинизма с наивностью: «Начальнику ПРП доверят хранить иностранную валюту для своих операций в долларах, туманах, лирах, марках,

кронах. Ему доверяется превращать охраняемые здания в дома и обучать своих агентов. Ему доверяется содержать своих проституток для развлечения своих шпионов...

Несмотря на такую обстановку и атмосферу, случилась одна приятная вещь в Ленинанкане весной 1932 года. Я несколько дней находился на границе по задаче перехода другого агента и возвратился довольно усталым в мою квартиру, скорее, в одинокую монашескую келью. Когда я вошел, то подумал, что-то не то с комнатой. На окне висела занавеска, на полу лежал маленький, но красивый ковер с несколькими подушками на нем и на примусе стоял хорошо пахнущий суп. Когда я все это обозревал, Тамара вышла из-за занавески и обняла меня. Она приехала из Тбилиси на конец недели для того, чтобы муж почувствовал себя немного как дома. Она также приехала сообщить мне об удивительной новости, что беременна и ожидает летом ребенка.

Короткое присутствие Тамары и ее новость были для меня импульсами, в которых я остро нуждался. Недели, в действительности, месяцы после этого мой дух был весьма высоким. Затем все разбилось на куски. Я получил новость от Тамары, фактически, от друга. Она была очень и очень больна и находилась в больнице в Тбилиси. У нее случился выкидыш. И, как будто этого было мало, она также вынуждена была стерилизоваться. С тех пор наша семья не должна была быть больше двоих нас. Задолго до этого страшного удара я формально отправил мое заявление для поступления в Электротехническую Академию в Ленинграде. После того, как Тамара потеряла ребенка, я настаивал перед генералом нашего отдела, что из-за семейной трагедии я хотел бы переводиться из этого района, предпочтительно в академию. Я не рассказывал ему, что я также, что все что я делал, это отправка и прием агентов низкого уровня; получение пустячной и скудной информации о местных войсках, настроениях курдских племенных вождей, о дорогах, окрестности и о мелких политиках; плюс игра в перчатках с ОГПУ.

В сентябре 1932 года поступил приказ, чтобы я проследовал в Ленинград. Прощай Закавказье. Надеюсь, навсегда.

ВЫЖИВАНИЕ II

В Москве я должен был прервать свой путь в Ленинград. Когда мой поезд прибыл в столицу, я почувствовал себя очень слабым и шатким. У меня была высокая температура. Я отправился в военную клинику, откуда меня отвезли в госпиталь. У меня было воспаление легких и доктора сказали, что это очень серьезный случай.

Что меня точно сделало больным, я не знаю. Обычно мое состояние было превосходным. Признаюсь, что, возможно, депрессия сыграла свою роль. Я ужасно горевал по поводу потери ребенка и невозможности когда-либо иметь детей. Я очень беспокоился по поводу здоровья Тамары и тем, что должен был ее оставить в Тбилиси.

Путешествие с юга на поезде также подкосило мои моральные силы. Повсюду, на северном Кавказе, на Украине, станции были переполнены тысячами и тысячами несчастных людей. Там творилось такое, что невольно напомнило мне очереди у бюро по трудоустройству в Баку, за исключением того, что здесь дела были гораздо похуже.

Причинами этих страданий на станциях были коллективизация плюс перемещение и голод, которые сопровождали коллективизацию. В то время, когда я проезжал эти станции в сентябре 1932 года, более 50 процентов крестьянства было насильно коллективизировано.

Я читал немного об этой трагедии в сводках разведывательных отделов различных армий, не только моих подразделений, но также тех, которые были расположены на Кавказе, в Центральной Азии, Казахстане, в регионе моего родного города, на Украине. Каждая сводка отзывалась об этих бедных людях, которые сопротивлялись коллективизации, как о «бандитах» и говорила, что против них были предприняты боевые акции.

По сводкам я чувствовал некий страх, который охватил крестьян и членов племен, но никогда даже не догадывался о действительном ужасе до того, как сам не увидел своими глазами его результаты на станциях. На платформах были не только местные люди, но и башкиры, казахи, киргизы, туркмены, узбеки, татары, мужчины, женщины и дети, все жалкие, грязные, потерянные, голодные, умоляющие за кусок хлеба или копейки. Особенно в отчаянии были киргизы, которые так были добры ко мне, к мальчику, и другие кочевники. Насильственная отмена кочевничества сопровождалась коллективизацией и было невозможно изменить образ жизни людей, которые из поколения в поколение, веками, приспособились к вольному перемещению с одного пастбища на другое.

Чтобы не повиноваться, те из кочевых и крестьян, которые не сопротивлялись с оружием в руках, покидали свои земли, вырезывали свои табуны и стада. Голод и смерти миллионов, которые свирепствовали в последующие два года, были не от бога, а преднамеренным дьявольским деянием Сталина.

Важно отметить, что это были национальные меньшинства Советского Союза, нерусские, которые пострадали под коллективизацией, а не наследные колонизаторы этой обширной страны.

Освобожденные от крепостничества лишь за несколько двадцать лет ранее, крестьяне центральной Великой России, за исключением казаков, никогда не продвинулись дальше чем грубой формы коммунальной жизни. Для них коллективизация не означала никаких перемен. Нерусские, однако,

всегда были свободными владельцами своих земель и скота. Поэтому коллективизация для национальных меньшинств была настоящей катастрофой библейских масштабов. При моем путешествии на север через эти глубоко беспокойные районы я также видел начала массовых депортаций, которые шли наряду с коллективизацией. На нескольких станциях вооруженные солдаты загоняли сотни и сотни отчаявшихся людей в длинные грузовые поезда, о станции назначения которых не знал никто. По моему твердому мнению, депортации и голод считались коммунистическим руководством как лишь наказание людей, которым суждено было умирать, поскольку они шли против системы. Ах, какой ужасный приговор системе, которая зацвела на кровавой почве Ивана Грозного и Екатерины Великой!

С такими жуткими впечатлениями потребовалось больше двух месяцев для моего выздоровления в московском военном госпитале. Я также был в подавленном состоянии из-за того, что задержка могла помешать моему поступлению в Ленинградскую академию.

Светлым пятном для меня в этот мрачный период была Тамара. Мы планировали, что она присоединится ко мне в Ленинграде, когда все утрясется, но когда она услышала о моей болезни, то уволилась с работы и поспешила в Москву. Я всего лишь менее недели находился в госпитале, когда у моей постели появилась моя любовь с улыбками, с бодрящими словами, со цветами и книгами для чтения.

К счастью для моих ограниченных доходов, у Тамары было несколько родственников в Москве. Во время моей госпитализации она стояла у сестры, Анны, которая была замужем за Зинаидом, для нас Зияма, Гуральника, блестящего профессора по экономике в плехановском институте. Он также был евреем. Это была очень счастливая пара, живущая в любви и согласии. Когда они обручились, у них не было достаточно денег, и Зяма работал ночами в течение месяцев, рисуя знаки и плакаты для рекламы, чтобы заработать на небольшую квартиру. Пылкий член партии, он был человек жуткой энергии для своего крошечного роста в 1 м 40 см.

Я впервые встретился с это парой, когда учился на курсах на Ленинских горах. Их членство в партии находилось под сильным вопросом во время тогдашнего моего визита, который совпал со временем суда над так называемой контрреволюционной меньшевистской организацией. То был предварительным шагом перед крупными чистками в середине тридцатых годов и после, и был нацелен на интеллектуалов, в основном, на писателей и ключевых экономистов. Протестуя против этого, поэт Владимир Маяковский в 1930 году повесился в своей квартире, находящейся этажом выше квартиры Анны и Зиямы.

Естественно, оба они были расстроены, когда я приехал к ним. Зияма шагал по квартире, бормоча свое, и Анна плакала. Неуклюже, я спросил, чем мог бы я им помочь.

«Помочь?», закричал Зияма, «как вы можете помочь? Этот грузин, не довольствуясь тем, что стал диктатором, хочет уничтожить всю интеллигенцию. Он хочет уничтожить всех писателей. Он хочет уничтожить экономистов. Вы являетесь солдатом, которого мало заботит политика или экономика. Однако, я скажу вам, что Сталин собирается разрушить всю экономику. Неграмотные члены партии, и они большинство, его поддерживают. Мы сейчас в очень большой беде, в очень большой». Эта вспышка гнева шокировала меня и она была примером того, как опечалены были эти двое.

Мои тревоги стали серьезными. Я ездил на Ленинские горы несколько раз, чтобы видиться с директором Лямбергом, чтобы заручиться его поддержкой для поступления в Ленинградскую академию. Он облегчил мои страхи и дал мне записку к начальнику Ленинградской военной разведки с разъяснениями моих трудностей, связанных с задержкой из-за болезни.

Через два дня, почти буквально схватив эту записку у Лямберга, Тамара и я поспешили на поезд в Ленинград. У нее здесь также были родственники. Двое из них работали по издательскому делу и имели хорошо меблированные квартиры, чтобы мы могли там остановиться. Затем я начал стучать в двери Военной Электротехнической Академии.

Я потратил целый месяц, чтобы встретиться с командиром академии или кого-либо из его заместителей, кто мог бы разрешить вопрос о моем поступлении, но совершенно бесполезно. Мне сказали, что я слишком сильно опоздал на этот год.

Довольно отчаявшись, наконец, я решил использовать записку Лямберга и отправился в военную разведку. Дежурный генерал посадил меня на свою машину и повез в академию. Почему, он спросил по дороге, я так долго ждал, чтобы просить о помощи. Потому, я сказал, что хотел поступить без всякой посторонней помощи. Он проговорил что-то об «упрямом татарине», но это не остановило его от дачи хороших рекомендаций для приема, когда мы встретились с начальником академии.

С таким вмешательством мои заботы закончились как по взмаху волшебной палочкой. Я, конечно, должен был сдать экзамены, но поскольку я сильно поработал во время своих унылых периодов на ленинканском ПРП, то сдал их с хорошими отметками.

Став курсантом, я получил жилье в старом доме для других курсантов и их семей в районе Смольного. Бедная Тамара. Это жилье было настоящей хибарой по сравнению с нашей прекрасной квартирой в Тбилиси. Все наши четыре года в академии мы прожили в этом ветхом здании из красного кирпича. Это была четырехэтажная постройка. Длинный коридор тянулся вдоль ряда дверей пяти одинаковых комнат по двум его сторонам. Все комнаты были не больше чем 13 квадратных метров. В одном конце коридора находилась лестница, на другом располагались кухня и две моечные комнаты, в которых было десяток туалетов и две ванной.

Наша комната имела дверь и одно окно. Здесь не было места для гардероба. Запасную одежду мы держали в ящике, но, будучи бездетными, мы не были упакованы, как другие жильцы, которые имели двух или трех малышей. Стены были толщиной в бумагу и мы слышали все споры и семейные драки на нашем этаже. Мы не только спали и ели в этой маленькой комнате, но здесь я часто сидел за уроками до поздней ночи. Во время этих долгих ночных занятий, Тамара, благослови ее бог, всегда сидела с книгой в руках, чтобы составить мне компанию и показать, что моя лампа ей совершенно не мешает. Это была та кухня, за которую я действительно сочувствовал моей Тамаре и другим девяти женам нашего этажа. Для каждого раз питания здесь находились десять женщин, подкачивающие свои примусы, ставящие на них свои кастрюли и сковородки одну за другой, спешащие в свои комнаты с едой и затем обратно с грязными тарелками для мытья. И смежные общественные моечные были единственным местом для женщин, чтобы стирать. Сушка, когда позволяла погода, находилась на веревках во дворе внизу; иначе, мокрое белье должно было висеть в комнатах.

Покупки также были тяжелой работой для жен. Тем не менее, мы были в гораздо лучшем положении, чем гражданские. Мы имели сравнительно неплохие военные интендантства, которые в противоположность к гражданским магазинам, никогда не оставались без основных продуктов, но там все еще женщины должны были проводить часы для получения еженедельных рационов. Когда они стояли в этих очередях, то получали едкие замечания от прохожих граждан, которые завидовали тем, кому было дано такое обеспечение. Мы получали также противные затрещины от гражданских в общественных банях. В них были специальные очереди, однако, занимало, по меньшей мере, четыре часа времени стояние в ней лишь в одном халате и, часто дрожа от холода, пока мы добрались до места мытья. В результате, мы мылись лишь один раз в десять дней и, таким образом, для многих считались чрезвычайно чистыми.

Мое расписание дня состояло из поездки в академию и обратно на трамвае, которая занимала час двадцать минут и часто больше. Тем не менее, я все это воспринимал счастливо, также как и Тамара, которая разделяла со мной все мои заботы. Я был вне разведки, надеялся, навсегда. Я имел возможность улучшить мою квалификацию и знания в выбранной мной области связи. И опять я благодарю Тамару за ее обслуживающую работу, которая так помогла мне. Она делала эту нудную работу в течение трех лет. В последний год моей учебы она получила работу в качестве каталогиста в публичной библиотеке и тратила свой заработок на почасовую служанку.

Эти четыре года открыли мне новые перспективы. Схоластически и технически, академия была превосходным институтом. Первый год, в основном, мы потратили на математический анализ и высшую математику, и специализированные предметы в области электричества и радио. Второй год был сосредоточен на более совершенной математике и физике, на интегральных и дифференциальных уравнениях; третий год ушел на векторный анализ, матрицы и теорию относительности. Четвертый год мы специализировались на усовершенствованной химии и физике, включая изучение структуры атома. В последние годы учебы, перед выпуском в качестве капитана, я был отправлен в радиофабрику для прохождения практики в цехах. Разумеется, мы также изучали электрический ток, электрические моторы, радиотехнику, радиоконтроль, также и конструирование радиооборудования. В фабрике, для моего выпускного проекта, я должен был сконструировать радиооборудование, которое могло быть использовано пехотой.

Эта работа плюс домашняя подготовка занимали мое время так, что я не имел возможности для интересов за пределами академии. В начале я вообще был изолирован за стенами академии. Однако, это не значит, что я был полностью оторван и не имел никаких забот по поводу того, что происходило во внешнем мире. Мои товарищи из многих частей страны узнавали из писем, присланных из дома, о дальнейших страданиях, вызванных коллективизацией, и о некоторых местных подробностях большого голода 1932-1933 годов. Мы обсуждали эту информацию среди курсантов и на партийных собраниях, но с большими оговорками.

Позднее в 1934 году, однако, мы были выброшены из своей почти монашеской уединенности и на короткое время были вынуждены участвовать в главных политических делах. 1 декабря Ленинград, на самом деле, весь Советский Союз, был потрясен до основания убийством одного из наиболее сильных людей, члена Политбюро, Сергея М. Кирова, первого секретаря Ленинградской партийной организации, фаворита и верного помощника Сталина, действительно хорошего коммуниста и талантливого человека, на которого возлагались большие надежды по индустриализации.

Хотя и младший офицер, никто в партии, я также был глубоко потрясен. Почти десять лет назад, это был Киров, тогда первый секретарь Азербайджанской Коммунистической партии, который сделал мне возможным через моего друга Янбулата поступить в Ленинградскую Сигнальную Школу и который, таким образом, был ответственным за начало моей военной карьеры. И почти за несколько месяцев до его смерти я видел его вновь в Ленинграде, и он сказал слово, признающее меня. Мы встретились на выставке живописи Красной Армии, где я был назначен в качестве гида для руководящих партийных деятелей.

Официально, убийца, говорили, был Леонид Николаев, чья жена была секретаршей Кирова. На партийных собраниях, однако, нам говорили, что настоящая вина падает на троцкистов. Главным преступником, говорили, был ветеран-большевик и член Политбюро Григорий Зиновьев, который ранее как настоящий диктатор Ленинграда, устроил террор с произвольными и массовыми казнями своих оппонентов. Из-за этого его кровавого прошлого, также и из-за его близких связей с Троцким, перед тем, как последний бежал из страны, Сталин заменил его Кировым.

Сталин очень жестоко реагировал на убийство своего любимого человека. Сотни старорежимных людей, уцелевших к тому времени и ничего не имевших с этим убийством, были казнены в Ленинграде. В то же самое время, конечно, Зиновьев и его сторонники были изолированы и арестованы. Никто не знал это тогда, наверняка, но убийство Кирова стало толчком для настоящих крупных чисток в середине тридцатых годов и позднее. Зиновьев был одним из первых известных старых большевиков, кто был отправлен в тюрьму. Два года позднее он был также одним из первых, который был казнен после начала массовых показательных процессов.

Сталин не оставил ни малейшего сомнения о важности, которую он придавал к убийству. Он сам отправился в Ленинград для участия в почетных похоронах Кирова, в которых приняли участие по приказу я и тысячи других военных офицеров и курсантов.

В день убийства Кирова в своем кабинете, его тело лежало на ложе и члены моей академии, в самом деле, рядовые почти всех других военных и гражданских организаций в Ленинграде, провели часы в шестви, чтобы пройти мимо тела убитого.

На следующий день Сталин прибыл в Ленинград, чтобы проводить тело Кирова в Москву для его захоронения на Кремлевской стене. Больше пяти часов перед его прибытием моя академия маршировала на место отправления тела, по пути длиной почти 13 километров, начиная со здания бывшей Думы, где лежал Киров на ложе, на проспект Володарского, затем на Невский проспект и до железнодорожной станции. Моя академия была лишь малой частью тысяч военных и гражданских, которые шли по этим улицам, число которых могло сравниться лишь с числом на ежегодных празднествах Октябрьской революции. Войска и курсанты из каждой академии и школы, весь Ленинградский гарнизон, пехота, артиллерия, бронетанковые войска, авиация, флот, отряды из каждой фабрики и административного органа, все были здесь собраны.

Мы и остальные несли оружия, солдаты свои винтовки. Однако, перед выходом на маршрут каждый персонально, включая офицеров, был проверен политкомиссарами на отсутствие патронов. Военные были построены перед гражданскими, но перед военными по обеим сторонам улиц находились внутренние войска НКВД (другой предшественник КГБ). Перед ними, в свою очередь, находились штурмовые подразделения пограничников НКВД. Только им было доверено нести оружие с патронами. Поскольку зимние дни в Ленинграде коротки, темнота наступила скоро после того, как мы собрались. Обычно уличные фонари и освещения на зданиях включаются в это время. Однако, по этому случаю весь маршрут поддерживался в темноте. Единственное освещение шло из красных и зеленых прожекторов, сооруженных на крышах зданий, которые проливали мрачные полосы света и создавали тени, когда они двигались туда и обратно по проспектам. Временами такие полосы света освещали пограничников НКВД на крышах зданий с пулеметами, демонстрируя также их полные ленты. Наконец, в этих лучах прожекторов прошел кортеж. Гроб Кирова, покрытый красным флагом Советского Союза, лежал на артиллерийской повозке, возимой черными конями. Следующим, в нескольких шагах от него шел Сталин, без шапки, его усы свисали больше, чем обычно изображали на официальных фотографиях, в коричневом военном пальто и черных сапогах. Его вид был участника похорон, определенно, не человека, который намеренно убил своего фаворита с целью устранения своих противников, как позднее он обвинялся на партийных съездах, последовавших после его смерти. Остальная похоронная процессия, шагая немного позади Сталина, состояла из членов Политбюро, отборных членов центрального комитета и офицеров высокого ранга армии и сил безопасности. Скоро после этой крупной похоронной процессии, начались чистки по настоящему. Сначала последовали аресты людей из НКВД, затем членов партии, затем военных командиров в долгом и страшном ходе репрессий, затрагивая тысяч и тысяч, главным образом, невинных людей, создав обширный сдвиг личного состава, который не закончился до начала Второй мировой войны. Трудовые лагеря для заключенных получили широкий размах. Пытки подозреваемых стали законными. Смертная казнь была также восстановлена, хотя многие арестованные умирали уже в казематах Лубянки и других тюрем без всяких формальностей. Многие смерти объявлялись самоубийствами, так, например, смерть Михаила Томского, руководителя профсоюзов, и Всеволода Мейерхольда, режиссера. Многие, которые «умерли», как Максим Горький, вероятно, были отравлены, и Сергей Куйбышев, говорили, был умерщвлен. И при таком терроре получила большое распространение практика обвинения людей как «шпионов», «врагов народов», в особенности, для иностранцев. Клика, ответственная за это, организовала и оркестровала возрождение той страшной русской черни, которая является наследниками тех, кто участвовал в погромах, и которая теперь отличалась со своими нечеловеческими выкриками «покончить с ними» по адресу невинных, приведенных в залы судов.

Это было жуткое время. Я пытался погрузиться в книги и лаборатории, но каждый вынужден был принимать участие в этом процессе, если он хотел выжить. Система чисток была наиболее губительной и неизбежной. Смерть была единственным выходом, чтобы избежать их. Питая отвращение, как член партии, я должен был также участвовать в этом процессе.

Это был предписанный метод: где-то в верхах партийного эшелона было решено, чтобы чистка затронула 50 процентов членов партии. Приказы по квотам для обвинения и уничтожения спускались к нижним эшелонам, затем еще ниже, в партийные ячейки, во все другие организации, военные и гражданские. По рецепту приказов, отдельные партийные подразделения собирались для определения нужных обвинений против кандидатов на изгнание.

Мое знание в этой жуткой области ограничено лишь операциями по чистке в пределах своего военного подразделения. У нас ставились вопросы, в основном, такого типа. Справлялся ли кандидат достаточно

со своими обязанностями? Был ли он когда-либо за пределами страны и по какому делу? Каково его происхождение? Были ли его жена или родственники связаны со старым режимом? С религией? С купцами? С интеллигенцией? Критиковал ли когда-либо генеральную линию партии? Стоял ли он на стороне Троцкого, Зиновьева, Бухарина? Критиковал ли он Сталина? Был ли замечен в пьянке, в сексуальном отклонении?

Абсолютно все подробнейшим образом проверялось у кандидатов, поскольку они обычно были из высшего персонала. Затем их звали на закрытое заседание, ставили на сцену и спрашивали: «Ты сделал то и то, что еще сделал?» Бедная жертва отрицала некоторые обвинения, может быть, все, но некоторые из них признавал. Это уже было более чем достаточно. Их дела направлялись в НКВД и их арестовывали, одного за другим. Обычно, НКВД брал их в полночь и сажал в черные автомобили прямо из их домов или квартир. Затем, на следующий день, объявляли, что такой-то инженер или командир арестован как «враг народа» или «шпион». Иногда ограничивались объявлением, что они «предатели».

Многих казнили без промедления. Многих отправляли в трудовые лагеря, где смерть, приходила к ним медленно, но, в конечном счете, делала свое дело. Все их имущество, как бы оно не было малым, конфисковалось; их семей изгоняли из их домов и квартир, их имена клеймил позором бесчестия.

Таким образом, в моей академии, партийная ячейка, членом которой я состоял, «вычистила» командира академии, четырехзвездного генерала Полицука; моих одноклассников Клингера, Мейера и Шульмана (все они имели иностранное происхождение); многих и многих других отправила в забвение. Я благодарю бога за то, что Тамара была со мной в эти ужасные времена. Иначе, уверен, я потерял бы контроль над собой. Когда я не мог себя сдерживать после таких мерзких собраний, она брала мои руки в свои и успокаивала меня. Лишь затем она говорила. Она говорила, очень мягко: «Исмаил, я ужасно, ужасно сочувствую тебе. Мы живем в жестокое время среди жестоких людей. Мой народ однажды погибал в погромах этих людей. Ты и я не собираемся умирать. Мы собираемся выжить. Все время не может быть так плохо, даже здесь». Спасибо тебе, Тамара, спасибо.

Так шла жизнь. В 1936 году, в мой последний год в академии, я подал заявление в адъютантуру электротехнического и радиоконтрольного исследовательского отдела Сигнального Научно-исследовательского Института в Москве. Моей целью было стать первоклассным исследователем инженером, проводить время в лаборатории и в области, чтобы читать, думать, конструировать, испытывать и находить решения для многих проблем для армейской связи.

Мое заявление было удовлетворено, не думаю, только из-за моего прохождения через чистку, хотя это тоже должно было быть учтено. Тамара и я надеялись, что наши ассоциации с этим террором закончатся с нашим переездом в Москву в августе 1936 года.

На некоторое время эта надежды оправдались. Нам дали комфортабельную двухкомнатную квартиру с кухней и ванной. Тамара опять возобновила свои связи со своей сестрой и другими родственниками и друзьями. Она вновь нашла свой мир музыки, театра и оперы и была счастливой. Она не работала, ограничивалась поддержанием порядка в квартире. Моя зарплата была достаточной.

Я тоже был очень счастлив в институте, обрадованный возможностью иметь целых два года, как я верил, для чистой исследовательской работы. Здесь надо было еще многое делать. Имеющиеся в наличии модели передвижных радиостанций Советской Армии были устаревшими, их размеры были огромными, их вес ужасным, их диапазон был весьма ограничен, их частоты были длинными, их вещающие системы были мешковатыми, их лампы и составляющие компоненты нуждались в модернизации. Настало время для переоценки всей области военной радиосвязи, для перестройки все сети армейских радиостанций, начиная с тех, которые были в штабах фронтов и армий, и кончая теми, которыми пользовались в батальонах, ротах и в отдельных танках. Времени было в обрез. Германия становилась все сильнее и сильнее. Гитлер уже заключил пакт с Японией, пакт, который был направлен против Советского Союза. Лишь наивный верил, что конфронтация с Германией слишком далека. Я был слишком наивным, думая, что одно лишь передвижение из Ленинградской академии в Московский институт избавит меня от всех забот по чистке. В течение нескольких месяцев после моего приезда в институт я внезапно сделался исполняющим обязанностей начальника отдела. Мне, относительно молодому и неопытному инженеру-капитану, был дан пост, на который обычно назначался полковник.

Причина моего молниеносного возвышения на эту должность, которую я не заслужил и не заработал, была проста. Чистка, хотя поздняя, по сравнению с ленинградской, начала править бал в институте. Когда я приехал, в Москве шли первые крупные показательные процессы по делу Зиновьева и многих других десятков людей, которых обвиняли в попытке убить Сталина. Когда многих из них вынесли приговоры и казнили, я питал иллюзии, веря, что буря миновала военных и политиков. Я не мог быть настолько не прав.

Первым, с кем расправились в институте, был заместитель директора, инженер-генерал. Следующим в списке были начальники отделов, включая полковника, который был руководителем радиофакультета в Ленинградской академии. Наконец, инженер-полковник Кузнецов, начальник моего отдела, присоединился к этому списку. Вот это и было причиной моего «достижения» в деле продвижения. Одновременно с назначением начальником отдела, мне дали новое жилище, прекрасную трехкомнатную квартиру, опять с кухней и ванной, которые были роскошью, предназначенной для немногих в те времена в Советском Союзе.

Однако, в связи с этим были и свои проблемы. Главным из них было то, что это была квартира начальника института до его «чистки». В результате, одну из трех комнат все еще занимали его жена и

двое малых детей, мальчик и девочка. Им было просто некуда идти. Жена бывшего начальника была расстроена. Мы также. В противоположность ко многим другим в ее положении, она была верной женой, которая не присоединилась к обличениям своего мужа, а защищала его, многократно заверяла нас и других, хотя и тихо, что он не виновен. Она работала долгие часы как продавщица в государственном магазине, чтобы кормить и одевать своих детей. Когда дети пошли в школу, то там их другие дети подвергли к высмеиванию. Тамара была хорошей женщиной тоже. Вместо того, чтобы возражать против несчастных или попытаться их выселить, как это делали многие, она старалась, чтобы те чувствовали себя, как можно, уютно. Для нее все это означало не только потерю комнаты, но и разделение вместе с ними кухни и ванной.

Какой бы чудесной не была Тамара, тем не менее, она не была образцом совершенства. У нее также были свои ошибки, хотя и небольшие. Она была очень ревнива по поводу моего внимания к другим и в Москве, это причинило нам обоим немного проблему. Причиной служило мое восхищение Люцией, очаровательной шестилетней дочерью Анны и Зиямы. Когда бы я не гладил по голове Люцию, не давал бы ей конфету или ласково разговаривал с ней, Тамара накидывалась на меня. Медленно, однако, до меня дошло, что корнем этого поступка была печаль, вызванная невозможностью иметь своих детей. Тамара была моей истинной любовью, так что я умерил мой характер, чтобы не демонстрировать мое очарование этой маленькой девочкой, если даже это стоило усилий.

Между тем в институте у меня работы было вдоволь. Началась гражданская война в Испании, и поступили плохие новости об антеннах на танках, которых мы отправили к правительственным войскам. Такие же плохие новости поступили с маньчжурской границы, где наши войска вступали в стычки с японцами.

Советские танки того времени были экипированы кольцевыми антеннами, представляющими собой медную ленту, обматывающую орудийную башню. В боевых условиях, в которых впервые оказалась Красная Армия, этот тип антенны не только оказался слабым для передачи и принятия сообщений, но был также уязвим против огня противника.

Моей задачей было исправить эту ошибку, модифицировать оборудование. В течение нескольких месяцев, после многих модельных испытаний, мы смогли найти решение. Мы заменили кольца с обмотанными антеннами на тип пружинистых антенн, который в конечном счете был использован всеми странами, вовлеченными во Вторую мировую войну.

Испания и Дальний Восток также показали наши недостатки в области радиооборудования для пехоты. Мои коллеги и я всегда знали об этой слабости, но потребовались боевые условия, чтобы установить их в качестве факта для доведения до сведения высших эшелонов так, чтобы были предприняты соответствующие изменения.

Это была намного сложная комплексная работа, чем танковые антенны, включая весь спектр, начиная с длинных волн до высоких частот, и, тем самым, включая замену оборудования и перестройку заводов-производителей. Основной проблемой было то, что наши специалисты долгое время добивались: миниатюризация. Мы должны были разработать установки достаточно малыми, достаточно легкими и достаточно устойчивыми для использования не только в дивизиях, полках и батальонах, но также и на уровне роты.

Для меня это означало месяцев и месяцев переговоров с промышленными предприятиями, разработку и испытание пилотных моделей, которые впоследствии шли на серийное производство. В тоже самое время я должен был тратить больше времени и обсуждений для определения и установления правильных длин в коротковолновой области, также, как и надлежащие источники тока для индивидуальных устройств для всех подразделений армии, начиная с верховного командования и, кончая ротами.

В течение моей работы в институте я болезненно осознал свои недостатки. Было прекрасно быть специалистом первого класса, компетентным технарем. Тем не менее, я был офицером, и моей работой была служба в вооруженных силах. Поэтому я нуждался в реальном знании армии, ее нужд и проблем на всех уровнях. Единственным местом для получения этих знаний в Советской Армии была Академия Генерального штаба в Москве. Уже до окончания двух лет работы в институте я подал заявление для поступления в эту высшую школу.

Так же, как и в Ленинградской Военной Электротехнической Академии, все, чего я хотел в исследовательском институте, это было втянуться в работу, которая была единственным средством держать мои мысли в стороне от чисток, шедших полным ходом. Увы, оказалось, что полностью оторваться от политики не только трудно, но и невозможно. Нашим политкомиссаром был некто иной, как бывший мой сокурсник в Ленинграде, так же, как и его заместитель. Я их знал, как плохих курсантов. Тем не менее, это обстоятельство не отразилось на их карьерах. Они поддерживали каждое слово Сталина и его чистки. Чтобы перетянуть меня и моих коллег на свою сторону, они говорили нам, что мы являемся элитой, сливками страны, что армия зависит от нас и что чистки являются временным явлением.

Было тошно слушать эту смесь лести и лжи по поводу чисток в их полном размахе. Старые большевики, другие ветераны партии с прекрасным прошлым, блестящие инженеры, экономисты, агрономы, армейские офицеры, промышленники, интеллектуалы, целый диапазон общества, отправлялись на смерть, бесчестие и в трудовые концентрационные лагеря. Даже простой дурак знал, что эти тысячи не были «предателями», «врагами народа» или «шпионами».

Мы, младшие офицеры, знали, лично, нам опасность не грозит. Нам говорили, что мы являемся исключением, что мы были возвращены для командования в будущем. Не я ли был продвинут на пост, который был не для моего звания? Тем не менее, эти произвольные уничтожения наших руководителей были опустошающими для морали. Не могли ли мы, невинные, в один прекрасный день также быть осужденными и расстрелянными? Для того, чтобы выжить, однако, и я краснею говорить это, мы стали стойкими к ужасу; волны арестов стали такими же привычными, как распорядок дня.

Особенным ударом для нас, молодых офицеров, в то время было закрытый процесс 1937 года в Верховном Военном Суде над Михаилом Николаевичем Тухачевским, нашим великим героем революции, и над семью другими высшими командирами Красной Армии. Портрет Тухачевского висел в залах моей курсантской школы, в залах Ленинградской академии. Подобные почести оказывались ему в институте до следующего дня после суда. Это был портрет, очаровавший нас, юношей и изображающий его не в военной форме его ранга, а играющим на скрипке, по части которой он был почти виртуозом. Он был нашим идолом. Мы были готовы сражаться до смерти под его командованием. Тем не менее, он был обесчещен, как сообщала газета *Известия*, обвинен в предательстве, имевший, якобы, связи с немцами, затем приговорен к смерти и расстрелян.

Позднее, мы стали свидетелями, даже с некоторым удовольствием, как несколько членов этого же верховного суда, в свою очередь, были обвинены в таких же грехах и казнены. Одним из них, в котором я видел личный интерес, был Н.Д. Каширин, когда-то командир красной кавалерии, который годами ранее преследовал генерала Дутова, вынудив, мою семью и меня бежать из Орска.

В 1938 году, почти сразу, как я был принят в качестве курсанта Академии Генштаба, начался крупнейший процесс против «антисоветского, правого, троцкистского блока». Основными обвиняемыми из девяти человек были Николай Бухарин, бывший редактор *Правды*, и Генрих Григорьевич Ягода, один из наиболее зверских начальников государственной безопасности. К тому времени я даже больше стал устойчивым к этим делам. Мой единственный интерес вызвал тот факт, что обвиняемые были принуждены признаться в своих грехах прежде, чем они были приговорены и расстреляны.

Учеба в Академии Генштаба была интересной, вызывающей и весьма требовательной. Предметами были основы, но исчерпывающие, тактики, операционное искусство, стратегия и работа генерального штаба. Здесь было много чтения о прошедших великих битвах и также мелких, но важных сражениях, а также о возможных великих битвах будущего. Здесь были тысячи карт для изучения и десятки за десятками лекции, на которых мы должны были присутствовать. Я фанатически бросился на эту работу со всем моим воодушевлением, чувствуя, что я нашел себя, и это было мое настоящее место. И Гитлер, проглотивший Австрию, затем выступивший против Чехословакии, а также патриотизм покрасили мои мысли и усилия. Я костями чувствовал, что нацистская Германия через некоторое время выступит против нас и я хотел быть полностью способным служить моей стране.

Я принимаю также, что мое поведение, возможно, было механизмом бегства. Самоотверженность, подобная этой, подсознательно помогла мне преодолеть мои отвращения к чисткам. Однако, ужас был слишком широко распространен, чтобы я мог его полностью преодолеть.

К концу 1938 года, идя по улице Горького, я встретился с высоким человеком, которого я едва смог признать. Было ужасно его видеть. Его щеки обвисли и были мертвенно бледны. Его глаза глядели пронзительно и почти беспомощно. Он был тощим и голодающим человеком. Он прихрамывал, и одна рука казалась искалеченной. Он заговорил первым. «Здравствуй, товарищ Ахмедов», он квакнул, «не помните меня?» Да, я узнал его голос, даже с кваканьем. Он принадлежал полковнику Габерману, награжденному многими орденами героя гражданской войны, когда-то секретарю партийного бюро Ленинградской академии.

Он подошел ко мне ближе, сказал, будто в спешке, что был арестован, избит, подвергнут пыткам, затем сослан в концентрационный лагерь, позднее освобожден и «реабилитирован».

«И что сейчас?», спросил он. «Я не гожусь ни для чего, даже для моей жены. Будь они прокляты, прокляты на веки». Затем он добавил: «Однако, я должен покинуть вас. Я опасен. Я как вирус» и пошаркал прочь. То была моя последняя и наиболее жуткая связь с чисткой. Ее результатом была моя еще более сильная работа в Академии, равносильная отчаянию. Через год, однако, с началом Второй мировой войны и после того, как Гитлер разбил Польшу, мои теоретические занятия внезапно были отменены.

В середине ноября 1939 года Академия Генерального штаба приостановила свои операции. Мне, всем моим коллегам - курсантам, всем моим преподавателям было приказано отбыть немедленно в ленинградские штаб-квартиры. Нам не дали дальнейших инструкций, мы знали лишь то, что Советский Союз держал курс против финских пограничных укреплений около Ленинграда. Нашими распорядками были полевые распорядки и Тамара и жены всех других, семьи остались дома.

ВОЙНА

По-видимому, в отмене занятий в Академии Генштаба в середине ноября был обдуманый элемент драмы. Это было время после обеда, и мы находились в классе карт. Без стука, вошел дежурный и что-то прошептал нашему преподавателю. Класс был отменен без промедления и нам всем приказали собраться в конференц-зале, построеными в шеренгах по два. На дверях, вооруженные часовые отмечали на листах наши имена. После того, как были проверены другие классы, вошел начальник

академии и поднялся на трибуну в сопровождении своего комиссара и начальника штаба. Быстро и резко наш начальник говорил нам, что по совершенно секретному приказу начальника Генерального Штаба Красной Армии нам следует отбыть в штаб Ленинградского военного округа «для выполнения особых задач нашей партии и правительства». Он затем дал нам четыре часа на сборы и приказал прибыть на специальный поезд, направляющийся в Ленинград.

На следующее утро мы прибыли в бывшую столицу и были расквартированы в офицерской гостинице. Мы не были заточены в номерах, однако, нам не выдавали никаких увольнительных на срок, более чем шесть часов, и тем более на ночь.

Здесь мы прождали десять дней. Мы использовали увольнительные для повторного ознакомления с городом, поездки вдоль Невы и посещения старых друзей.

Среди нас был курсант, энергичный, почти сорвиголова, полковник, который служил в операционном отделе Ленинградского военного округа перед поступлением в Академию Генштаба. Он был профессионал, награжденный орденом Красного Знамени за героизм во время гражданской войны, и затем закончил Военную Академию им. Фрунзе. Хотя и коммунист, он был очень откровенный, и потому его могло понести. Он потчевал нас слухами о скандалах с заслуженными советскими генералами. Среди них был рассказ о том, как маршал Семен Буденный убил свою жену, прекрасную балерину, обвинив ее в шпионаже в пользу Германии.

После обеда 26 ноября 1939 года этот полковник возвратился в гостиницу после посещения старых друзей в военном округе. Довольно взволнованный, он подошел ко мне и нескольким курсантам в вестибюле и сказал: «Так, товарищи, согласно приказу из Москвы наша собственная артиллерия открыла огонь по нашим войскам на Карельском перешейке. Завтра начинается война, и этим вечером мы все отправляемся в войска. «Протест» финнам, обвиняющий их в артиллерийском обстреле, уже доставлен. Не смешно ли?»

Его информация о нашем отбытии, в действительности, была весьма точна. В ту ночь мы все получили приказы об отбытии в свои соединения, что мы немедленно сделали. Позднее я видел секретные сообщения, подтверждающие, что Советы, а не финны совершили артобстрел. Инцидент произошел около шоссе Вилпури в советской деревне Майнила, которую отделяла от финского поселения Тамисспени малая река Сестра. Этот шквал снарядов прекратился также скоро, как он начался. Было произведено семь артиллерийских залпов. Четыре солдата Красной Армии было убито, девять ранено. Ранним утром следующего дня я прибыл в штаб Седьмой Армии, севернее озера Ладога и около 300 километров к северу от Ленинграда. Произведенный в звание майора, я должен был быть сигнальным офицером.

Лишь после того, как я в штабе ознакомился с картами, узнал, насколько подготовка Красной Армии была обширной и массивной. Отправление нас из Академии Генштаба было лишь пустячным дополнением в последнюю минуту. Сотни тысяч людей, тысячи танков и артиллерийских единиц, огромные груды материала были расположены на позициях вдоль всей финской границы еще за недели до нашего прибытия.

Седьмая Армия была лишь частью общего плана и даже не главной. К северу от нее были три другие армии, Восьмая, Девятая и Десятая и далеко к северу, напротив финского порта на Баренцовом море Петсамо, находился специальный армейский корпус. Несмотря на это расположение войск, это был юг, южнее озера Ладога и до Карельского перешейка по направлению к Вилпури, куда направлялся главный удар. Здесь были сосредоточены и затем усилены, двенадцать стрелковых дивизий, танковый корпус и две отдельных танковых бригад и специальные лыжные батальоны, поддерживаемые воздушными силами и тяжелой артиллерией крепости Кронштадт, также и огнем Красного Флота. Задачей этого скопления войск на юге был прорыв грозных стальных и бетонных укреплений линии Маннергейма, всего в каких-то 30 километрах от Ленинграда. Эти южные войска образовали Ленинградский военный округ и были под личным командованием Сталина.

29 ноября, через два дня после моего прибытия в Седьмую Армию, мы слышали по радио заявление Молотова о том, что наши отношения с Финляндией прерваны в результате инцидента в Майниле. На следующий день началась война, и Красная Армия атаковала по всей финской границе, встречая умелое и решительное сопротивление.

Я практически не видел никакого сражения в секторе Седьмой Армии, поскольку меня перевели почти немедленно после начала военных действий. Армия была под командованием генерала Штерна (затем был уволен), героя Советского Союза за проведение кампании против японцев на маньчжурской границе годом ранее. Начальник его штаба был офицером, ответственным за мой перевод. Он был одним из моих преподавателей в Академии Генштаба и несколько раз благодарил меня за хорошую работу там. Практически он сразу заметил меня в Седьмой Армии и сказал, что я должен делать штабную работу, а не сигнальную.

На следующий день я был отправлен в штаб Девятой Армии в Кеме, на берегу Белого моря, в качестве помощника офицера Г-1. Девятая состояла из двух корпусов, северного, состоящего из Сорок четвертой, Сотой и Шестьдесят третьей дивизий, южного корпуса, состоящего из Пятьдесят четвертой дивизии и Сибирской лыжной бригады; оба корпуса были экипированы артиллерией и танковыми подразделениями. Командующим этой армией был Василий Чуйков, тогда трехзвездный генерал. Его комиссаром, чьи партийные связи сделали его реальным начальником армии, был Лев Мехлис, бывший однажды редактором *Правды* и начальником Политического отдела Красной Армии. Мехлис был четырехзвездным генералом.

Задачей Девятой Армии было наступление через границу в главном направлении на город Суомуссалми и через талию Финляндии на порт Оулу (Улеаборг) на Ботническом заливе и захват этого города, уничтожение финских сил и обороны на своем пути. Граница находилась в 280 километрах восточнее Оулу. Между двумя пунктами лежал трудный рельеф, сильно покрытый лесами, с немногими дорогами, и десятками из тысяч финских озер. Первоначальный приказ на сражение Девятой был подписан Сталиным, уточняющим, что Оулу должен быть взят на «восемнадцатый день» наступления. Даже Чуйков посмеялся над оптимизмом этого приказа.

Мои первые три дня в Кеме прошли на работе с картами, в попытке координировать позиции различных соединений. Это было, в особенности, трудно, поскольку карты Финляндии, которыми нас обеспечила военная разведка, были чрезвычайно плохого качества, показателем неадекватной работы, за что были ответственны, однако, ПРП ы для этого региона.

В полночь третьего дня меня разбудили и вызвали к начальнику штаба. Здесь мне приказали немедленно ехать в наиболее продвинутый вперед батальон Сорок четвертой дивизии, почти к востоку от города Суомуссалми, в каких-то 30 километрах вглубь Финляндии, изучить ситуацию и доложить о ней. Более чем 18-ти тысячная сильная Сорок Четвертая Украинская Стрелковая дивизия состояла не только из украинцев, но и из казахов, азербайджанцев, даже войск из Туркестана. Она рассматривалась как штурмовая, но обученная в степях, она не была знакома с операциями в лесистой местности, не привыкла к жестоким холодам севера. Ее задачей было наступление за Суомуссалми на берегу Кианты Ярви (озера), уже покрытого толстым слоем льда, в качестве поддержки неадекватно экипированной и плохо обученной Сто Шестьдесят Третьей дивизии на правом фланге, попавшей в трудное положение. После получения приказа меня представили к майору Николаеву, выпускнику политшколы. Николаев, который практически не имел военного образования, должен был меня сопровождать в качестве моего комиссара. Для поездки нам дали штабной автомобиль с солдатом-водителем. В качестве оружия мы взяли легкие пулеметы, пистолеты-автоматы и гранаты.

Наш стартовый пункт, Кем, находился что-то в 220 километрах восточнее границы, хотя позднее штаб армии был передвинут в Ухту, которая находилась на одной третьей первоначальной дистанции от Финляндии. Иронически, мы скоро убедились, что карты этой части Советского Союза были точно такими же плохими, как и карты Финляндии. В результате, мы должны были уповать на свою изобретательность и советы, которых могли получать от наступающих соединений Девятой, мимо которых мы проезжали по заснеженным дорогам. Наиболее длинным участком был тот, который шел на Ухту, откуда мы ехали параллельно к границе в южном направлении до тех пор, пока мы не добрались до штаба Сорок четвертой в малом городке Раате, прямо на границе.

Когда мы уехали из Кема той ночью, то некоторые наши коллеги-офицеры пожали нам руки на прощание так, как будто мы больше уже не встретимся. Погода была неприветливой. Была середина декабря, температура стояла около минус 30 градусов по Цельсию, снег лежал от 1 до 2,5 метров по обеим сторонам ледяных колдобин, на которых мы подсакивали и скользили, и сильный режущий ветер дул с севера. От этого холода был лишь один толк. Он образовал такой тяжелый лед на озерах и болотах, так обычных для этих мест, что без всяких проблем по ним могли пройти танки и артиллерия. Это было причиной наступления в такое время года.

К северу от Раате мы перехватили части Сорок четвертой, передвигающихся вперед к штабу и к фронту. Некоторые отдыхали, некоторые были на марше. Я проверил расписание каждого соединения, мимо которого мы проезжали, и когда это было возможно, я говорил с отдельными офицерами и людьми. Некоторые, мимо которых мы проезжали, были довольно молодыми девушками из частей медицинских и сигнальных служб. Никто из этих сотен людей не выглядел даже немного восторженным по поводу войны, как писали партийные газеты, которых мы читали в штабе. Их лица были мрачны, тела были уставшими, их моральный дух был низким. Люди, машины, артиллерия, танки, кони, все двигались к конечному пункту назначения, к Суомуссалми; большинство из них, как это произошло, к краху и смерти.

На одной из стоянок этих войск, солдат, простой украинский крестьянин из Полтавы, спросил меня: «Товарищ командир», сказал он, «скажите мне, почему мы воюем? Разве товарищ Ворошилов не заявил на партийном съезде, что мы не хотим ни пяди земли других и не отдадим ни пяди своей земли? Теперь мы собираемся воевать. За что? Я не понимаю». Николаев не дал мне возможности ответить, прокричал солдату о финской угрозе Ленинграду.

На другой остановке мое отношение привлек солдат средних лет, коновожатый, который имел проблемы с одним из своих животных. Конь был очень упрям и не хотел дальше идти. Тем не менее, вожатый не хотел бить или ругать упрямого животного как это обычно делает мужик. Вместо этого, мужчина был похож на человека, которому было стыдно за непонимание коня, и который старался убедить его идти дальше. Солдат был чисто выбрит, и его лицо выражало человека с другого света. Заинтересованный, я спросил его имя и происхождение. Он объяснил, что перед мобилизацией он был профессором физики в Ленинградском Университете, что по какой-то бюрократической ошибке его сделали вожатым конной повозки. Он улыбнулся и сказал, что у него нет никаких возражений, но я сделал заметку в своем блокноте об этом случае, чтобы можно было что-то предпринять. Когда это я сделал, то, увы, было уже слишком поздно для него.

Около Раате наша машина сломалась и водитель сказал, что потребуется, по меньшей мере, два дня на ее ремонт. Мы прошли несколько километров пешком до ближайшего пункта обслуживания и

реквизировали машину, которая принадлежала комиссару. Он громко протестовал, но ничего не помогло. У нас был приказ армии.

Почти перед наступлением ночи мы добрались до штаба в Раате. Здесь мы провели ночь в единственном жилище, в маленьком доме, заполненном сотней офицеров, пытающихся там сохранить тепло. Лишь удачливые могли сидеть. Другие отдыхали стоя. Все были пьяны. Водка, 250 граммов дневной нормы для офицеров и подобных им людей, была главным пунктом в нашем рационе. И те, кто любил выпивать, могли пить норму тех, кто ее не хотел.

К вечеру вонь от дыма дешевых сигарет и запаха от многих тел в малом пространстве, сделало меня больным. Я отправился на свежий воздух, не заботясь о потере своего места.

Я успел лишь немного прочистить свои легкие, когда услышал, как кто-то проскальзывая в темноте, ругнулся и упал. От удара раздалось два резких взрыва, крик, затем затихло. Я пошел вперед со своим фонарем. На земле лежал мертвый лейтенант с развороченными внутренностями. Падение каким-то образом вызвало детонацию его гранат. Он совсем еще был мальчиком.

Еще более больным, чем тогда, когда я вышел из дома, я прохаживался вокруг, пока меня не остановил часовой. Впереди нас, в нескольких метрах, находились дома финского города. Они были темными, покинутыми, но сначала финны все унесли оттуда. Весь люди ушли, все животные. Улицы и дороги, ведущие из городка, были заминированы. Это была враждебная земля, мертвая, тоже. Поблизе находилось здание финского пограничного поста, также покинутое. На свету от звезд я смог увидеть несколько фигур на земле у двери здания. Они были русскими солдатами и были мертвы, очень мертвы. Часовой рассказал мне, что эти люди пытались стащить радио пограничного поста, проигрыватель и велосипед, оставленный финнами. Все эти призы были затянуты ловушками. Тела солдат были оставлены в знак предупреждения другим.

На заре наступающего дня мы, все трое, покинули Раате в поисках изолированного выдвинутого батальона или авангарда, как мы называем, Сорок Четвертой. Со времени пересечения границы мы ехали медленно и осторожно. Малая скорость была связана с поездкой не по дороге, а по грязной тропе под снегом и льдом. Наша осторожность возникла из информации, что до расположения батальона мы, одни, ехали по вражеской территории. Мы часто останавливались и прокалывали подозрительно выглядявшие кочки на дороге, остерегаясь от мин. Временами, через темноту лесов по обеим сторонам от нас, мы видели краями наших глаз, чем во все, бесшумно продвигающиеся фигуры в белом. В этих краях у нас не было никаких лыжных войск. Это были финны, но они, очевидно, думали, что наша одинокая машина не стоит их забот.

Часто мы проезжали через одиночный труп или группы трупов советских солдат, убитых при наступлении батальона. На этой ужасной войне не было никакой возможности убирать их и хоронить. Глаза некоторых трупов были широко открыты. Они находились точно в том положении, в каком встретили свои смерти. Холод выморозил их до каменной твердости, и они выглядели подобно фигурам музеев ужаса. Один труп стоял строго вертикально в глубоком снегу у дороги, протянув вперед куда-то обе руки. Другой наполовину присел, и его винтовка со штыком все еще находилась в стрелковом положении. Большинство, однако, лежало вниз лицом, с телами, покрытыми замерзшей кровью. Повсюду, за исключением звука от нашего мотора и шума шин, хрустящих в снегу, стояла абсолютная тишина. Временами эта смертельное спокойствие разрывалось внезапными взрывами, некоторые похожие на выстрел из винтовки, другие – на звуки от летящих высокоскоростных снарядов. Сначала мы вздрагивали от непонятных тресков, но потом узнали, что они идут от раскалывания льда на близлежащих озерах или потоках, трески позвучнее шли, когда замерзший сок раскалывал несчастное дерево.

Все было жутко сюрреально. Вспомнились населенные призраками леса из детских сказок. Я очень нервничал, но пытался это скрывать. Я посмотрел на лица Николаева и водителя. Они были пепельными. Догадываюсь, мое лицо выглядело не лучшим образом.

Этот начальный ад закончился после полудня, когда мы добрались до авангарда батальона. Вся экспедиция была в снежных ямах по обеим сторонам дороги. Земля была слишком мерзлой для сооружения настоящих оборонительных позиций. Люди также не могли быть поставлены по обеим сторонам дороги, как это полагается, поскольку лежал глубокий снег, и у них не было ни лыж, ни снежных сапог.

На командном посту батальона, также прямо на дороге, командир рассказал мне, что за день до этого его подразделение попало под сильную атаку финских лыжников. Вот это и обошлось трупами, которых мы видели по дороге. В комбинации с тремя атаками с обеих флангов, сзади и спереди, враг попытался расколоть батальон на части, подобно салями. Батальону удалось удержаться, но он понес тяжелые потери.

Командир сказал, что ему приказали начать наступление на следующее утро. Однако, где, где, он спрашивал, где финны? Где фронт? Где финские фортификации? Финны были повсюду и нигде. С засады на деревьях, они атаковали с пулеметами, затем исчезали в лесах на лыжах и маскахалатах такой же белизны, как и снег. Они исчезали прежде, чем открывался ответный огонь по их позициям. Это сильно расстроило командира. Ему приказали пройти к Суомуссалми, закопаться и ждать остальных частей дивизии. Где дивизия, спрашивал он, и кто охраняет дорогу сзади него? Я сильно сочувствовал ему. Финны прилипли к нему и он не получал никакой обещанной помощи сзади.

Пришел вечер, и затем наступила темнота. Дозоры были удвоены, и был отдан приказ не зажигать никаких костров. Две ночи до этой батальон сильно был наказан, когда его люди зажгли костры для

того, чтобы согреться и приготовить горячую пищу. С вершин деревьев подвергли к пулеметному обстрелу каждый костер, легко различая силуэты людей на снегу.

Люди получили урок по поводу костров, но они были жалкими на холоду, когда я проходил среди них. Некоторые были так напуганы, что не покидали свои позиции, где они закопались, даже для отправления естественных нужд. Все подразделения пропахли запахом отбросов и резким запахом людей, в продолжительное время находящихся в одних и тех же одеждах и давно немытых. Какое жалкое зрелище от славной Красной Армии, подумал я. Хорошие солдаты были низведены до этого состояния, поскольку высшие эшелоны, приправляя политическую поддержку, отправили их на войну без надлежащего оборудования, без адекватных карт, без всякого знания местности, без всякой информации о тактике и обороне противника. Это было преступлением. И это было определено не оккупацией, как было приказано сверху, не уничтожением финнов и их обороны. За исключением этого одного участка дороги, финны держали под своим контролем все, они могли свободно продвигаться практически повсюду. В противоположность к нашим людям, они знали, где находились, что они делали. Я пришел к выводу, что для Девятой Армии потребуется не восемнадцать дней, а по меньшей мере восемьдесят дней только для того, чтобы достичь Оулу.

На следующее утро батальон был поставлен на атакующие позиции. Затем командир созвал совещание. На нем присутствовали командиры рот, офицеры артиллерии, командиры подразделений поддержки. Здесь были также политические офицеры, батальонный комиссар, партийные организаторы, даже редактор батальонной газеты.

Под строгим оком этих политических войск командир начал давать батальону приказ. Наблюдая за ним, я сильно сочувствовал командиру. Если атака будет успешной, то заслуга будет приписана к политикосам, они получают ордена за храбрость. Эти типы носили оружие, но в действительности были весьма плохими солдатами и только из-за своих ошибок могли оказаться на опасных местах. Если атака сорвется и потерпит неудачу, то будет виноват командир и политикосы будут утверждать, как он ошибался, описывая все в деталях. Позднее такая система была изменена, но в то время войсковые командиры не имели никакой свободы действий. Все еще шли чистки. Реальный контроль осуществлялся политическими фанатиками.

«Товарищи командиры и политинструкторы», сказал батальонный командир, «противник закопался спереди нас. Батальон должен наступать на Суомуссалми и закрепиться там в ожидании прибытия главных сил нашей славной дивизии, который будет сосредоточиваться на данной местности. Рота А должна атаковать справа, рота Б – слева. Артиллерия батальона, после предварительной артподготовки по окружающим деревьям, будет поддерживать рот...».

Артподготовка началась. Были обстреляны не только деревья, откуда ранее финны очередями стрелял из пулеметов, но все деревья на виду. Это было бессмысленным и ужасным уничтожением древесины, но командир знал, как и все остальные офицеры этой дивизии, что его войска, привыкшие к открытой местности, боялись леса. Солдаты думали, что каждое дерево является смертельной ловушкой. Бум, бум, раздавались взрывы снарядов, но ни один финн не упал за деревьями.

Только после артподготовки пришла в движение пехота. Она двигалась по дороге. Это тоже было довольно шумно. Вперед, по обоим флангам, назад раздались очереди пулеметов, выстрелы из винтовок, разрывы гранат и уханья минометов, все направленные на воображаемых, но совершенно несуществующих финнов в воображаемых лисьих норках или на вершинах деревьев.

Ни один финн не был убит, ни один не был обнаружен, ни один финн не был взят в плен. Мы ужасно нуждались в информации о противнике. Однако, за всю кампанию, даже после отправки для этой цели сибирских лыжных войск, Девятая Армия никогда не смогла захватить хотя бы одного финна. Один человек был схвачен в финской форме. В качестве крупного дара его сразу доставили в штаб армии, накачали едой и почти утопили в водке. Затем, когда пришло время для его допроса, мы обнаружили, что он вовсе не финн, а весьма новенький шведский доброволец, который решительно ничего не знал. Эта шумная атака продолжалась все утро. В самом деле, она не была атакой, а медленным продвижением на запад с растрачиванием боеприпасов. Время от времени, с флангов и сзади несколько очередей из пулеметов, несколько выстрелов из легких минометов, приходящих с вершин деревьев, достали по колонне. Через считанные минуты финны спрыгивали с деревьев и исчезали, как кудесники, в лесу. В полдень последовал приказ на остановку «атаки». Войска опять начинали жалкий процесс закапывания по сторонам дороги. Они продвинулись на несколько километров вперед по направлению к Суомуссалми.

В этот вечер Николаев, водитель и я начали ехать обратно в Раате. Батальон имел как сигнальный, так и радиоконтакт со штабом дивизии, но они не соответствовали для моей передачи сообщения в армию. Во-первых, мои сообщения были длинными; во-вторых, они не могли отправляться в шифрованном виде. Дивизия имела телетайпное сообщение с Девятой. Мы нервничали, разумеется, на этой обратной дороге, но, в конце концов, обошлись без всяких проблем, ни разу не увидели ни одного финна. Обошлось без приключений, как посещение магазина за углом.

Мы нашли Раате, охваченного активностью. Прибывали главные части Сорок Четвертой, в дополнение к танковой поддержке и большого количества артиллерийских единиц и подразделений обслуживания. Все готовились к выступлению вперед по той же маленькой дороге, на запад. Легкая дорога назад в штаб дивизии меня немного смутило из-за ее простоты. Это и относительно легкое беспокойство, причиненное авангардному батальону, дали мне до своих костей почувствовать, что финны лишь дожидались прибытия главных сил дивизии.

Утром, после отправления моего сообщения в армию, я получил приказ от начальника штаба оставаться с Сорок Четвертой. Нам говорили, что необходима дальнейшая информация для продвижения главных сил. Это означало еще одну поездку по той же дороге.

Перед отъездом из штаба дивизии я видел специальный приказ, только что отданный пехотным командирам. Дивизия подчеркивала, что должны быть предприняты лучшие усилия для обеспечения флангов и тыла, и что подразделения обслуживания должны получить специальную защиту. Этот приказ был правильным, но я не представлял, как он может быть исполнен. Он соответствовал стандартному полевому уставу: войска рекогносцировки и другие патрули должны быть расположены впереди и на флангах, арьергардное охранение следовало организовать на хвосте каждой колонны. Так говорилось в уставе, однако, выполнить эти требования не было никакой возможности. Была лишь одна дорога на запад, но километрами ни единой на ее фланге. Также, без лыж или другого средства было невозможно решить задачу продвижения в лесах со снегом, высотой по плечо. Сибиряки могли бы подойти для этой задачи, но они были назначены в южный корпус.

Вновь мы втроем ехали по дороге к Суомассалми без всякого происшествия. К середине полудня мы достигли КП (командный пункт) наиболее выдвинутого полка или авангарда. В течение секунд после нашего прибытия начался ад. Сверхъестественная тишина внезапно сменилась треском пулеметов с вершин деревьев; треском минометов; и, даже более отдаленно, артиллерийскими снарядами, летящими на наши позиции. Сначала замешательство было жутким. Некоторые люди кричали, некоторые бросались навзничь, некоторые получили ранения, некоторые были убиты сразу. Около меня упал крупный украинец, плача как ребенок от боли из-за раны. Он был ранен в живот. Повсюду были кровь, проклятия и агония.

Затем наши войска оправились от ошеломления и начали отвечать огнем. Каждый стрелял в любую мишень. Однако, это было неэффективно, создавая лишь шум и другое растрачивание впустую боеприпасов. Никто не знал, куда стрелять. Это была ситуация из учебника. Финны контролировали местность.

Пришло сообщение с тыла. Финны отрезали колонну пополам и разрезали по кускам тыловой эшелон. Это была мясорубка. Минутами позднее мы потеряли связь с тылом. Сигнальная линия была отрезана и радиоустановки разрушены.

Наступала темнота, и финский огонь становился сильнее. Наши потери возрастали так быстро, что медики заботились лишь о тяжелораненых. Мертвых, разумеется, оставляли там, где они погибали. (После войны был отправлен специальный корпус в леса для подбора и захоронения 60 000 красноармейцев, уже успевших разложиться из-за весенних оттепелей). Ситуация явно становилась критической.

К счастью, атака в сумерках оказалась последней главной атакой на нас в этот день. С наступлением темноты огонь ослаб, за исключением спорадических выстрелов. Уцелевшие вокруг меня были сильно потрясены и многие сомневались, увидят ли они зарю следующего дня.

В 10 вечера я получил радиосообщение из армии. Нам приказали без промедления возвратиться в Девятую, затем в Ухту. Николаев запротестовал, сказав, что он хочет оставаться с полком и отличиться. Для нашей поездки в Раате было выделено танк Т-34 и два отделения пехоты на двух грузовиках. Когда к нам прибыло сопровождение, то оказалось, невозможно найти Николаева. Он, должно быть, так испугался, что решил не подчиниться приказу. Определенно, я также нервничал, но не до такой степени.

Я покинул полк через час после получения приказа. Танк должен был возглавлять наш маленький конвой, следующий за ним на двух грузовиках. Я ехал на башне танка с пулеметом.

Когда мы выехали, тонкое серебро луны только стала возвышаться на востоке. При его свете и свете от звезд мы могли видеть на расстоянии 100 метров от нас впереди. Часть полка, от которой мы уезжали, была в ужасном положении. Разбросанные повсюду, делающие наш проезд трудным, лежали мертвые люди и сожженные машины тылового эшелона, истребленного в тот вечер.

Мы безопасно проехали около половины расстояния приблизительно в тридцать километров, когда водитель сказал, он уверен, что видит на дороге впереди нас мины. Достаточно уверенно, я установил пять или меньше бугорков, рассыпанных по нашей дороге. Когда я их расстрелял из пулемета, то они один за другим взорвались. С первыми выстрелами несколько людей в белом, финны, спрыгнули с боков дороги и убежали в лес. Я пытался их поразить, но неудачно.

Затем мы отправились дальше. Танк проехал через минное поле благополучно. Тем не менее, первый грузовик, следовавший за нами, был не столько удачлив. Его основание колес было уже чем наша колея и оно ударило мину, в которую я не попал. С грохотом и криками от боли, куски грузовика и тел солдат взлетели в воздух. Я слез с танка и старался немного помочь, приказал мертвых и раненных загрузить на второй грузовик перед тем, как вновь тронуться в путь.

Через несколько километров мы встретились с другим полком, остановившимся на ночь на своем марше по дороге. Я оставил грузовик, нагруженный войсками, ранеными и мертвыми, здесь и продолжил дорогу к Раате на танке без дальнейших происшествий. Отсюда штабная машина доставила меня в Ухту, где я сообщил армии подробности происшедшего и нехватках в Сорок Четвертой.

Что-то через несколько недель, в начале 1940 года, начальник штаба приказал мне сопровождать его в штаб нашего северного корпуса, к которой были приписаны Сорок Четвертая и Сто Шестьдесят Третья дивизии. Нашим пунктом назначения был КП корпуса на восточном берегу Кианта Ярви, в нескольких

километрах к северу от Суомуссалми. Целью поездки было взять корпус и Сто Шестьдесят Третью для направления их операций в поддержку Сорок Четвертой.

Мы никогда не достигли КП и наша задача не была выполнена. Когда мы достигли местности, где предполагалось стоять КП, то обнаружили здесь большой беспорядок. КП был покинут. Корпус был на полном отступлении к озеру, к северу и востоку. Так и было со Сто Шестьдесят Третьей, но для этой дивизии это было больше бегством, чем отступлением. Я, младший офицер, был удивлен, что начальник штаба армии не подозревал, что такой беспорядок был неизбежным.

Он и я также начали отступать.

Наконец, мы установили местоположение штаба корпуса на марше и присоединились к нему в отступлении на озеро, которое последовало после неудачной попытки Сто Шестьдесят Третьей взять Суомуссалми. Я никогда не представлял такое беспорядочное отступление: кони, артиллерия, люди, бегущие в каждом направлении, пытавшихся пересечь границу. Чтобы делать вещи еще хуже, финские самолеты атаковали бегущие соединения. Большие отверстия были взорваны на льду озера, по которому мы продвигались. Много десятков людей и много материала были поглощены холодными водами, открытыми бомбами.

На плохом пути назад я лично встретился с Мехлисом впервые. Он был со штабом корпуса, возможно, в поиске боевых наград подобно мелким комиссарам. Что еще он мог делать здесь, было вне моих представлений. Он был реальным хозяином армии. Он один имел связи, чтобы достать оборудование, снабжение, войска, если это необходимо. Он должен был ехать обратно в Ухту. Там и только там, он мог что-то предпринять по поводу плохой судьбы, которая грозила армии.

Во время отступления Мехлис спросил меня о Сорок Четвертой. Поскольку наши дни, если не часы, возможно, были считанными, я говорил ему довольно прямо. Я сказал ему, как были прекрасны солдаты в той дивизии, но как они не были адекватно подготовлены для боев на данной местности. Я говорил ему о нехватке правильных карт и правильной разведке о противнике. Я говорил ему об отсутствии лыжных войск в нужных местах в нужное время.

Мехлис не реагировал на это, как на дерзкий взрыв, а выслушал меня. И я заужавал его высоко, как человека. Хороший тип еврейского интеллектуала, он имел широкий и высокий лоб и его глаза были большими, посаженными глубоко и он выглядел чрезвычайно интеллигентным человеком. Его манеры были городскими, его голос был низким и модулировал.

Большинство этого разгромленного корпуса и дивизии смогло переправиться через границу без дальнейших серьезных происшествий, хотя вся корпусная артиллерия, половина войск Сто Шестьдесят Третьей и почти все их снаряжение были потеряны.

Через четыре дня наш путь на озеро и через два дня после возвращения в Ухту, мы получили очень плохую весть, что Сорок Четвертая была уничтожена или, как говорило официальное сообщение, «более семисот человек преодолели все трудности» и смогли прийти назад до Раате.

Мехлис назначил комиссию для расследования катастрофы. Он был обязан это делать. Это была его армия и он уже потерял почти один из его двух корпусов.

Я, несомненно, потому, что так говорил искренне на озере, был сделан председателем комиссии. В ней было еще два члена, начальник контрразведки и представитель НКВД разгромленного корпуса; и комиссар при Мехлисе. Как курсант Академии Генштаба, я полагался, что имею технические знания для расследования, в то время как присутствие других двух людей было необходимо для придания веса комиссии.

Мы направились в штаб северного корпуса. Оттуда в штаб Сто Шестьдесят третьей и, наконец, к остаткам уцелевших Сорок Четвертой. Среди уцелевших были командир дивизии генерал Виноградов и его комиссар Гусев.

После опроса десятков людей из трех соединений, мы составили рапорт. Мы перечислили в качестве принципиальных причин катастрофы: отсутствие координации со Сто Шестьдесят Третьей на правом фланге; плохая организация штаба армии; отсутствие необходимого количества пулеметов и другого автоматического оружия; и отсутствие поддержки лыжными войсками. Другими причинами были скудная разведка местности и методов противника; плохие карты, неадекватное обучение - почти все, что мы узнали, изложили в подробных деталях.

Мехлис переправил наш рапорт в военный трибунал, приказав жестоко наказать Виноградов и Гусева, которые никогда не должны быть возвращены на свои посты. Суд состоялся почти по рецепту нашего рапорта. Два человека были найдены виновными в измене и подлежали к смертной казни.

Через день после этого, как председатель комиссии по расследованию, я должен был ехать в Раате, чтобы присутствовать при казни. Генерал и комиссар были поставлены перед расстрельной командой контрразведки (НКВД) и расстреляны. При казни перед ними были поставлены семьсот уцелевших Сорок Четвертой.

Вместе с уцелевшими был никто иной, как мой бывший комиссар Николаев. Он физически и умственно рухнул. Он постоянно плакал, бессвязно бормотал, слепо стрелял по сторонам и скоро был отправлен в психиатрическую больницу. Николаев был одним из многих комиссаров, слишком многих комиссаров, которые смогли прийти до Раате. Наш рапорт отметил, как эти типы срывали свои знаки отличия со своих форм, боясь плена, и затем бежали как обезумевшие животные через леса. Наш рапорт также упоминал, как линейные солдаты стояли и сражались до почти последнего человека, стреляя из-за горок из тел своих павших товарищей.

Этот отчет оказался почти чрезмерным для моей карьеры, почти даже для моей жизни. Мехлис приказал мне составить рапорт в оригинале, снять одну копию, и доставить их только лично ему. Через неделю, после того, как я все выполнил и когда Виноградов и Гусев уже были под землей, пришел приказ спешно явиться в канцелярию Мехлиса. Я нашел его в ужасном бешенстве, запинаясь и почти не контролировавшего себя.

«Вы идиот», вскричал он на меня, «я собираюсь поставить вас перед трибуналом. Я собираюсь вас расстрелять. Незаконно и, может быть, преднамеренно, вы дали копию рапорта по расследованию НКВД. Она, возможно, сейчас в Москве, в руках Берии».

Ай, ай! Я, простой татарин, всего лишь майор, чтобы ввязаться в такое дерьмо! Я буквально затрясся. Я едва мог говорить и смог лишь промямлить, отрицая это. Я не делал того, в чем обвинялся, но я не был ни простаком татаринком, чтобы не понимать, каким оружием против Мехлиса может быть этот рапорт в руках высокопоставленных лиц НКВД, в особенности, при продолжении чисток.

В канцелярии во время этой жуткой встречи присутствовали два корпусных командира и Чуйков. Командир армии выглядел спокойным в то время, как Мехлис кричал и я мямлил в ответ.

Когда я стоял здесь в ожидании падения на меня топора, вмешался Чуйков. Он повернулся к Мехлису и сказал: «Я думаю, Ахмедов говорит правду. В конце концов, НКВД участвовал в расследовании. У них не могло быть проблем для снятия не только одной копии, но столько, сколько им было нужно».

Может быть, Мехлис вспомнил, что он находился в Ухте, а не с корпусом во время его разгрома. Может быть, он был просто приличным человеком, как я полагал. Не знаю почему, но когда Чуйков закончил, то он успокоился. В конце встречи он сказал, что он понял, что случилось, извинился за крик на меня и простил меня.

Несколько времени спустя в письме от Тамары были вырезки из московских газет. Там говорилось, что я, среди многих других, отмечен за храбрость в бою на финском фронте. Только Мехлис мог сделать такое. И, если бы Тамара только знала, на каком уровне состоялся мой бой.

После этого очень личного события, я провел почти месяц спокойно, приводя в порядок мои карты и выполняя свою работу в Г-1. Работа не была слишком расторопной из-за статического положения в северном секторе после разгрома Сорок Четвертой, обескровления Сто Шестьдесят Третьей и потери корпусной артиллерии. Дела не были горячими также у южного корпуса и его Пятьдесят Четвертой дивизии и лыжных войск. В этом секторе если они не наступали, то, по крайней мере, не отступали. Затишье для меня закончилось в начале марта. Мехлис опять вызвал меня в свой офис. На этот раз он на меня не кричал, а улыбался. Может быть, я ему понравился. Он решил посетить Пятьдесят Четвертую дивизию, по всей вероятности, стараясь вновь попытаться заработать орден, и я должен был его сопровождать.

8 марта мы отправились на самолете Мехлиса на КП Пятьдесят Четвертой. На борту были также около пятидесяти офицеров высшего ранга из штаба армии. Среди них я был самым младшим человеком. За исключением каприза Мехлиса плюс факта, что он не любил моего шефа, начальника Г-1, не было никакой причины, чтобы он взял меня с собой на этот полет. Я прохаживался в расположении Пятьдесят Четвертой, но ничего особенного не делал.

12 марта ночью, это была точно в полночь, я находился в комнате телетайпа штаба, просто наблюдая входящие и исходящие сообщения. В ноль часов прозвучал звонок о поступлении срочного сообщения. На ленте я прочитал, что заключено перемирие, и оно вступит в силу в полдень следящего дня, 13 марта. Сообщение было предварено и потом заключено предупреждением, что информация является секретной и предназначается для распространения лишь среди офицеров штаба. Последнее предложение текста было поразительным. Оно гласило: до часа перемирия «не следует беречь ни одного патрона».

Моей первой реакцией, поскольку я был затянут в дела Мехлиса независимо оттого, желаю этого или нет, и поскольку я был взят в Пятьдесят Четвертую с ним, был вопрос, что он делал здесь в это, данное время. Я не думал, что он с его властью не знал даже намека на идущие переговоры о перемирии. Также, было более чем странно, что он в такое время находился вдали от своего штаба.

Я получил ответ на последний вопрос очень скоро. На следующее утро я и его самолет возвратились в Ухту. И в последующие дни, перед тем, как я отправился на штабной машине в штаб Девятой, я узнал, что Мехлиса здесь уже нет и он уже в Москве.

Рано утром последнего дня войны я отправился в КП полка. Командиром был наш человек, татарин, полковник Ибрагимов. Будучи не штабным офицером армии, он не имел никакого понятия о том, что перемирие лишь через несколько часов впереди.

Когда я прибыл туда, то часть этого бедного человека была вовлечена в сильный обмен огнем по своему сектору. Именно финны, а не русские, не жалели патронов.

Скоро перед полуднем ответили финны и наши передние линии пали. За пять минут до полудня они оказались в нескольких метрах от нашего КП.

В точно в это время КП оказался под прямым огнем. Упал полковник, получив пулю в голову. Я держал его в своих руках и перед тем, как он умер, я сказал ему, что он пропустил конца войны.

Точно в полдень, забегали вестовые, крича о прекращении огня, и объявления последовали многократно по радио. Финны, как русские, бросали на землю свои оружия. Все ликовали.

Война закончилась. Лишь позднее мы узнали, что было потеряно: было убито 60 тысяч человек; 200 тысяч было ранено; 10 тысячам ампутировали ступни или ноги из-за обморожения; уважение цивилизованного мира за войну со столь малочисленным соседом, так плохо исполненную, также.

Приобретением был городок Виипури, некоторые фортификации, несколько тысяч квадратных километров лесов, озер и болот; понижение комиссаров и установление реальных, нежели имитационных, званий и рангов в русских вооруженных силах. Последнее было одним, что было учтено, но оно было приобретено такой ужасной ценой.

Эта катастрофическая война закончилась, я возвратился в Москву для возобновления моих занятий в Академии Генштаба, но не надолго. В тот период времени, весной 1940 года Сталин держал свои глаза над границами других малых государств, в надежде захватить какие-то территории, пока Германия и Запад были вовлечены во Вторую мировую войну. Его первым из такого рода усилий был кусок Румынии, с требованием, чтобы она уступила ему свои пограничные провинции Северная Буковина и Бессарабия. Исторически, он имел притязания на Бессарабию, которую Россия аннексировала в начале 19 века в войне с Османской империей, однако, он не имел никаких оснований на Северную Буковину. В середине июня, когда давление на Бухарест достигло своего зенита, Академию Генштаба вновь закрыли. Опять курсанты и преподаватели были посажены на специальный поезд. Пунктом нашего назначения на этот раз был Каменец-Подольский, в крайнем углу Украины около румынской границы. Я не хочу быть критичным по отношению к Румынии, однако, как случилось во многих случаях с этим народом, моя краткая роль в этой операции была лишь комической оперой по сравнению с моей работой на финском фронте.

26 июня 1940 года меня вызвали в ставку верховного командования в Каменец-Подольском. Здесь мне вручили совершенно секретный приказ на наступление в случае, если Румыния отвергнет советский ультиматум, для вручения лично командиру 11-ой армии. В мое распоряжение был предоставлен самолет-разведчик и его пилот.

Пунктом нашего назначения была Коломыя-Польск, перед падением государства маленький городок на реке Прут, немного севернее Буковины. Когда мы улетали, стояла хорошая погода, однако, когда мы подлетали к Коломые на предгорьях Карпат, то мы были охвачены очень плотными и низколежащими облаками. Несколько часов мы летали в поиске открытого неба. Такого мы не нашли и облака, напротив, становились все более плотными. Пилот, казался, не беспокоился, но я видел несколько весьма впечатляющих пиков на карте и только молился, чтобы мы не оказались вблизи от них. Наконец, когда пришло время, когда у нас осталось бензина лишь для обратного полета в Каменец-Подольский, пилот в шутку предложил мне использовать мой парашют и прыгнуть. Я уже подумал об этом, совсем не для какого-либо удовольствия, а как исполнительный офицер. Однако, моя карта показала, что в этих облаках мы, возможно, могли находиться над Буковиной или восточной частью Чехословакии, которую Советский Союз захватил в конце войны. Я не собирался стать военнопленным или интернированным, в особенности, с этим приказом.

В конечном счете, я возвратился, пристыженный, в Каменец-Подольский. Здесь мне дали штабной автомобиль для поездки. Затем, скоро после полуночи 27 июня, когда совершали зигзаги по извилистым дорогам, параллельным к границе Буковины, мне по радио сообщили, что мое поручение отменяется. Румыны, мне сказали, согласились с советскими требованиями.

В течение нескольких дней после этой капитуляции я находился с нашими войсками, когда Буковина была «освобождена». Наши радиопередачи много говорили об этой оккупации. Они говорили о «великой радости освобожденных людей», о «великом веселье» с которыми они встречали Красную Армию. То, что я увидел, это были мрачные и испуганные люди, и раскрывшие рты советские войска, увидевшие богатые полки с товарами в магазинах.

Когда так же, как Буковина, надлежащим образом была «освобождена» Бессарабия, нас отправили обратно в Москву и занятия в Академии Генштаба возобновились вновь. Я был рад возвращению. Я отставал от расписания, хотя я хорошо знал цену полевой работе, которая причинила перерывы, но учеба заканчивалась в августе.

Для выпуска мы должны были выполнить две главные задачи, сочинение и устное представление по военным предметам. Многие мои товарищи, курсанты, пошли по легкому пути для выбора тем. Они выбрали «Достижения Сталина в гражданской войне» и, разумеется, получили похвальные оценки. Я предпочел «Сражение на Марне» Первой мировой войны. Это была настоящая работа, а не лесть, но я также получил похвальную оценку.

Должен признаться, однако, что мое устное представление играло в партийную линию, и также было весьма своевременным. Оно было сделано перед начальником штаба Красной Армии и многими другими высокопоставленными офицерами. Комиссар Академии только что передо мной держал плохую речь по электрификации, поскольку это совпало с годовщиной скучной книги Ленина под названием «*Электрификация плюс кооперация есть социализм*». Речь была плохой, поскольку ее предмет был ограничен таким мирским материалом, как электрическое снабжение фабрик и кооперативов, позабыв о сделанном прогрессе со времен смерти Ленина.

Меня позвали на трибуну для обсуждения речи и сказали: «Товарищ Ахмедов, вы специализировались в области электрических предметов, давайте, послушаем ваше мнение». Я выступал в течение пяти минут. Я поддержал точку зрения нового поколения офицеров, которые предсказали возрастающий прогресс в области электричества и электрического тока. Я говорил об исследовании с магнетронами (из которых, в конечном счете, развился радар), о дистанционном управлении танками, о военных приложениях телевидения, о роли атома в будущем и о возможных кнопочных войнах будущего, о гамме новых разработок, которые вынудят модифицировать военные доктрины. В заключение я сказал:

«... и все это, плюс кооперация, сделают социализм. Да здравствует Ленин». Генералы восклицали «браво», они хлопали, они приветствовали. В главном на основе этих замечаний, но также и с учетом моей награды и моей работы во время учебы, меня выпустили с высокой оценкой в августе 1940 года и присвоили звание инженер-майор.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОСВЯЩЕНИЕ

После окончания Академии мне предоставили несколько недель отпуска. Вместо того, чтобы отправиться на море или на какой-либо курорт, я его провел дома, вновь знакомясь со своей женой, которую я мало видел даже когда был в Москве, другими словами, просто валяясь дома и размышляя. Наша квартира в то время была такой комфортабельной, что лучше было сидеть дома и, расслабляясь, радоваться жизни здесь, чем отправляться куда-то. Мне дали направление в исследовательский институт, куда я просил. Институт находился в Мытищах, в небольшом городке под Москвой. Мы жили в многоквартирном доме, и я с балкона мог наслаждаться видами красивых лесов вдали. Внутренне я был доволен собой. Через пятнадцать лет после того, как покинул Куба, я смог осуществить довольно много из того, о чем мечтал. Я не взлетел на ранг полковника или даже генерала или комиссара, как этого добились некоторые мои однокурсники. Однако, я не продавал моих преподавателей, друзей и коллег, как это сделали они для того, чтобы взбираться на вершину, которая вряд ли когда бывает безопасной. Также я не был в положении других, которых я знал по армии и которые не проявляли никакого интереса к учебе или трудной работе в академиях, все еще оставаясь лейтенантами или, самое большое, капитанами, где-то в провинции. Я был лишь майором, но это было достаточно высоко в структуре для меня, чтобы наблюдать за жизнью и ладить с ней, без вовлеченности или посвященности. Так я размышлял.

В один прекрасный сентябрьский полдень, к концу отпуска, я находился на балконе, ленивый и умиротворенный после обеда, попивая чай, покуривая и размышляя. Глядя на лес, я прикорнул, вспоминая хорошие времена с моим отцом на просторах родных мест, за которыми последовал полный мешок с печалью и приключениями.

Меня разбудил гром молнии. Прекрасный день сменился бурей. Темные облака закрутились с молниями, повиснув низко над Москвой на горизонте. Облака поменьше начали лить на меня, и я зашел в дом.

Как только я оказался дома, раздался сильный стук в дверь. Тамара ушла из дома после обеда. Я был один. Возможно, этот звук, а не молния, разбудила меня. Не так приветливо я пригласил войти стучащего, полковника Красной Армии, человека, абсолютно незнакомого мне. После какого-то ворчания вместо приветствия, он сказал, что ему приказали доставить меня немедленно к начальнику Управления разведки Генерального штаба генерал-лейтенанту Филиппу Ивановичу Голикову¹.

¹ В оригинале Иван Филиппович Голиков, что является ошибкой. До мозга сталинист, как говорят, человек из самых низов, от сохи, он сделал все, предавая и уничтожая друзей, знакомых, чтобы пробраться на верх по советской служебной лестнице. Фальсифицировал данные разведки о концентрации немецких войск на границе для того, чтобы угодить Сталину. Во время Второй мировой войны он пробовал командовать армией и даже фронтом, но неудачно. Наконец, в 1943 году его перевели на должность начальника отдела кадров Красной Армии – В.М.

Это был конец. Мои исследования, моя штабная работа были абсолютно бесполезны. Длинная рука ГРУ таки достала меня.

Военный джип и водитель ожидали нас у входа моего подъезда. Когда мы начали ехать, полковник сказал, что он является начальником отдела кадров ГРУ и трое моих однокурсников по Академии Генштаба также направлены в Управление разведки ГРУ, известное также людям за границей как «Метро», а иногда как «Центр».

Через сильный ливень, грозу с молнией, мы ехали в центр Москвы и затем проехали мимо часовых черз ворота одного из наиболее охраняемых зданий Советского Союза, штаба Управления, Знаменка 19.

Оказавшись внутри, меня сопровождали на третий этаж кабинета начальника. Ответив на мое приветствие из-за огромного стола, генерал Голиков пригласил меня сесть.

Несмотря на великолепие полной формы генерал-лейтенанта Красной Армии, его фигура явно не внушала многого. Он был коротыш, ростом не более чем 155 сантиметров, коренаст и совершенно лысый. Его лицо выглядело довольно неприятно красновато. Власть этого человека отражалась в его

глазах. Они не были выдающихся размеров, но были стально-голубого цвета и со способностью проникать сквозь человека, на которого он их направлял.

Он был новичком на этой должности, даже для ГРУ. Первоначально он командовал войсками на Львовском направлении во время раздела Польши. В Управлении он заменил одного из многих бывших любимцев Сталина, генерала Проскурова, героя Советского Союза за боевые полеты в испанской гражданской войне, после того, как его «вычистили» в неизвестность. Как начальник, Голиков также стал заместителем начальника Генерального штаба и персонально отвечал перед Сталиным за всю военную разведку.

Кабинет Голикова выглядел строго, как он сам. На его столе лежали лишь несколько бумаг и несколько телефонов. За исключением портретов Ленина и Сталина, стены были заняты стратегическими картами мира. В одном из углов комнаты находился огромный глобус. В другом – новейший и наибольший образец хорошего немецкого радиоприемника.

Лишь в последующих встречах я получил полное впечатление о моем новом начальнике и его кабинете. В первый раз в тот грозный вечер я имел мало времени для этого. Затем, перед тем, как отпустить меня, Голиков уделил мне достаточно времени, чтобы рассказать, что меня назначили исполняющим обязанности начальника 4-го отдела, технического шпионажа, и я должен приступить к работе с утра следующего дня.

Тамара уже была дома после посещения друзей к тому времени, когда я туда возвратился ночью. Мы провели много времени в разговорах о внезапном изменении моих планов, об удаче и о будущем. Она была разочарована, как и я, тем, что шансы заниматься чисто технической областью, как можно далекой от политики, видимо, исчезли, возможно, навсегда. Однако, вспомнив о довольно хорошей жизни в Тбилиси до моего отправления на ПРП, она немного удовлетворилась моим возвращением на разведывательную работу. Более того, она, подобно многим советским гражданам, считала разведку очень почетной, как что-то сотворенное, если даже секретно, в качестве высшей службы партии и правительству. Как каждый советский гражданин, она презирала внутреннюю безопасность (НКВД) и выражала уважение и восхищение военной разведке. Лишь Запад унижает своих офицеров разведки, называя их «шпионами» и «агентами». Тамара закончила свои рассуждения, сказав, что она горда мной и поцеловала меня. Зная немного больше, чем она, что здесь может быть втянуто, я был не особенно горд; скорее, я успокоился. Меня все еще трясло, когда я вспоминал то близкое столкновение с Мехлисом на финском фронте. Возможность обойти дерьмо тогда, может быть, была обеспечена потому, что я был под защитой ГРУ. Было несколько уютно, я признался себе, быть в этом кошмарном мире сталинского времени частью мощной организации, которая обычно заботилась о своих подопечных.

После назначения потребовались недели, фактически, несколько месяцев, чтобы освоиться. Перед тем, как начал себя чувствовать уверенно, я должен был многое прочитать, увидеться со многими людьми и знать о них многое. Я также привык к странностям здания Управления, а затем - к его более, чем необычному персоналу.

В каком-то отношении здания и люди похожи. Их тщательное изучение часто проявляет их характер, иногда даже то, что происходит внутри. Тем не менее, имеются немного зданий и немного людей, которые ничего не обнаруживают снаружи, они могут быть даже безличными, безымянными. Знаменка 19, здание Управления, относилось к последней категории.

Это было непривлекательное, низкое, выглядевшее незначительно, почти незаметно, и относительно старое здание. Оно не было одним из московских высоких, современных зданий, сияющих мрамором или гранитом и оборудованных скоростными лифтами. Это была скорее трущоба по сравнению с величественным зданием Совета Министров или со зданием Министерства Внутренних дел. Оно не имело никакой вывески, как «Лубянка», штаба внутренней безопасности (НКВД), или как «Кремль», являющейся традиционной резиденцией автократов. Подобно шпиону, оно не имело названия. Даже его подъезд был спрятан от улицы воротами, гаражом, одноэтажной проходной и дальше - двором.

Обычный прохожий проходил мимо Управления, даже не бросив на него свой взгляд. На выходных воротах лишь тренированный наблюдатель мог заметить, что движение туда и обратно шло не по одинаковым путям, как это принято в советских учреждениях. Автомобили, пользовавшие этими единственными воротами, были не только советскими, но и также американскими, английскими, французскими, немецкими. Люди в них, были не только офицерами в стандартной форме, но также хорошо одетыми гражданами, часто даже по самой последней иностранной моде. Такие граждане были странными для этого движения. Многие ехали сюда с решительной осанкой военных, с отдачей чести по форме, когда они встречались с другими в военной форме. Никто не был переодетым в гражданскую форму тайным агентом, ходящим по следам иностранцев.

Я никогда не смог преодолеть чувство отвращения, которое испытывал, работая по этому странному и дьявольскому адресу. Для меня он был как тюрьма. Здесь не было никаких друзей, которые могли бы меня позвать, поскольку никто и никогда не позволил бы себе здесь с кем-либо завести дружбу. Его настоящий адрес лучше известен в западных странах, чем в Советском Союзе.

Его обитателями здание не называлось как Знаменка 19. Для нас оно было *Разведупр*, от Разведывательного Управления. Оно располагалось в комплексе зданий, которых занимал Первый Дом НКО (народного комиссариата обороны), который также включал в себя Генеральный штаб и Политическое Управление Красной Армии.

Странные люди не только не посещали Разведупр, но даже более странные люди вели здесь странную жизнь и преследовали странные цели за его стенами. Они были людьми различных национальностей, говорили на множестве языков. Большинство путешествовало за границу, в зарубежные страны, запрещенные для простых советских смертных, оно было часто более знакомо с улицами Нью-Йорка, Токио, Стамбула, Лондона, Берлина или Парижа, чем с улицами Москвы и Ленинграда. Многие обитатели, так же, как и посетители, имели двойные, часто, тройные имена и фамилии. Немногие знали, кем они в действительности являются. Возможно, многие из них и сами запутались. Все они были обучены не узнавать друг друга при случайной встрече за пределами здания. Также было запрещено спрашивать любого из них, что они делают, откуда они или куда они направляются. Среди них имелось лишь одно резкое разделение: тайное или открытое. Все, кто был вовлечен в тайную работу, были, по меньшей мере, майорами Генерального штаба, независимо оттого, какими титулами они были прикрыты: они могли быть послами, делегатами торговой делегации, работниками консульств или газетчиками.

Эта мешанина личностей, национальностей и имен была связана вместе лишь с двумя факторами – членством в партии и клятвой правительству СССР. Они имели еще одну связь, невидимую, которую стоит упомянуть, но которую никогда не возможно позабыть. Это, страх. Все были открыты для западных публикаций, путешествий и контактов. Это делало их подозрительными для партии и правительству, которым они служили, часто с великим старанием и риском. Последний для них был всегда вдвойне больше.

Эти жесткие факты стали мне известны лишь по мере приобретения опыта. В то утро, когда я прибыл исполнять свой долг в Разведупр, то я был совершенно невинным, независимо оттого, что знал о разведке в моей незначительной работе на Закавказье.

Меня тепло встретила, это едва ли правильное слово для этого, моя помощница в четвертом отделе. Привлекательная женщина с большими карими глазами, тщательно ухоженными каштановыми волосами и высокими скулами, она была капитаном Марией Поляковой, еврейкой. Она показала мое рабочее место, большой стол с несколькими телефонами, подключенными к городской сети и к главным сетям, соединенным с различными штабами обороны плюс прямая линия к Голикову и комфортабельное кресло. Однако, здесь не было ни карт, ни радио.

Я надеялся, что она уйдет сразу, но почему-то задержалась еще на несколько минут больше. Тут она выпалила: «Товарищ начальник, в свои времена другие начальники этого отдела сидели за этим столом, планируя многие операции, работая дни и ночи во славу нашей партии и страны. Они все были или расстреляны, или отправлены в концентрационные лагеря. Такая им выпала награда. Теперь, должно быть, какие-то проблемы возникли у товарища Коновалова [полковник, который был направлен в Германию и был начальником отдела, где я сейчас пребывал в качестве исполняющего обязанностей начальника]. Я искренне надеюсь, что вы не разделите их несчастные судьбы».

Это было моим знакомством. По своей наивности, я завидовал Коновалову, что он за границей, а я в это время должен исполнять нудную бумажную работу. Я скоро установил, что он поскользнулся.

Полякова и другие в отделе любили его и восхищались им. Они презирали мое прибытие, и Полякова была достаточно искренна, чтобы это выразить. Они, должно быть, подумали, что я немного дремуч. Через несколько дней Полякова вручила мне письмо, помогающее открывать глаза. В моей памяти оно приблизительно сохранилось в виде: «Дорогой товарищ Сталин! Во время чисток я был арестован, избит и подвергся к пыткам следователями службы безопасности наиболее бесчеловечным образом. Я был обвинен в преступлениях, которых не совершал. Мне угрожали и меня унижали. Мне не дали шанса защищаться. Я служил Родине верно со времени революции. Я был награжден три раза орденом Красного Знамени. Теперь, после месяцев наиболее жестоких расследований, которых даже царская охранка не могла бы выдумать, меня отправляют в концентрационный лагерь, далеко в Сибирь. Мне не позволили связаться с моей семьей, друзьями или коллегами. Меня приговорили к трудовому лагерю без суда. Во имя революции и партии, пожалуйста, вмешайтесь в мое дело и спасите меня. Будучи лишенным других возможностей, я бросаю это письмо через дверь грузового вагона, везущего меня и десятков других невинных людей в Сибирь». Была прикреплена сопровождающая записка к этому письму. Записка показывала, что заявление было найдено на рельсах в Подмоскowie и, действительно, было направлено в секретариат Сталина. Здесь также указано, что с письмом познакомился Георгий Маленков, помощник Сталина, который переправил его к Голикову. Голиков оставил запись: «Для циркулирования в отделе и хранения в деле». Автором этого безнадежного письма был предшественник Коновалова, который сидел на этом же кресле, на котором сегодня уютно устроился я. Перед тем, как прошел шок от прочитанного, Голиков позвал на совещание с шестью своими начальниками отделов. Здесь были новички, я и три моих однокурсника из Академии Генштаба и еще два задержавшихся начальников отделов со времен Проскурова.

В начале совещания я прикинул власть этого коротыша в форме генерал-лейтенанта. Он мог оказать влияние на назначение советского дипломата, любого посла и других работников, направляемых за рубеж. Он мог отправить офицеров Красной Армии, назначенных в ГРУ, в любую точку земного шара. Он имел миллионы в любой иностранной валюте в специальных фондах для расходования в своих операциях. За кулисами он держал вожди всех видов подрывного действия, раскола и террора, начиная с организации широкомасштабных восстаний и забастовок и кончая похищением людей и убийств. Его оценки и разведывательные расчеты были основаны на политических решениях и планах на войну его начальников в Политбюро.

Голиков вывел меня из моих размышлений тем, что он только что виделся с Маленковым и Сталиным. Оба, он сказал, призвали к усилению разведки и повышению ее эффективности. Оба обратили внимание на дальнейшую чистку Управления от старых кадров на основе, что слишком долго находились за границей, имели слишком много иностранных контактов и сотрудничества и, поэтому они собой представляют «риски безопасности». Его программа по практической работе, сказал Голиков, уже запущена. Нашей задачей, в качестве начальников отделов, сказал Голиков, является завершение перемен во всей организации, обновление кадров как дома, так и за границей.

Я несколько был шокирован тем, что начальник выразился так грубо в присутствии двух начальников из прошлого, которые позднее, разумеется, присоединились к нескончаемому списку исчезнувших. Я не верю, что он был преднамеренно жестоким, скорее, он был циничным дельцом и прожженным человеком.

Я также был озабочен значением слов из его инструкций, которые имели в виду не только продолжение, но увеличение темпов чистки.

Для меня это было страшным и жутким делом. Оно требовало расчесывание всех персональных дел отдела, отбор кандидатов на устранение. Иногда я был везуч и находил некоторых неудачных душ, которые имели сильные недостатки или уже поскользнулись, чтобы рано или поздно быть уволенными. В основном, однако, я должен был обращаться к формулировке, говорящей, что слишком много связей имеется с Западом.

С делами этих несчастных в руках и прикрепленными к ним осуждениями я обращался к заместителю начальника по операциям, который затем их переправлял во внутреннюю безопасность. Я оцепенел от факта: иметь внутреннюю безопасность под маской контрразведки на моем уровне или в качестве заместителя начальника по политическим делам над учреждением Голикова! ГРУ не имел никого в Лубянке, но НКВД имел последнее слово в Управлении.

Заодно с чистками по настоянию Маленкова и по приказу Голикова, нам было сказано, что ГРУ должно выработать «взаимопонимание и сотрудничество» с НКВД. Когда я размышлял об этом, в один из дней послеобеденного времени поздней осенью 1940 года в моем офисе появился начальник технической разведки иностранного отдела НКВД, мой партнер по названию.

Это был, так называемый визит вежливости, но он имел также и деловую сторону. Она касалась назначения наших соответствующих агентов, работающих под прикрытием Амторг, советской торговой миссии в Нью-Йорке. НКВД настаивал на том, чтобы 60 процентов в миссии были из его технической разведки, которые были ответственны за экономическую и научную разведки. Однако, мы так плохо не заплатили. Агенты, назначенные в Красный Флот в Нью-Йорке были только из ГРУ и мы также вовлекли жен нескольких работников. Все это оставило нас не более чем с 40 процентами, которых предложил НКВД.

В исполнение этой вынужденной ауры дружбы между ГРУ и НКВД я должен был нанести ответный визит к моей коллеге. Это был моим единственным визитом на Лубянку. Из наших дел достаточно хорошо изучил, что происходило в этом страшном месте, которое позднее было раскрыто в книге «*Darkness at Noon*» (*Темнота в полдень*) и в других разоблачениях беглецов на Запад.

Внешне, однако, я нашел, что административная сторона, не тюрьма, разумеется, была очень примечательным местом. Со специальным пропуском и после долгого сопровождения вооруженными часовыми на нескольких лифтах и вдоль многих коридоров, я достиг отдела технической разведки НКВД. Какой же был здесь контраст по сравнению с моим перенаселенным и дешевым кабинетом! Здесь была приемная. Кроме нее была библиотека и учебные комнаты. Полы были богато покрыты коврами. На стенах висели обычные портреты Ленина и Сталина, разумеется, но там были также картины, выглядевшие весьма ценными. Вся мебель была сделана из хорошо полированного дерева, иностранного происхождения, по-видимому, скандинавского. Каждый аппарат связи был американского производства. Секретарши выглядели гораздо лучше, чем моя одинокая и мешковатая Полякова в военной форме. Все они были очень, очень привлекательными, некоторые даже очаровательными. Когда я очутился в кабинете своего партнера, то он предложил мне американскую сигарету. Я думаю, она была Честерфилд. Затем, когда мы договорились по поводу раздела Амторга, он из ящика стола достал бутылку шотландского виски, чтобы отметить нашу договоренность. Я возвратился в унылое Управление немного затуманенным, но не из-за выпивки.

В середине декабря 1940 года Голиков внезапно созвал специальное совещание всего своего верхнего персонала, состоящего около двадцати пяти офицеров. Я думал, что совещание будет иметь дело с чем-то типа войны с Англией, которая уже достигла своего зенита. Совещание касалось этой войны, но не прямо.

Голиков любил частые и внезапные совещания со своими подчиненными, но это было уникальным. Были предприняты меры высшей безопасности. На дверях в его кабинет стояли вооруженные солдаты и дежурный офицер. Наши фамилии и имена были в списках, где мы должны были расписаться. Со строгим видом начальник сидел за своим столом, около которого пристроились его заместитель по полчасти и заместитель по операциям в лице массивного бывшего офицера-танкиста.

Генерал открыл совещание с предупреждением, что оно является совершенно секретным. Он сказал, что только что имел встречу со Сталиным. Затем он рассказал следующее.

Мы не должны быть сбиты с толку договором о ненападении между Советским Союзом и Германией, т.е. пактом Молотова-Риббентропа, подписанного в августе 1939 года, накануне Второй мировой войны. Нам его следует полностью игнорировать. Он есть «документ временного характера» и «результат

диалектического гения нашего товарища Сталина». Подобно любому другому международному договору, подписанному Советским Союзом, он может быть аннулирован в любое время, когда партия и правительство сочтут это целесообразным.

Возможность Германии напасть на весьма неправдоподобна. Гитлер и его маршалы «не собираются предпринимать самоубийство». Они не являются «маньяками или лунатиками».

Англия скоро будет поставлена на колени перед Германией. Это означает, что британские владения будут разделены между Германией и Японией. Мы «освободим» Балканы, «наших братьев по крови» и тем самым откроем себе путь на Ближний Восток, с его нефтяными запасами и стратегическими дорогами. В усилиях спасти Британскую империю от полного краха США, «центр классического капитализма» нападут на Германию, и разразится новая и более ужасная война.

Между тем, Советский Союз будет терпеливо дожидаться своего часа, когда наступит момент его исторической роли. Когда капиталисты будут обескровлены и выдохнутся, мы будем «освобождать» весь мир.

Мы должны готовиться к нашему часу. Для нас, офицеров разведки, это означает новые сети, новые операции, новые планы, новые кадры агентов, новые группы подпольных сил, готовых идти на действия по приказу нашей партии и правительства.

Озадаченные таким образом, продолжал Голиков, мы должны выполнить два плана мобилизации наших разведывательных сил, как дома, так и за границей. План А должен быть основан на наиболее логическом предположении, что именно США будут воевать с Германией и Японией, в то время, как Советский Союз, по меньшей мере, временно, будет в союзе с Германией и Японией против США. План Б должен быть основан на наиболее невероятном предположении, что мы будем воевать с Германией, и США будут нашим «временным» союзником. Он подчеркнул на определение «временное» и не упомянул о включении Японии в план Б.

Все Управление отправилось лихорадочно работать над двухвариантным планом. Это потребовало предупреждения не только существующих легальных и нелегальных сетей за рубежом, но также и организацию совершенно новых сетей, коммуникаций, финансовых мероприятий и курьерских служб во всемирном масштабе.

Многие из нас, младших офицеров, в особенности, были убеждены в том, что работа по плану А будет не только пустой тратой времени, но и преступным разбазариванием наших усилий и сил. Для нашей группы Германия была точно такой же капиталистической страной, как и США, и последние не имели ни нацистов, ни общую границу с центром нашей страны. Насколько это возможно для советских офицеров разведки, мы любили американцев, не любили и не доверяли немцам.

Секретно наша группа изложила свои взгляды на бумаге с изобилием поддерживающих факторов и отправила свои находки прямо к Маленкову, осторожно обходя каналы Управления. Через несколько недель после этого Управление, резко изменив направление, приказало полностью игнорировать план А и потребовало ускоренной разработки реального, больше чем гипотетического, плана Б. Однако, к тому времени, как мы установили позднее, мы отставали от сроков по приостановлению тайных операций против США и стран, сражающихся с Германией и по налаживанию каких-либо контактов с разведкой США.

Почти одновременно с этой перегруппировкой я получил мою первую возможность ехать за границу, о чем я мечтал еще с тех пор, когда впервые был мобилизован ГРУ в Тбилиси десять лет тому назад. На самом деле это не было реальной заграницей, а лишь бывшие прибалтийские государства, но я был рад увидеть что-то другое, чем чисто Советский Союз.

В январе 1941 года Москва и Берлин пришли к соглашению по поводу репатриации граждан немецкой национальности в Эстонии, Латвии и Литве. Эти немцы застряли здесь в июне прошлого года, когда эти три страны были «освобождены» Советским Союзом, и я в это время играл свою маленькую роль в «освобождении» Буковины.

Почему меня выбрали для миссии в Прибалтике, мне не известно. Возможно, моя служба на финском фронте или в Буковине имела что-то общее с этим. Возможно, имело значение мое знание немецкого. Моя задача была относительно проста. Я должен был вербовать в ГРУ людей из репатриантов.

Единственной моей проблемой при этом было переиграть НКВД, который также занимался вербовкой своих агентов среди этих людей. Мне доставляло некоторое удовольствие находить кандидатов, желающих работать на ГРУ, в то время как лишь скомпрометированные личными проблемами или плохими записями в своих личных делах люди вербовались НКВД и большинство из них это делали под нажимом и угрозами. Кроме немцев, возвращающихся в Германию, я также завербовал несколько человек, которые не могли ехать туда, евреев, вынужденных эмигрировать в США и Англию. За эту работу я получил личную благодарность от Голикова.

Мне не дали точного лимита на эту миссию. Так, воспользовавшись возможностью, я совершил туристское путешествие и осмотр достопримечательностей. Я также купил немного одежды и часы для Тамары. При походе по магазинам в Риге я нарвался на бывшего своего однокурсника из Ленинградской Академии, Ивана Тимофеевича Пересыпкина¹, человека, который смастерил свой путь к успеху в начале чисток, предавая своих товарищей и преподавателей.

¹ По-видимому, речь идет об Иване Терентьевиче Пересыпкине, который в дальнейшем стал первым маршалом войск связи, любимцем И. Сталина – В.М.

Он прошел этим путем до должности комиссара связи всего СССР. Он, архивраг капитализма, покупал в литовской столице все, что мог только потащить. Его расходы и действия были неприятными рижским торговым чиновникам. Они выглядели почти такими же несчастными и мрачными, как и люди Буковины, когда они «приветствовали с радостью» «освобождающую» Красную Армию.

Приятный антракт на Балтике не мог продолжаться вечно, и он закончился в конце апреля.

Возвратившись назад в Управление, я еще больше был завален планом Б, когда Полякова, довольно взволнованная по сравнению с ее обычной сдержанностью, вручила мне сообщение, которое только что расшифровала.

Там было написано: «Германское Верховное Командование приказала без промедления остановить производство советского тяжелого оружия на заводах Шкода. Высшие германские офицеры, находящиеся в Чехословакии, сказали друзьям, что германские дивизии концентрируются на западных границах СССР. Они думают, что Гитлер нападет на СССР во второй половине июня». Сообщение было датировано 17 апреля 1941 года.

Это краткое, но резкое сообщение было подписано нашим легальным резидентом в Праге, чьим прикрытием был пост торгового атташе при посольстве. Его источник информации был нам хорошо известен: главный инженер заводов «Шкода», чех, который не был коммунистом, но стал нам помогать из-за своего патриотизма после того, как Германия захватила его страну.

Нет нужды говорить, что я поспешил к Голикову с этим сообщением. Он тщательно проверил меня и наши дела по источнику сообщения. Все, что мы имели касательно инженера, было добротным и достоверным. Вся его информация, все его оценки, которые он посылал нам за месяцы до этого, доказали *bona fide*.

В тот вечер мы подготовили весьма полный отчет об этом сообщении и его источнике. Голиков подписал отчет, и он был отправлен специальным курьером к Сталину, Маленкову и начальнику Генштаба.

Прошла ночь, следующая ночь. Ничего не случилось.

В третью ночь я находился в квартире, которую предоставил нам Управление, в высоком здании, выходящую на Москву-реку, ниже Кремля. С напитком в руке, я смотрел на свет через реку. Только что закончил чтение «*Seven Pillars of Wisdom*» Лоуренса и раздумывал о жизни в британской разведке.

Зазвонил телефон, не регулярными интервалами, а непрерывно и настойчиво. Я поднял трубку. «Исмаил», слышал я, «генерал хочет видеть вас немедленно. Сейчас же дежурная машина будет у вашего подъезда». Говорил мой сосед, личный адъютант Голикова.

Когда я прибыл, у двери кабинета Голикова ожидали приема десятка других офицеров, но мне оказали предпочтение. Когда я вошел, он сидел за своим столом, перебирая бумаги недовольным видом. Без приглашения сесть, он их бросил мне. Те были листы с нашим отчетом для Сталина по поводу сообщения из Праги. Однако, что-то там было написано поперек одного листа красными чернилами. Надпись гласила:

«Английская провокация расследовать! Сталин».

Когда я возвратил бумаги назад, Голиков на всю мощь сосредоточил свои стально-голубые глаза на мне и сказал: «Товарищ Ахмедов. Я приказываю вам лично провести требуемое расследование. Я думаю позднее отправить вас в Германию. Вы должны отправиться и быть в Берлине не позднее середины мая. Я устроил вам прикрытие в качестве руководителя Бюро ТАСС, взамен прежнего. Завершите детали прикрытия и приведите в порядок ваш отдел и персональные дела.

Когда возвратился домой, я был так взволнован, что едва мог говорить. Я был жутко шокирован реакцией Сталина. (Так было раздроблено Управление, что лишь после войны я узнал, что аналогичное сообщение Сталину о гитлеровском нападении было прислано Рихардом Зорге, работавшим также в ГРУ, но далеко от нас, в Токио). Я также сильно был озабочен по поводу места, в котором оказался, став ответственным перед Сталиным за проведение расследования. Разумеется, ни о чем, ни о реакции Сталина, ни о моем поручении, я не мог рассказать Тамаре. Тем не менее, я рассказал ей о том, что меня направляют в Германию и очень скоро.

Она была очень обеспокоена, услышав, куда я еду. Я также беспокоился за нее. Технически, не было ничего, что препятствовало бы ей сопровождать меня, как ее мужа. В действительности, однако, поскольку она была еврейкой, она не хотела иметь ничего общего с нацистской Германией. Она не думала, что она могла бы чувствовать себя удобно, учитывая то, что происходило там с людьми ее национальности. Она не боялась туда ехать, однако, я бы побоялся, если бы она захотела этого.

Мы приняли решение и рано отправились спать. Тамара быстро уснула, но я мысленно метался с открытыми глазами до времени, когда начинался следующий день. Наконец, ехать за границу, но в такую страну и в такое время. Гитлер, Геббельс, воздушные рейды и проведение шпионажа не только в воюющей стране, но там, где они отрубают головы коммунистам и шпионам. И шло много подготовительных работ по моему прикрытию.

Сначала я получил новые фамилию, имя и отчество. Одна из записей показывала, что я никогда не был вовлечен в какую-либо разведывательную работу, никогда не был компрометирован за границей. Затем я должен был сочинить свою легенду и запомнить ее наизусть. Согласно этой выдуманной биографии, я родился на два года позднее, чем моя действительная дата рождения, и в Тбилиси, где окончил институт журналистики после почетного увольнения с военной службы в качестве сержанта и там же

вступил в лоно журналистики. Остальная история была о том, что я несколько лет работал в местных газетах Закавказья, затем был переведен в Москву, в главную редакцию ТАСС. Наконец, я создал перечень несуществующих родственников и друзей. Это была удовлетворительная легенда. Я хорошо знал Закавказье и Тбилиси. По поводу сообщений ТАСС было то же самое, хотя намного менее детализированные, чем те, которые я писал в течение годов.

Когда все это было сделано, как член партии, я должен был пройти через формальности в центральном комитете для получения паспорта. Ни один член партии не мог покидать страну без разрешения и ни один член партии не мог взять с собой партийный билет и другие документы. Он должен был сдать их комитету. Для меня это было лишь формальностью, поскольку Управление ходатайствовало за меня. Для большинства членов партии, однако, за исключением иерархов, получение разрешения было не простым делом. Происходило это на комиссии представителей как ГРУ, так и НКВД. Они здесь были представлены для того, чтобы иметь шанс вербовать людей, едущих за границу, писателей, артистов, атлетов, любого. Если заявитель отказывался, то он не получал никакого разрешения.

Закончив все это, я получил паспорт, служебное сообщение было передано в ТАСС и другие редакции советских газет. Должным образом подписанный Вячеславом Молотовым, министром иностранных дел, документ свидетельствовал, что его обладателем является Николаев Георгий Петрович, родившийся в 1906 году в Тбилиси, корреспондент ТАСС, назначенный для выполнения журналистской работы в Германии.

Затем наступило время явиться в ТАСС. В гражданской одежде, разумеется, предоставленной Управлением, я прибыл к директору. Он ждал меня, будучи уже информированным о моей миссии Голиковым. Он сказал мне, что я должен заменить человека НКВД, который недостаточно хорошо исполнял свою работу для прикрытия в качестве руководителя ТАСС в Берлине, и он должен быть отозван обратно, пока его не схватило гестапо.

Для того, чтобы я не повторил ту же ошибку, директор устроил так, чтобы я до своего отбытия познакомился с организацией и мог поработать несколько часов в день в ТАСС, со всеми его рутинными делами, другими процедурами и персоналом. Хотя я, естественно, был удовлетворен этим кратким курсом, лично меня больше интересовал факт, что мой предшественник был человек НКВД и что он не справился работой своего прикрытия. Я спрашивал себя, но не находил ответа, является ли замена человека НКВД мной из ГРУ, что кто-то на верхах относится к германскому нападению на СССР, как реально возможному.

В дополнение к моей вымышленной работе в ТАСС, мне дали два других дополнительных задания. Директор ТАСС рассказал мне, чтобы я позабыл про пропаганду о нацистах и фашистах, что наша партия была заинтересована в том, что сделала нацистскую партию работоспособной, как она поставила большую часть Европы под своей ногой. В особенности, он сказал, Сталин был заинтересован в источнике силы Гитлера и я должен дать неокрашенные, беспристрастные сообщения по этому поводу. Также, для его собственной информации он хотел бы, чтобы я нашел новые факты о победе Рудольфа Гесса в Британию.

Главная моя подготовительная работа, однако, была в Управлении. Для ГРУ я имел два основных задания. Первое была организация и укрепление разведывательной работы четвертого отдела, для которого я буду главным легальным резидентом в Германии, несмотря на мое тассовское прикрытия. Я должен был координировать эту работу с главным резидентом ГРУ в Германии, военным атташе, но я не буду полностью ему подчиняться и буду иметь свой собственные шифры и каналы связи. Второе задание, разумеется, было действительно мерзким: проверка верности пражского сообщения, которое было осуждено Сталиным. Для этого я ожидал некоторой помощи со стороны военного атташе, однако, главное будет зависеть от меня, поскольку источник контролировался моим отделом. Моя подготовка для обоих заданий требовала исчерпывающего пересмотра многих дел в Управлении и многочисленных совещаний со специалистами.

Я также провел значительное исследование для защиты моего прикрытия. Поскольку я никогда не бывал в Германии до этого, то я решил, что не должен быть беспомощным из-за отсутствия знаний страны после моего прибытия. Для заполнения таких пустот я изучал, почти запоминал, планы улиц, в особенности, берлинских. В дополнение, я просмотрел многие фотографии германской столицы, прочитал много литературы с их описаниями так, что когда я завершил это, то чувствовал, что знаю Берлин почти на уровне его жителя.

В середине моей подготовки пришел май. Из-за моего приближающегося отъезда за границу впервые в моей армейской жизни я не должен был активно участвовать на праздновании. Вместо этого мне дали пропуск для наблюдения за парадом в стороне от мавзолея Ленина. По этому случаю Красная Площадь была тщательно промыта, воздух был теплым и приятным и облака в небе были голубыми. Вдобавок, со мной была Тамара.

Мне нравились парады, сияющие оркестры, стройно шагающие солдаты, но моей главной целью присутствия здесь была посмотреть на Владимира Г. Деканозова¹, советского посла в Германии, с которым мне предстояла встреча на следующий день по приказу Голикова. Мне сказали, что Деканозов будет на верху, на мавзолее.

¹ Этот подлейший человечек был расстрелян в качестве сообщника обер-палача СССР Л. Берия в 1953 году – В.М.

Посол действительно находился здесь. Маленький коротыш, всего полтора метра ростом, он стоял на переднем ряду, один, с правой стороны Сталина. Верно, Деканозов был старым и близким сотрудником Сталина, но необычный почет, оказанный ему, являлся знаком предпочтения немцам.

Я был осторожным с этим маленьким человеком. Он был ветераном подпольной работы еще с дореволюционных времен. Он также стоял высоко в НКВД, будучи начальником зарубежных разведывательных операций перед посылкой в Германию. Я должен был явиться к нему, поскольку был совершенно секретный приказ Сталина, изданный накануне Второй мировой войны, требующий координации и контроля со стороны послов операций ГРУ и НКВД за границей. Целью приказа было устранение соперничества, но практический эффект заключался в постановке ГРУ под контроль НКВД как дома, так и за границей, поскольку большинство послов было из НКВД.

Хотя меня предупредили в Управлении, что Деканозов был часто деспотичным и использовал оскорбления и грязный язык при общении с подчиненными, он был достаточно вежлив со мной. Он спросил о моем происхождении, проверил мой немецкий и приветствовал мое присоединение к советской колонии в Берлине. Одно лишь тревожило меня. Он был убежден, что Германия не нападет на нас, и сказал, что у меня достаточно много времени, чтобы освоиться и делать свою работу.

По возвращению от встречи с послом Голиков похвалил меня за мое поведение там. Он только что переговорил по телефону с Деканозовым. Начальник сказал, что я выдержал мой первый дипломатический экзамен.

Последний инструктаж мне дал заместитель Голикова, неприятный и здоровый бывший танковый командир. Главным образом, это было ободряющий разговор о моих заданиях в сочетании с повторными предупреждениями, чтобы обходить проблемы с НКВД. Он был рад, что я замещу человека НКВД, Тарасова, который не смог справиться с работой по своему прикрытию. В заключение, однако, его слова прощания чрезвычайно обеспокоили меня. Его заключительными словами были: «Товарищ Ахмедов, не бойтесь людей НКВД. Мы вас защитим. Человек, которого вы заменяете в Берлине, не только человек НКВД, но и еврей. Их дням приходит конец. Мы рады, что вы татарин». Я не могу говорить, являлись ли эти слова высокопоставленного офицера выражением своего мнения или они свидетельствовали о том, что антисемитизм в России начинал вновь возрождаться.

Из многих причин, которые оставили у меня горечь, было не только то, что моя жена была еврейкой. Однако, я постепенно позабыл это к тому времени, когда была сделана последняя вещь подготовки: получение нового гардероба и всего из гражданского. За несколько часов в специальном магазине Управления, где было все из женской и мужской одежды. Я выбирал. В конце концов, я выбрал три красивых костюма, десяток рубашек, несколько пар обуви, плащ, шляпу, нижнюю одежду, носки и носовые платки. Все подходило прекрасно и было английского производства. В качестве поклажи я выбрал дорогой кожаный чемодан. Независимо оттого, буду ли способным или нет, по меньшей мере я буду выглядеть как преуспевающий газетчик.

Когда я приехал домой от этой покупательской лихорадки за пару дней до отъезда, Тамара едва узнала меня. Она поворачивала меня вновь и вновь, восхищаясь мной и заставляя стоять перед зеркалом, когда она подправляла мне шляпу в правильное, по ее мнению, положение.

Это был единственной радостной частью наших последних дней вместе. Все было очень серьезно и печально с любимым человеком, который никогда не жаловался о недостатке денег и примитивности жизни в качестве жены армейского офицера, с которой я никогда не ссорился, не находился в непонимании в течение почти одиннадцати лет нашей женитьбы.

Наши последние дни вместе мы провели, изобретая маленькие шифры для включения в наши письма, чтобы дать знать друг другу обо всем серьезном, что могло бы произойти с каждым из нас. Тогда я спросил ее, подумает ли она о возможности присоединиться ко мне в будущем.

Она взяла мои руки, как всегда, когда она глубоко задумывалась, и сказала: «Исмаил, конечно, я хочу быть с тобой. Однако, сейчас ты поезжай один. Это твоя работа и ты должен ехать. Во всяком случае, ты сможешь видеть Европу, не только Германию, но, возможно, и другие страны как Швейцария, Италия. Это хорошо видеть мир. Я была бы рада ехать вместе с тобой и наслаждаться видами, другими народами, городами, видеть которых мы вместе мечтали. Однако, я не могу ехать в Германию. Я не могу видеть, как нацистские звери мучают еврейский народ. У меня нет для этого нервов, пожалуйста, пойми меня и прости. Езжай один; я здесь управлюсь. Когда, и если, тебя переведут в другую страну, скажем, в Англию или Францию, то я с удовольствием приеду к тебе. В нацистскую Германию – никогда».

Через несколько часов, вечером не светлого дня в последнюю неделю мая, она поехала со мной на Белорусский вокзал, откуда поезда отправлялись на Запад. На платформе я держал ее на своих руках. Она тихо плакала и слезы были в моих глазах тоже. Мы расстались, когда поезд начал двигаться. Когда я прильнул к окну, она сказала: «Любимый, пусть бог хранит тебя и благословит. Не беспокойся обо мне. Я буду тебя ждать». Прощай, моя любимая...

Через два дня, после полудня, я прибыл в Берлин после путешествия без приключений. Человек НКВД, которого я должен был заменить и его жена были на станции, чтобы меня встретить. Они потратили немало времени, чтобы найти меня, даже если со мной было не более десятка других русских пассажиров. Я полагаю, что мой лондонский вид был причиной этой задержки. По-видимому, они искали

кого-то в широких бесцветных брюках и в мешковатом пальто, в которые было одето большинство советских людей в те времена.

Все трое втиснулись в их спортивную машину, симпатичный автомобиль, который дал мне почувствовать себя даже уютнее в моей новой одежде. Мы ехали вдоль широких проспектов Берлина, по настоящему занятым машинами дорогам, к их квартире в центре города. По дороге я сравнивал свои познания, почерпнутые из книг о столице, о ее зданиях и знаменитых местах, с реальной действительностью. Они даже спросили, когда я был здесь до этого. В ответ я лишь пробормотал неясное.

Это показало, что я был не совсем осторожен. Человек НКВД среагировал на мое бормотание с утверждением, что он знает, кто я такой в действительности и какое у меня настоящее имя, за кого я работал и где. Тем не менее, это было неплохое начало. Я мог представить, как гестапо стало интересоваться этим человеком НКВД, на чьей машине я ехал. Только одно не было ясно, почему Деканозов, известный своей гордостью за годы подпольной работы, не удержал свой язык по поводу меня.

В здании, где было сосредоточено все берлинское ТАСС, все, в действительности, люди ГРУ или НКВД, плюс пресс-атташе, чей титул был лишь прикрытием, уже ожидали нас. Закончив с дачей инструкций, мой хозяин объявил, что посол сказал ему, чтобы он оставался в Берлине на две-три недели, пока я не освоюсь.

Для начала все было достаточно невинным. Однако, когда потемнело и окна были затянуты черными шторами, были доставлены чай и бутерброды. Все собравшиеся стали весьма разговорчивыми, даже слишком. Один из этой компании, которого я нашел не слишком приятным, был мой новичок, не только в расположении ТАСС, но и в моем отделе ГРУ, хотя, к счастью, молодой человек не знал о моем происхождении. Был ли он из ГРУ, или нет, но этот молодой человек был подкуплен Деканозовым, и, демонстрируя себя как его любимчик, вел себя весьма независимо. Позднее в этот неуютный вечер, отмеченный главным образом аналогичными усилиями «моего персонала» заверить себя и поставить меня на мое место, сюда явился для завершения процесса Богдан Кобулов¹, советник посольства, в сопровождении своей жены.

¹ Отличался особой нечеловеческой жестокостью на допросах в Следственной отделе КГБ, которого он долго возглавлял. Его подчиненные часто превосходили в своих зверствах даже этого обер-палача большевистского режима СССР. Расстрелян как сообщник Л. Берия в 1954 году. – В.М.

Фактически главный резидент-офицер НКВД, он осторожно приветствовал меня по моему вымышленному имени, даже если он также несомненно услышал обо мне от Деканозова. Попивая свой чай, он по-настоящему поджаривал меня по поводу моего вымышленного происхождения, образования, работы, знакомых и семьи. Даже его жена вмешалась с некоторой вежливостью по поводу моей несуществующей матери.

Это была проверка моей легенды. Советник, по-видимому, знал ее также хорошо, как я сам, но он только хотел видеть, не сделаю ли я какую-либо ошибку, которую можно было бы использовать против меня позднее. Все это происходило в присутствии так называемого моего персонала. Что за бессмысленная мелкая операция и как все это была глупо! У всех нас в Германии были более важные дела.

К концу этого бессмысленного вечера мой хозяин предложил, чтобы я остановился в запасной комнате его квартиры, чем в отеле, прежде чем, я найду мое собственное жилье. На следующее утро мы на спортивной машине покинули наиболее странное советское поселение и крепость за рубежом, наше посольство.

Большое здание, оно было сборищем конспираторов. Посол, советники, секретари, атташе, торговые делегаты, корреспонденты ТАСС и другие газетчики, шифровальщики, бухгалтера, водители, курьеры, охранники, швейцары и так до последнего повара, все выглядели и вели себя как совершенные заговорщики, большинство из которых действительно было таковым. Возможно, даже я выглядел как часть общего, хотя, по меньшей мере, я старался не действовать подобным образом.

Как только я вступил на территорию посольства, то я почувствовал себя, будто нахожусь в маленьком Советском Союзе. Посол был Сталиным. Военный атташе был комиссаром обороны. Советник с того вечера прежде всего представлял собой НКВД. Даже секретарь партийной организации посольства действовал, как будто он является первым секретарем центрального комитета коммунистической партии Советского Союза.

Конспираторы поменьше рангом были разделены на две группы: ГРУ или военная и военно-морская разведка; НКВД или внутренняя безопасность. Последний был более сложным, чем другие две. НКВД был разделен на разведку и контрразведку. И контрразведка далее была разделена на секции СК, ЭМ и ИНО. Секция СК, советская колония, должна была выполнять задачу наблюдения за всеми советскими гражданами за границей – начиная от посла, кончая швейцаром. ЭМ, эмиграция, имела своей задачей проникновение в среду русских эмигрантов для вербовки и сбора информации об антисоветских организациях. ИНО, иностранный отдел, занимался иностранной разведкой.

Все советские (и другие коммунистические) посольства являются намного большими чем их западные партнеры (за исключением США и других стран, требующих pro rata или равную численность персонала в соответствующих миссиях). Причиной этого является местный персонал, рассматриваемый как имеющий потенциальный риск безопасности и неоплачиваемый в советских посольствах.

В результате берлинское посольство в те военные дни было очень большим, в особенности, когда Германия стала считаться как наиболее важная страна, подлежащая к постоянному наблюдению.

Поэтому количество конспираторов в пределах его стен было непомерно большим за счет людей, занятых планами шпионажа, подрывной работы и более темных дел, включая покушения.

Конспираторы находились в посольстве в пределах посольства, в реальной крепости. Эта секция занимала верхний этаж здания за мощными стальными дверями и окнами, зарешеченными стальными прутьями и стальными ставнями. Защищенные не только от несанкционированного входа, но даже от наблюдения как изнутри, так и снаружи, этот верхний этаж был местом, где находились все средства сообщения и дела конспираторов, где проводилась шифровальные и коммуникационные работы ГРУ и НКВД, где хранились все оружия, яды, секретные фонды и секретные письменные материалы. Здесь находились также печи для ускоренного сжигания всех хранимых материалов. На этом этаже работал и я, отсылая в ГРУ свои сообщения.

В то утро моего первого посещения этой маленькой крепости на чужой земле, она была полна моими коллегами «газетчиками» и «дипломатами». Все они ожидали прибытия Деканозова. Это было необычная коллекция людей, состоящая из маленьких групп, где шепотом сообщались друг с другом, а их начальники выделялись своими важными позами.

Прошел почти час перед тем, как появился сам посол. С его прибытием перешептывания немедленно прекратились и установилась мертвая тишина. Подобно маленькому царьку, он важно перечислил задачи, которые предстояло выполнить и дела, которых следует остерегаться, после чего безапелляционно отпустил всех. Это было абсолютно никчемное мероприятие или пустой тратой времени. Во всяком случае, мы все знали, что нам делать. Его приход был лишь показухой, устроенной для того, чтобы никто не забывал, кто здесь хозяин.

На этом сборище я встретил моего нынешнего начальника из ГРУ, военного атташе, генерала Тупикова. Он рассказал мне, что в апреле (приблизительно в тоже самое время мы получили сообщение из Праги), на основе информации из других источников, он сообщил Управлению, что около 180 германских дивизий сосредоточились вдоль советской границы. Он также сказал, что об этом должным образом информировал посла, но Деканозов это оставил без внимания, сказав, что это плод чьего-то воображения.

В это утро в посольстве я встретил также другого моего предшественника в четвертом отделе инженер-полковника Дмитрия Коновалова, которым так восхищалась одинокая женщина капитан Полякова. Он принял ссылку философски, не имел никакого чувства обиды ко мне и я нашел его весьма приятным и коммуникабельным человеком. Перед расставанием мы договорились о совместном обеде.

Мы встретились в пивном зале. Он работал под вымышленным именем, и его прикрытием была должность инспектора торговой делегации. Моя заинтересованность в нем была вызвана тем, что чехословацкий инженер на фабриках Шкода был его человеком, находящимся под его непосредственным контролем. Когда я ему рассказал о реакции Сталина на сообщение из Праги, то он ужасно удивился и сперва подумал, что я шучу. Он также был озабочен тем, что заявление Сталина, что это британская провокация, может быть истолковано так, что он имеет сомнительные контакты с иностранцами. По своей части я старался его убедить, что Голиков и все мы отнеслись к информации как искренней. Мы согласились, что не имеем никакой альтернативы, кроме как следовать приказу и продолжать расследование, которое потребовал Сталин. Однако, мы расстались с общим мнением: весьма безнадежно надеяться на то, чтобы убедить кого-либо на верхах, что эта информация верна, если ее отверг Сталин.

С основами моей реальной миссии на ходу, я затем фокусировался на моем прикрытии в качестве руководителя ТАСС. Я также нашел для себя жилье из двух комнат, около офиса, в квартире старой немецкой пары, которым понравился мой немецкий.

В дополнение к просмотру обычных новостей, я работал усердно по моей задаче определения, что сделало нацистскую партию крупной, что приблизило ее к германскому народу и в чем заключается источник власти Гитлера. Я сожалею, однако, что не сделал никакого прогресса по поводу побега Гесса. Я нашел поддержку сообщениям, что он был душевно несбалансирован, но я не верил никому, даже Гитлеру, что он знал, почему странный человек улетел в Британию.

Две работы, в качестве прикрытия и моя реальная миссия, занимали ежедневно много времени. Эти задания прерывались часто воздушными тревогами, хотя реально серьезной бомбежки не было. В результате я довольно сильно выдохся после первых моих нескольких недель в Берлине и обрадовался к пикнику, запланированному посольством в воскресенье, 22 июня, на берегу Балтийского моря.

Деканозов персонально разрешил выход на море и дал почти всему персоналу выходной.

В хорошем настроении я встал рано утром того воскресенья. Было тепло, но немного ветрено и день намечался быть очень хорошим. Мы договорились, что мой нквдэшник предшественник, находящийся все еще здесь, доставит меня на штеттинскую лагуну на своей спортивной машине. Довольно быстро я прошел пешком несколько кварталов от моего жилья до его квартиры.

На лестнице меня встретили офицеры гестапо. В это время человек НКВД и его жена выводились из дома. Полиция арестовала меня также. Они сказали, что Германия находится в войне с Советским Союзом.

Сначала меня доставили в мои комнаты. Обыскали их и все мои вещи, но, разумеется, ничего компрометирующего не нашли. Покончив со всем этим, мне разрешили взять чемодан с моей одеждой перед тем, как сопроводить в штаб гестапо.

Когда меня вели в это мрачное здание, аналог Лубянки, я подготовился к допросу, к возможным избиениям и пыткам. Я не ожидал, что меня выпустят отсюда.

К моему счастью, меня провел через здание во внутренний двор и там же оставили. Там я простоял четыре часа. Я был первым из десятков других советских, мужчин, женщин и детей, которые были арестованы в своих домах и доставлены сюда. Среди них был Коновалов, но не было Деканозова, советника, военного атташе или других высокопоставленных членов посольства. Коновалов сказал мне, что посол еще спал, когда его вызвали в германское министерство иностранных дел и вручили ноту об объявлении войны. Наши высокопоставленные чиновники к нам не присоединились в этом дворе. По-видимому, с ними обращались как с дипломатами, как свидетельствовали об этом их паспорта.

К концу дня к нам присоединились другие русские, среди них эмигранты, даже православный священник. Мы, советские, стояли вдали от них, не из-за политики, а из боязни, что среди них могут быть подставленные агенты гестапо.

Чем больше мы стояли, тем больше нас угнетало. Никто из нас не имел никакого представления, что нас ожидает в будущем. Все дети были напуганы и некоторые из них плакали, несмотря на старания их матерей как-то их успокоить.

Наконец, к концу полудня, во двор заехали автобусы с вооруженными эсэсовцами. Нам всем приказали сесть туда, за исключением эмигрантов, и повезли в лагерь, находящийся в двух часах езды от Берлина.

Мы здесь не были одни. Когда наши автобусы въехали в лагерь, то мы проезжали мимо бараков с английскими и французскими военнопленными. Эти люди, которые должно быть, построили и наши бараки и заранее знали о нашем прибытии 22 июня, приветствовали нас и пожелали добра, когда мы двигались мимо них. Я не имею представления, как другие советские думали об этом, но я, понял, что западные люди поддерживают нас в этой войне.

Около совершенно новых бараков нам приказали выйти из автобусов. Женщины и дети были разделены от мужчин и уведены в другое место. Нам, советским мужчинам, было приказано идти в барак, стоящий перед нами.

В бараке стояли ряды с рядами коек, сделанных из деревянных брусьев. Здесь мы, наконец, нашли то, чего с опаской ожидали задолго до этого. Каждому была предназначена своя койка. Я нашел свою с превеликим облегчением. Там было выведено «Николаев, Георгий Петрович, 1906 года рождения, Тбилиси». Если бы надпись отражала мои правильные фамилию, имя, отчество, ранг и организацию, то это означало для меня начало моего конца.

Затем нас вызвали во двор и построили в одну длинную шеренгу перед комендантом лагеря. Одного за другим проверяли и затем прочитали правила распорядка в лагере. Нам сказали, что наш дневной рацион будет состоять из двух кусков черного хлеба, квадратика маргарина, двух чашек эрзац-кофе, двух кусков эрзац-сахара и чашки супа, который как я обнаружил, был сильно разбавленным заменителем настоящего. Дали также материал для чтения, «*Völkischer Beobachter*», ежедневную нацистскую газету. Разрешили слушать новости, которые передавались по громкоговорителю, передающему специальные сообщения – *Sondermeldungen* вермахта с хвастливыми объявлениями о победах нацистов в нашей стране.

Усталый и обессиленный, я долго не мог уснуть в эту ночь. Я беспокоился за Тамару, одинокую в квартире около Кремля, являющуюся мишенью для нацистских бомбардировщиков. Как офицер-разведчик, меня выворачивало оттого, как Сталин, Маленков, Молотов и все остальные в руководстве страной проигнорировали наши предупреждения и, тем самым, открыли нашу страну для убийств и разрушений. Мой бог, нас благодарили за информацию вторичной важности, но когда мы достали действительно реально ценную информацию, никто даже не позволил подготовиться против вторжения. На следующее утро нас посетили представители Красного Креста, чтобы сказать нам, что, возможно, идут переговоры через третью сторону между немцами и советами по обмену нас на немцев, задержанных в Советском Союзе. Когда это случится? Никто не знал.

Позднее в этот день я перебрался несколькими словами с Коноваловым, с несколькими людьми из ГРУ и с некоторыми инженерами, которые были направлены в Германию под прикрытием торговых представителей. Мы решили, что если переговоры по нашему обмену не будут иметь успеха, то мы должны планировать побег в Швейцарию. Однако, мы также решили, что гестапо и абвер догадывались, что мы не обычные граждане, а являемся военными и разведчиками, и поэтому не должны показывать себя вместе, за исключением крайней необходимости.

Рано утром третьего дня нам опять приказали построиться в одну шеренгу перед нашими бараками. К этому времени нас было уже несколько сот человек, включая советских граждан, доставленных сюда из отдаленных частей Германии. Сзади нас стояли эсэсовцы с автоматами.

Сперва мы простояли так некоторое время. Затем появился комендант в сопровождении офицера гестапо с моноклем на левом глазу, высокий, худой мужчина в гражданской одежде и с шрамом от сабли на лице.

Гражданский начал медленно проходить вдоль нашей шеренги, как будто он обзирал почетный караул. Нам приказали смотреть ему лицо, когда он проходил. Он внимательно всматривался в каждого из нас, мимо которого проходил. Перед некоторыми из нас он отпускал замечания, которых гестаповец записывал в свой блокнот. Я подумал, что гражданский должен быть офицером-контрразведчиком, искавшим кого-либо, подобного мне и Коновалову. Я ошибся!

Обмен взглядами закончился, гражданский приказал нам спустить наши брюки и нижнее белье, встать, оголив наши половые органы. Я подумал, зачем они высмеивают и унижают нас?

Гражданский вновь пошел по шеренге, глядя теперь не в наши глаза, а на половые органы.

Одного за другим военные инженеры, десять из них, были выведены вперед перед шеренгой. Все десять были евреями.

Затем проверяли меня, последнего в шеренге. Мне также приказали выйти на три шага вперед.

Нас было одиннадцать в этой маленькой шеренге, десять евреев и я, мусульманин. Все мы были обрезаны. Записали наши имена. Все наши вымышленные имена были русскими, как у евреев, так и у меня.

Нашей маленькой шеренге дали название. Нам сказали, что мы евреи, составим отдельную группу среди интернированных советских. Нам сказали, что мы не имеем право есть вместе с нашими соотечественниками. В то время, как другие будут есть, мы должны были чистить отхожие места и туалеты. Другими нашими обязанностями были чистка барачных, подметание дорожек и полицейского участка.

Сперва я был жутко сердитым, но все же смог держать язык за зубами. Было бы бесполезно объяснять этим немцам, что не только евреи обрезаны, но также и мусульмане, плюс много христиан и атеистов, которые не по религиозным причинам, а по чисто гигиеническим были подвергнуты этой процедуре. И будет глупо привлечь больше внимания на себя. Кроме того, что плохого быть евреем? Что с Тамарой, с моей любовью? Я не могу выразить, как я был счастлив, что она была дома, несмотря на бомбы или без них.

Я сдерживал свой темперамент почти неделю, когда вдруг в один из вечеров начала июля перед нашими бараками скопились автобусы. Нас собрали; комендант сказал нам, что нас обменяют через Турцию на немецких граждан, схваченных в Советском Союзе.

Всех нас, обрезанных советских, десять евреев и одного псевдо-еврея, отвезли назад в Берлин. На станции на Фридрихштрассе нас загрузили в сильноохраняемый специальный поезд, направляющийся на юг. На платформе станции состоялось воссоединение. Здесь нас ожидали Деканозов, советник, военный атташе и все «дипломаты», которые подвергались к интернированию под защитой посольства. Почти перед тем, как поезд начал трогаться, специальное подразделение гестапо посадило на поезд моего предшественника, кавалериста с женой. Он прошел через более чем чистку отхожих мест, находясь под непрерывными допросами в гестапо и был сильно избит. Хотя никто из нас особенно его не любил, и не потому, что он был евреем, для нас он стал настоящим героем.

Через несколько дней после того, как мы проехали Софию и приближались к болгаро-турецкой границе, наш поезд остановился на маленькой станции. Когда он вновь начал двигаться, он, оказался, шел назад, в Германию. Каждый был озадачен. Я даже больше, я был встревожен. Нет, никогда в лагерь с моим обрезанием. Я был скорее готов выпрыгнуть с поезда и попытаться идти к партизанам в горах Болгарии или Югославии.

Через несколько минут германский офицер, ответственный за поезд, объявил, что мы возвращаемся в Нис, через югославскую границу. Здесь мы должны были дожидаться еще двух поездов с советским персоналом, прибывающим из Италии и Франции правительства в Виши.

Двумя днями позднее все три поезда отправились на восток, прямо к турецкой границе. Затем наступил действительный, физический процесс обмена на основе один на один, не считая их подопечных.

Турецкими и болгарскими корпусами связи была устроена коммуникационная линия длиной более чем 1500 километров, связывающей болгаро-турецкую и советско-турецкую границы. По этой линии шли подтверждения, что советский человек перешел в Турцию на западе, а немецкий человек - через советскую границу на противоположной стороне Турции.

Это был долгий, нудный процесс, в который было вовлечено около пятисот человек с каждой воюющей стороны. В течение нашего ожидания, я обратил свое внимание на то, что цифры для обмена показывали превосходство немцев почти три к одному, демонстрируя тем самым их преимущество в разведывательном отношении.

Наконец, обмен был завершен и турки доставили нас на автобусах в Эдирну. Здесь, перед посадкой на поезд, идущий в Стамбул, интернированным дали первую хорошую еду за все прошедшие две недели.

Рано утром следующего дня в ясную и солнечную погоду мы прибыли в Стамбул, город моих юношеских грез. Ах, Стамбул, мысленно восклицал я, вглядываясь с чувствами удивления и счастья, как голубы твои воды в Мраморном море, как прекрасны твои многочисленные минареты, устремившиеся в небо, как прекрасны твои мечети, базары и современные улицы, полные людей. И какой долгий и мучительный путь понадобился мне, чтобы дойти до тебя.

Здесь, в Стамбуле, была собрана вся масса советских возвращенцев из Франции, Германии и Италии. Все, кто был из Франции и Италии, также большинство из Германии, были посажены в другие поезда через несколько часов после прибытия и отправлены назад в Советский Союз.

Остальные из нас, во главе с Деканозовым, были доставлены в летнюю резиденцию посольства в Буюк-Дере на Босфоре. Для граждан почти любой страны, это было бы приятным шансом посмотреть

Стамбул, но для нас, советских, это было не более чем уютным интернированием. Посол не разрешил никому, за исключением себя и своего советника, покидать территорию, по-видимому, боясь, что кто-то мог и не возвратиться назад.

Меня, почти немедленно, повезли познакомиться с послом Сергеем Александровичем Виноградовым. Впервые после отъезда из Москвы ко мне обратились по моему настоящему имени и отчеству. Посол сказал также, что Начальник Управления прислал инструкции, чтобы я остался в Турции для дальнейшей работы здесь.

Этот посол являлся контрастом по отношению к Деканозову. Выпускник Ленинградского Университета и института красной профессуры, он был высоким, стройным и симпатичным и выглядел городским человеком. Несмотря на связи с НКВД, он в действительности был похож на дипломата и действовал как дипломат высокого ранга. Вместо крика, он улыбался, когда он напомнил мне директиву, что с ним следует консультироваться и держать его в курсе дел о всех моих планах ГРУ и операциях, короче говоря, дал знать, что он является здесь настоящим хозяином.

После окончания нашей беседы он даже привез меня в свою квартиру и представил к своей жене, Евгении Александровне, очаровательной женщине.

Я должен был сохранить свои тасовскую фамилию, Николаев, но получил работу прикрытия в качестве пресс-атташе. Моя постоянная резиденция должна была находиться в Стамбуле, поскольку большинство турецких газет издавались здесь. Когда я получал эти инструкции, я вынужден был напомнить себе, что это не грезы. Все, через чего я прошел, даже унижения в лагере для интернированных, внезапно показалось мне стоящим этого момента. Я не смог бы получить лучший приказ, если бы даже сам писал его для себя.

В основном, моей задачей была организация разведки против Германии. Я должен был работать из Стамбула, не только для целей прикрытия, хотя они также были важны, но из-за того, что он был огромным космополитическим центром с европейцами различных национальностей и политических взглядов, многие из которых были беженцами войны. Среди них было естественно вербовать людей для наших операций. Эти люди составляли основное ядро моих нелегальных резидентов.

В то же самое время я искал других бездомных европейцев, поляков, чехословаков, югославов, французов, итальянцев не только в Турции, но также на Среднем Востоке, людей, желающих вернуться на свои родины и сражаться с немцами, присоединившись к подпольным организациям.

Мне также поручили несколько специальных и срочных операций. Одной из них было сотрудничество с сетью нашего военного атташе в установлении и снятий карт пригодных мест для тайников около Анкары, Стамбула, Измира и других населенных районов, а также сельскохозяйственных районов к западу от советской границы. Эти тайники должны были стать будущими складами для малокалиберного автоматического оружия, коммуникационного оборудования и денег для возможного их использования партизанами. Это был стандартный метод действий ГРУ в каждой стране, но он еще не использовался в Турции.

Другая специальная задача касалась лишь одной Югославии. Мой начальник улыбался, когда он меня знакомил с ней и сказал, что ГРУ следовало заставить меня прыгнуть с поезда и присоединиться к партизанам. Я в ответ улыбнулся, но не сказал, что однажды такая мысль у меня уже появилась. Такой шанс был упущен, теперь надо было найти офицеров, дезертировавших из югославской королевской армии в Турции и других пограничных странах и уговорить их отправиться в Москву. Там их потренируют как партизанских командиров и затем сбросят на парашюте в югославские горы для руководства партизанскими подразделениями.

Я также должен был ознакомиться с другими сетями ГРУ, действовавшими в Турции и установить с ними взаимодействие. Поскольку Турция была индустриально неразвитой страной, их здесь было не так много. В самом деле, в дополнение к моей задаче по установке связи и задачи военного атташе, было и другая задача. Третью операцию проводил из Стамбула Александр Акимов, бывший пехотный комиссар с превосходным знанием турецкого и персидского языков, чьим прикрытием была должность генерального консула.

Прямо перед отбытием из Анкары в Стамбул, мое прикрытие было немного подорвано. Прибыл новый главный резидент НКВД Леонид Наумов, толстый и неприятный мужчина. Он высокомерием замещал отсутствие интеллекта и хвастался, что получает инструкции прямо от Сталина и Берии. У этого типа мораль была не на слишком высоком уровне. С ним из Москвы приехала молодая девушка-блондинка под видом его секретарши, но в действительности она была его любовницей. У него для каждого было припасено подлое словечко, даже для Виноградова, типа, «вместо шляпы по церемониальным случаям, этот мелкий человек, называющий себя послом, лучше бы носил на голове бочку». Он мог взять любое прикрытие, которого только пожелал, но решил, поскольку мы были почти открыто враждебны друг к другу, стать пресс-атташе. Это обстоятельство ставило нас в маскарадное положение, его в Анкаре и меня в Стамбуле. В качестве главного резидента НКВД он также имел офис в моем городе, также в консульстве.

Как будто этого было недостаточно, он постарался сделать так, чтобы мне было трудно поддерживать эффективное прикрытие. Я сделал все, чтобы установить хорошие взаимоотношения с местными и иностранными газетчиками. Он же был груб со всеми ими, и его несоответствие к прикрытию было настолько очевидным, что многие недоуменно поднимали брови.

Поведение Наумова, хотя и оно меня раздражало, было типичным, чем исключительным, для обычных взаимоотношений между двумя службами разведки здесь в Турции. За исключением посла, у которого

тоже были проблемные моменты, и нескольких моих друзей из ГРУ, почти каждый резал каждого, не останавливаясь ни перед чем, не исключая клевету, ложную информацию в НКВД и партию, подлого обмана. Разумеется, все это отражалось на результатах разведочных сообщений. Немногие рисковали прикладывать к ним данные анализа, объективного подхода. Вместо этого, факты, часто добытые великими усилиями и риском, скручивались так, чтобы доставить удовольствие мнениям наших высоких начальников как в Турции, так и в Советском Союзе.

Как ожидалось, должности в посольстве, начиная с посла до водителей и швейцара, удерживались людьми НКВД или ГРУ, независимо оттого, какие бы они не имели титулы в дипломатическом списке. Тогда в Турции, однако, и лишь потому, что шла война, ГРУ имело небольшое численное преимущество, но оно было достигнуто за счет отдачи постов с большей властью НКВД. Такое же соглашение было заключено по отношению к консульству в Стамбуле, в действительности, к придатку посольства, и к другим консульствам в Карсе, Эрзеруме и в других городах.

Скоро я нашел двух людей из этой обоймы, с которыми мог ладить и с которыми мог разговаривать открыто. Одним из них был Акимов, который называл Наумова «грязная пена» и питал к нему отвращение за пренебрежение Красной Армией. Другим был майор Иван Бухтин, веселый, круглолицый помощник военного атташе и в одно время мой сотрудник в Управлении. Будучи мудрым в делах политического выживания, Бухтин был нашим проблемным ребенком. Он схватил венерическую болезнь у так называемой актрисы на поезде Москва-Анкара и должен был лечиться у местных докторов. Именно, он получал порицание за плохие ошибки во время учебы водить машину. Именно, он всегда подсматривал за девочками кабаре, пока не попал в беду.

Азартные игры, женщины были слабостями Акимова, хотя он был весьма способным офицером. У него была непривлекательная, сварливая жена. К тому же, многие были уверены, что она является доносчиком НКВД. В свете этого были понятными его стремление держаться вне дома и его грешки. Мы составляли странное трио, где я был жестким моралистом, веселый Бухтин и старый плут Акимов. Тем не менее, мы были близки и могли положиться друг на друга.

В августе года начала этой ужасной войны я получил долгожданное письмо от Тамары, первое от нее, хотя сам писал не менее чем два раза в месяц. Ее письмо было во всех отношениях очень тревожным. На нем стоял штамп Первоуральска, города в свердловской области, на Урале. Письмо было очень коротким. Все что она написала, это о том, что ее эвакуировали из Москвы, не объяснив причины. Последние строки выглядели как: «Я никаких писем не получила от моих родителей в Полтаве и беспокоюсь, что с ними случилось. Чувствую себя больной и одинокой...».

Согласно нашему маленькому шифру, о котором мы договорились, чтобы обходить цензуру НКВД перед отъездом в Германию, любая ссылка на ее родители должна была означать, что она хочет присоединиться ко мне. Мы ничего не включали по поводу «больная и одинокая». Все, о чем я мог догадаться, это то, что она действительно больна и нуждается во мне. Я мог представить ее напуганной войной, отправленной в странное место в горах, где нет ни родственников, ни друзей, может быть, даже без надлежащего жилья и достаточной еды.

Скоро, насколько это было возможно, я отправил сообщение к Начальнику, умоляя его, чтобы он предпринял меры и отправил Тамару ко мне.

Мой друг Бухтин сочувствовал этой идее, но был скептичен по поводу того, что Тамаре могли бы разрешить приехать сюда. Он сказал, что красная лента на приказе для ее приезда всегда возможна, но во время войны скорее всего это невозможно. Он напомнил мне, что ему не разрешили привезти его жену и детей. «Нет», заключил он, «НКВД держит их как заложников. Только Наумов может привезти свою любовницу. Наши бедные жены! Потерянные где-то, на далеком Урале, возможно, голодные, печальные, больные, возможно, вынужденные работать на полях для поддержки производства в колхозах».

Он оказался прав. Я направил второе сообщение, третье, к Начальнику. Ни на один из них не получил ответа, также не получил больше никакой вести от Тамары.

Я становился безумным, но благодаря добродетели, работа навалилась на меня горой, и я должен был делать ее почти в одиночку. Моя легальная резидентура была практически почти беспомощна. Эта организация состояла из двух полковников и секретарши. Два офицера изображали из себя корреспондентов ТАСС и проводили большую часть своих усилий и время за вином и обедами с турецкими газетчиками, действуя, как будто они являются настоящими корреспондентами. Девушка был не столько полезна, даже для так называемого пресс-атташе. Она была выпускницей школы для нелегалов в Москве. «Нелегалы» являлся нашим термином для групп советских разведчиков, работающих с несоветским персоналом и снабженных фальшивыми документами, поэтому без защиты со стороны официальных советских учреждений. Нелегальная резидентура также была вовлечена в вербовку иностранных агентов и в дальнейшую с ними работу. Секретарша могла быть более полезной для помощи мне с нелегальной резидентурой, но она была назначена туда, где она сидела.

Недостатки моей легальной резидентуры были более чем компенсированы успехом в нелегальном поле. (Нормально я не должен был работать одновременно с легальной и нелегальной резидентурами, но шла война). В основном, моими нелегалами были международные странники. Некоторые работали за деньги, некоторые из-за идеологических или националистических соображений. Другие были завербованы в Советском Союзе за цену отъезда оттуда или из оккупированных им территорий. Наиболее способными из них была команда швейцарского происхождения, состоящая из мужа и жены, оба имеющие бразильские паспорта. Он был профессиональным фотографом, что является

превосходной целью для агента. Она была профессиональной гувернанткой и учительницей, с превосходным знанием немецкого и французского языков, моя кандидатка для устройства жилища германскому военному атташе. Я встретил их в ресторане, добился их проверки центром и быстро завербовал их с помощью поразительно работающих американских долларов. Сначала я им поручил связаться с немцами в Стамбуле, в особенности, с теми немцами, которые были связаны с клубами по автотуризму, являющимся хорошо используемым прикрытием нацистских тайных операций. Позднее я отправил их в «отпускное турне» в Германию, через Болгарию, Югославию и Австрию, для составления сообщения о военном, политическом и экономическом положении в этих странах. Их главной задачей, которую они выполняли хорошо, была доставка мне подлинных германских документов, паспортов, свидетельств о рождении, талонов на питание. Центр нуждался в этих документах для приготовления приемлемых подделок для других нелегалов, направляемых в Германию.

Одним из моих наиболее трудных нелегалов, но компетентных, была русская девушка, путешествующая с польским паспортом. Дочь богатой русской семьи, которая бежала в Латвию во время большевистской революции, она была завербована, когда Латвия была «освобождена», затем обучена в Москве и отправлена в Стамбул. У нее в голове не было никаких политических идей, но она была красивой, блондинкой, стройной и живой, и возможно, воображала себя Мати Хари. Она была превосходной для внедрения в бары и ночные клубы в качестве охотницы за мужчинами, имеющими агентурный потенциал. Так, она нашла для нас много новобранцев, некоторые из которых были просто отличными.

Другая из моих девушек вызвала мою симпатию и уважение. Она была настоящей беженкой, австрийской еврейкой, которая каким-то образом сумела получить турецкий паспорт. У нее были большие, умные, карие глаза, тщательно ухоженные каштановые волосы и милое лицо. Она напоминала собой молодую ассистентку университетского профессора. Ее немецкий, естественно, был отличным, таким же был и английский, она также знала немного французский язык. Она была прозападной и не имела никаких иллюзий по поводу коммунизма. Ее мотивацией была ненависть к немцам, и она не имела никакого интереса делать деньги за счет шпионажа. Я использовал ее в качестве наводчицы, в отелях и хороших ресторанах и также для проверки немцев. Она не хотела раскрывать, что она еврейка, и они об этом не догадывались и любили ее.

Я помню чехословацкого журналиста на дне мешка с неудачниками. Он также был соответственно мотивирован, работал за нас из-за своей ненависти к немцам. Был там также голландец, не коммунист, просто путешественник. Он показывал себя как идеалист, но одновременно не забывал требовать доллары.

Тем не менее, моя начальная работа в эти месяцы, задача, которая казалась легкой, была с югославами. Я начал ее, официально позвонив и совершив визит вежливости к их консульству под моим прикрытием в качестве пресс-атташе. Хотя это учреждение все еще управлялось югославским королевским правительством в изгнании, меня приняли тепло и обращались со мной весьма вежливо. Генеральный консул, старый джентльмен, принял меня, затем направил к своему помощнику Владимиру Перичу, бывшему офицеру Генштаба королевской югославской армии. Оба были прекрасными людьми, посвятившими себя к изгнанию немцев из своей страны.

После первой встречи я пригласил Перича на обед. Затем он пригласил меня. После этого мы еще встречались за обедами и ужинами. Я был склонен думать, что мы стали друзьями. По меньшей мере, я так чувствовал.

После этого я сообщил центру о своем прогрессе. Ответ гласил, чтобы я продолжал со своим планом, но предупреждал: «Никогда не доверяйте англичанам». Предупреждение было сделано по поводу английских офицеров, среди которых я знал много умных людей, с которыми меня познакомил Перич, о чем я также поставил в известность центр.

Получив одобрение из Москвы, я должен был говорить открыто с Перичем. Я говорил ему, что мы заинтересованы в специальных тренировках для ведения партизанской войны в Югославии для югославских офицеров, вынужденных бежать на Средний Восток и дать им возможность добраться в Югославию для борьбы с немцами. Перич реагировал с энтузиазмом. У него было около 5-6 полковников, бывших членов Генштаба, застрявших в Ираке, хороших солдат, которые были готовы использовать свой шанс для борьбы. Вышло, что сам мой югославский друг ждал, когда я сделаю ему такое предложение, и удивлялся по поводу моей задержки.

В течение недели мы не только обнаружили, но и доставили в Турцию офицеров. Когда они находились в пути, я оповестил об этом посла, чтобы он мог стать одним из участников операции. Он затем персонально устроил все, назвав это как «Посылка югославских офицеров в Москву через Анкару» и был очень мне благодарен за это. Москва была также довольна и присвоила мне звание подполковника. Виноградов отметил мое продвижение и свою похвалу с лучшей водкой в мире, польской, а не русской.

К тому времени уже наступила осень и приближалась годовщина революции. Консульство сделало из этого крупное мероприятие в качестве праздника в первый год войны. Для празднования были приглашены губернатор Стамбула, высокопоставленные офицеры полиции, местные члены парламента, интеллектуалы, руководители бизнеса и профсоюзов, редакторы газет и корреспонденты, представители союзников, фактически, все важные люди в Стамбуле, за исключением представителей членов держав оси.

Были разосланы специальные курьеры из Анкары для доставки многих ящиков водки, советского шампанского и черной икры. Также были отправлены повара из посольства для приготовления жареного мяса, дичи и разных сортов закуски.

Прибыл повар другого сорта, также. Явился Наумов, чтобы инструктировать каждого советского в Стамбуле, по общей процедуре в советском посольстве и консульствах по всему миру, о социальной (фактически, разведывательной) роли, которую каждый был обязан играть с указанием конкретного объекта. Первоначально, разумеется, список гостей был проверен НКВД и ГРУ.

Каждому из нас был назначен свой гость, на котором следовало концентрироваться, было определено, о чем с ним говорить, что спрашивать, какие делать комплименты, кого игнорировать, кому следовало демонстрировать презрение, кого следовало накачать водкой.

Для специального задания Наумовым был выделен молодой вице-консул, человек тюркского происхождения. Этот бедный товарищ, один из наших офицеров ГРУ, получил задание не экономить водки для своего объекта, Ахмеда Демира, заместителя начальника полиции Стамбула, у которого следовало выудить информацию, интересующую НКВД.

К несчастью Наумова, что я с удовольствием вспоминаю, его план дал весьма чувствительный обратный эффект. Именно грузин, а не турецкий полицейский, напился допьяна. Именно турок выудил у него нужную ему информацию. Он смог привести отупевшего офицера ГРУ в свою квартиру на верхнем этаже здания напротив консульства и оттуда совершить хороший обзор совершенно секретной части этого учреждения.

Через несколько дней после этой хорошей вечеринки и хорошего фиаско Наумова, в последний день ноября, я проснулся поздней ночью от телефонного звонка. На связи был Виноградов и он сказал, чтобы я прибыл следующим поездом в Анкару.

Когда я вошел в кабинет посла, то заметил, что он необычно нервничает. Едва ответив на мое приветствие, он вручил мне кусок бумаги, короткую, расшифрованную телеграмму из центра. Там было написано: «Ваша жена внезапно скончалась. Надеемся, вы будете работать даже сильнее во имя своей Родины. Начальник».

Я прочитал еще раз. Я думал, что теряю сознание. Я схватился за кресло, чтобы удержаться. Бедная, мертвая Тамара. Как ты умерла там в дали, в холодных Уральских горах? Почему? Что случилось? Тамара, Тамара. Одинокая, без родителей и без сестры рядом.

Почему телеграмма отправлена послу, а не мне? Допрашивали ли и мучили ли они ее?

Вдруг я вспомнил ужасные слова прощания о евреях от заместителя Голикова. Что это означало? Бедная, бедная Тамара. Были ли твоими последними словами крик по адресу палачей НКВД, «Жандармы, я вас презираю»?

Было ли это так, но они не стали писать о том, как ты умерла? Моя милая жена, как жесток мир, как ужасно, что я не смог тебя вывезти...

Когда я овладел собой, то спросил, потребовал, чтобы Виноградов разъяснил телеграмму. Он ответил, что он ничего не знает больше того, что я знаю. Я умолял его получить информацию о ее смерти. Он пообещал сделать все, что может.

Затем он взял меня к своей жене, и та успокаивала меня. Она была хорошей женщиной.

В эту ночь Бухтин посадил меня на поезд, идущий в Стамбул. Он был добр, но ничем не мог мне помочь. В окно вагона, когда поезд тронулся, я бросил последний, беглый взгляд на лицо Бухтина. Даже его лицо было лицом русского. Я был нерусским. Тамара была нерусская. Благодаря богу, у нас не было детей. Больше никого у меня уже не было в этой большой, жестокой стране. Тамара! Тамара! Спи с миром.

РЕШЕНИЕ

Первым делом, которое я сделал по возвращению в Стамбул, это было написание письма к Начальнику с просьбой о разъяснении причин смерти моей жены. Я не получил ответа на это письмо, как и на все последующие с аналогичной просьбой. Такая же реакция последовала со стороны Виноградова. Через неделю после получения извещения о смерти моей любимой жены, моего единственного близкого человека во всем мире, радио возвестило о вступлении Соединенных Штатов Америки в войну.

На следующий день я отправился в генеральное консульство США. Там меня принял сам генеральный консул. Это был старый джентльмен, хрупкий и маленький человек. На улице стояла холодная погода, а здесь приветливо горел огонь в камине его кабинета. Мы просидели около камина почти час, покуривая и беседуя. Больше говорил я. Назвал ему свое настоящее имя, настоящую работу и настоящее происхождение.

Затем я сказал: «Сэр, я физически здоров и являюсь по профессии инженером. Я должен продолжать сражаться, поскольку мы все объединены в борьбе за жизнь против общего врага. Однако, у меня более нет никакого желания служить Советам. Гитлер и Сталин оба диктаторы. Нет никакой разницы между гестапо и НКВД.

У меня также нет желания уклониться от своей доли участия в этой войне. Я офицер генштаба и хочу воевать на вашей стороне, за ваши идеи. Можете ли вы мне помочь?»

Когда я закончил, старый джентльмен немного посидел молча. Затем он повернулся ко мне. Его глаза, казалось, выражали сочувствие ко мне. Он меня услышал и понял, сказал он. На этом он встал, подождал, когда я встану со своего места. У дверей он добавил, что у него нет ничего, чтобы ответить по существу. Я никогда больше не слышал что-либо от этого старого джентльмена. Однако, я также ничего не слышал от НКВД о моем визите в американское консульство.

Вступление американцев в войну также добавило мне работу по моему прикрытию в качестве пресс-атташе. В Турции в это время находилось несколько американских корреспондентов, однако, до этого никто из них не посещал меня. Теперь они хотели знать о страданиях советских людей, о сражениях Советского Союза, о положении в экономической и политической областях. Они хотели знать о моем мнении по поводу будущих перспектив и об американо-советском сотрудничестве.

Увы, хотя я хотел быть честным и искренним, но у меня не было ничего утешительного для них. Я им не мог говорить, что Советский Союз не изменил и не изменит в будущем свою позицию по отношению к США и Великобритании только потому, что мы оказались на одной стороне фронта против Германии. Все, что я мог им говорить, это то, что любой союз с западными державами будет лишь временным союзом.

Наступивший новый 1942 год я отмечал в консульстве в кругу советского персонала. Здесь я совершил ошибку, напомнив мою проблему по поводу американских корреспондентов. Я спросил моих «товарищей», не наступило ли время позабыть старые взгляды и начать строить действительную дружбу с представителями западных держав, находящихся в Турции, в особенности, с учетом того, что мы уже воюем вместе. Я хотел знать, почему это неправильно иметь американских и английских друзей тогда, когда мы находимся в дружбе с нашими малыми союзниками, как Югославия и Чехословакия. Тут выступил с ответом Наумов. Он почти зарычал: «Позабыть старые взгляды? Я удивляюсь, понимаете ли вы вообще линию партии? Позабыть, как американские финансовые магнаты помогали вооружать и строить германскую армию? Позабыть о тесных связях между тиссенами, круппами и Уолл-стритом? Вам лучше не следует забывать, что Соединенные Штаты являются наиболее богатой, наиболее мощной из всех капиталистических стран, и они являют собой классический пример империализма и поэтому всегда будут нашим врагом номер один. Да, теперь, временно мы являемся союзниками. Эта вещь временная и только до тех пор, пока мы не победим Германию. Затем, в один прекрасный день, нам будут противостоять Соединенные Штаты Америки в качестве нашего главного врага. Вы можете пить вино и обедать с вашими американцами и англичанами. Улыбайтесь им в лицо и обращайтесь с ними вежливо. Это прекрасно. Но никогда не забывайте, что они наши завтрашние враги».

Эта риторика всерьез встревожила меня. Здесь, разумеется, не было ничего нового. Новое было в том, что Наумов выделил меня для такого рода взрыва. Я должен быть более осторожным, иначе он скоро обвинит меня в политической неблагонадежности.

С этого времени я старался обходить американских корреспондентов и побольше контактировать с турецкими дикторами и корреспондентами. Наумов не мог критиковать меня за это, за единственную часть работы по моему прикрытию. Подобная работа вынуждала меня ходить в рестораны, кабаре, музеи, театры, мечети и университеты, которые были для меня не только удовольствием, как туристу, но они были также полезны офицеру-разведчику для целей исчезновения с виду, для нахождения мест встреч и вербовки.

Тем не менее, это было не все. Я действительно любил находиться в компании с турками. В конце концов, они были моими людьми, ближайшими для меня людьми из всех, когда у меня не было ни моей семьи, ни Тамары. Часто моих турецких знакомых забавляло слышать мой правильный турецкий язык с татарским акцентом.

Некоторые турки даже настаивали, что я есть настоящий турок, один из *Ана Ватана* (Туркестан) и спрашивали меня о тюркских народах в Советском Союзе. С улыбкой я напоминал им, что моя фамилия Николаев является чисто русской, но большинство считало это не важным и настаивало на том, что у меня турецкая кровь.

Чем больше я видел Турцию, и чем больше я узнавал ее народ, тем больше я восхищался ими. Я мог понять отца, отказавшегося воевать с турками, и благодарил бога, что мне не приказали шпионить против них. Это было бы равносильно шпионить в своем собственном доме и в собственной семье. Тем не менее, однажды я жутким образом был близок к этому по отношению к туркам. В это время, как Запад, так и державы оси, ухаживали за Турцией изо всей мочи для того, чтобы изменить ее нейтральный статус. Как англичане, так и немцы, приглашали турецких журналистов в свои страны и в свои вооруженные силы. Я предложил сделать то же самое со стороны Советов; позволить туркам видеть, как Красная Армия сражается против немцев и в то же самое время укреплять торговые и культурные обмены.

Такое предложение никогда не было принято. Вместо этого, Виноградов вызвал меня в Анкару после его получения и сказал: «Товарищ Николаев, официально для нас Турция является нейтральной страной. Заметьте, что я сказал, официально. В действительности, Турция не только держится за германскую сторону, но даже помогает ей. По этой причине Турция является нашим врагом и однажды она за это заплатит. Запомните это. Пока нашей задачей является склонить на нашу сторону турецкое общественное мнение. Как пресс-атташе, вы имеете здесь свою роль. Вполне возможно, что в будущем ваша сегодняшняя роль потерпит корректировки для выполнения других, более специфических задач тайного характера».

Скоро после того, как мне были даны совет и предупреждение, Турция была потрясена попыткой покушения, которая значительно могла изменить ее международное положение, если бы она удалась. Это был вопиющий акт терроризма, который не смог изменить течение войны и привел к серьезному ухудшению советско-турецких отношений и поставил меня, лично, в чрезвычайно опасное положение. 24 февраля 1942 года была предпринята попытка убийства германского посла, известного нациста Франца фон Папена и его жену, когда они прогуливались около своей официальной резиденции в Анкаре. За ними следовал мужчина с бомбой, спрятанной под его одеждой. Бомба взорвалась преждевременно и покушавшийся был разорван на куски. В десяти метрах от него супруги Папены обошлись не более чем шоком и несколькими синяками, к их счастью и к счастью турецкого правительства.

Турецкая полиция и силы безопасности среагировали без промедления и весьма эффективно. К концу дня уже мертвый террорист был опознан как турецкий студент-юрист, который родился в Югославии, тем самым почти повторив подобный акт перед началом Первой мировой войны. Турецкого происхождения, он бежал из Югославии накануне вторжения нацистов, стал турецким гражданином, но сохранил свое членство в югославской коммунистической партии. Были схвачены также три его сообщника. Двое из них были турко-югославами с аналогичным происхождением и членством в компартии. Третьим был советский НКВДшник Корнилов, действовавший под прикрытием члена торговой миссии.

Это было все, что сообщили большинству общественности об этом возмутительном акте, когда я отправился в наше консульство к вечеру злосчастного дня покушения на фон Папена. Когда я подошел к зданию, то увидел, что оно окружено турецкой полицией, как в гражданской, так и военной одежде. Я должен был показать свое личное удостоверение турецкой полиции, чтобы пройти в здание. В нем персонал консульства действовал так, как будто он находится под осадой.

Акимов мне сказал, что еще другой заговорщик, Павлов, был вовлечен в заговор в Анкаре и скрывался на верхнем этаже консульства. Он был человеком НКВД с прикрытием младшего помощника консула. Акимов не мог терпеть его и сразу сказал, что он есть головорез, один из наиболее важных работников наших «соседей» из-за его большого опыта в «мокрых делах». Мой друг добавил, «я догадываюсь, что они варят что-то чрезвычайное».

Было неудивительно, что полиция была у дверей. Они не могли проникнуть в здание из-за его дипломатического статуса. Однако, и второй убийца из НКВД не был в состоянии его покинуть. Эта осада продолжалась в течение двух недель. Как в консульстве, так и в посольстве царил жуткий хаос, и не о какой работе невозможно было вести речь. В Москву были отправлены длинные сообщения. В ответ пришли длинные сообщения из Москвы. Наумов кричал, что он никогда не отдаст свое создание. Акимов хотел прекратить ругань и постоянно повторял: «Вы не можете идти против закона». Виноградов был уравновешен, пытаясь выиграть время у турков и дожидаться решающего слова из Москвы.

Наконец, 7 марта, пришел приказ отдать убийцу туркам. Наумов проиграл свой бой, но выиграл достаточно времени, чтобы подтренировать своего человека к расследованию и суду.

Суд начался 1 апреля и продолжался до 17 июня 1942 года. Два турко-югославских обвиняемых полностью признали свою вину. Он свидетельствовали, что человек из НКВД их завербовал в Анкаре и Стамбуле, обучил их убийству фон Папена и снабдил взрывчаткой. Эксперт из НКВД, который скрывался в консульстве, настаивал, что он болен ревматизмом и лежит в постели в консульстве еще до покушения, и твердил это до тех пор, пока не вынужден был сдаться туркам. Турецкий медицинский персонал оспаривал эту ложь тем, что установил, что обвиняемый находится в достаточно хорошем состоянии здоровья, и никогда не страдал от ревматизма. Это и также свидетельство двух турко-югославов были достаточными для суда. Разумеется, человек из НКВД отрицал свою вину и получил двадцать лет тюрьмы. Два других обвиняемых получили сроки поменьше.

За неделю или две перед началом судебного процесса в Стамбул прибыл Виноградов, чтобы повидаться со мной. Сначала он действовал так, будто остановился в моем офисе для дружеской беседы, он начал, что, мол, все еще пытается получить новости о Тамаре, однако, скоро перешел к делу, для которого, собственно, он и пришел ко мне. Он сказал:

«Товарищ Николаев, я собираюсь дать вам новую работу. Она является секретом особой важности и одобрена товарищем Молотовым. Вам поручается вербовка владельцев и главных редакторов широко известных турецких газет, пользующихся большим уважением. Выбирайте из таких знаменитых людей, как Ахмет Эмин Ялман из «*Vatan*», Фалиха Рифки из «*Ulus*», Хусейна Кагит Ялчина или Юнус Нади из «*Cumhuriyet*». Не утруждайте себя с Зекерия Сертелом из «*Tan*». Он в любом случае просоветский человек. Вербуйте любого из тех четырех, о которых я говорил. Любыми средствами. Подкупом, обращениями, чистыми или грязными путями. Пообещайте горы выгоды за сотрудничество с нами. Наша партия и правительство нуждаются в контроле над известными фигурами в мире новостей, которые могут мобилизовать турецкое общественное мнение в пользу Советского Союза.

Так, наконец, это свершилось. Я не могу сказать, что он не предупреждал меня еще заранее в то время, когда он учил меня о том, что турки являются нашими врагами, которые, я знал, останутся таковыми, несмотря на новую, «временную» позицию.

На время я откинулся назад на моем кресле, обдумывая сказанное. Я знал, что должен действовать лицом к лицу и произнес:

«Это легче говорить, чем делать, товарищ Виноградов и я отказываюсь выполнять вашу новую работу по нескольким причинам. Во-первых, как вы знаете, я уже имею работу, которую поручил мне мой Начальник, по проведению стратегической разведки против главных врагов Советского Союза, против Германии. Во-вторых, я не могу одновременно выполнять две работы. В-третьих, вы не можете купить турков. Они очень гордый народ. В-четвертых, эта работа для Наумова или для вас. Это политический шпионаж, основная область моих «соседей». Наконец, до тех пор, пока не получу приказа от Начальника Военной Разведки, я ничего делать не буду».

Мой бог, как он свирепел. После каждого пункта моего отказа, его лицо становилось бледнее и бледнее. В конце конов, он встал, стукнул кулаком по столу и закричал: «Я приказываю вам выполнять эту работу. Если вы откажетесь, то я сообщу в Москву».

«Делайте, что хотите, товарищ, ответил я, «и запомните, я не ваш подчиненный. Пожалуйста, зарубите у себя на носу, что я офицер Генерального штаба и никогда больше не кричите на меня». Мое терпение тоже выдыхалось.

Он встал, пошел к двери и с треском ее захлопнул. Это было концом наших приятных отношений. Прошли недели. Я был занят так, что позабыл о стычке с Виноградовым. Затем мне сказали, чтобы я приехал в Анкару. Акимов и Бухтин тоже поехали со мной. Повод был приятным. Мы должны были посетить прием и ужин, которыми угощал турецкий министр иностранных дел Шукру Саракоглу членов дипломатического корпуса. По пути мы обменялись мнениями по поводу, какого сорта советских «дипломатов» министр будет угощать.

Перед отправкой на вечер мы должны были посетить наше посольство на предмет обычного инструктажа, с кем мы должны быть любезными или грубыми, с кем разговаривать и о чем. На этой подготовке был Наумов, выглядевший даже намного важнее, чем обычно. С ним был специальный посетитель из Москвы, весьма старший начальник из НКВД, чей отдел вел назначения для тайных преступлений, захвата заложников, убийств, поджогов; он был в Турции для того, чтобы установить, какая ошибка произошла в деле покушения на жизнь фон Папена. Наумов приложил особые усилия, чтобы предусмотреть мое знакомство с его начальником. Мне было уделено весьма сухое рукопожатие и долгое, пристальное разглядывание, после чего посетитель повернулся ко мне спиной. Я подумал, что Наумов дал обо мне весьма нелестный отзыв.

Турецкий прием продолжался вплоть до глубокой ночи. Я не смог возвратиться в посольство ранее двух часов утра. На дверях часовой сказал мне, чтобы я немедленно пошел к послу, который уже дожидается меня в своем кабинете.

За столом, весьма взволнованный, сидел Виноградов. Он сильно выпивал и его лицо было багряным. Даже без приглашения сесть, без каких-либо приветствий, он выпалил:

«Товарищ, у меня имеется о вас приказ. Вы отзываетесь. Это срочно. У вас имеется два дня, не больше, для подчистки своих дел. Путешествие в одиночку может быть опасным. Два дипломатических курьера уезжают в СССР послезавтра. Они будут вас сопровождать».

Я плохо, очень плохо был потрясен, но я, уверен, сохранил хладнокровие. Как можно уверенно в подобных случаях, я ответил: «Очень хорошо, товарищ. Я с радостью поеду назад. Я принадлежу фронту. Я военный офицер. Мне надоело и я устал здесь с вашими соперничествами, интригами, с вашей глупой работой. Однако, я не могу ехать через два дня, поскольку я должен дожидаться приказа от моего Начальника, кому передать разведывательную сеть, которую я организовал. Это займет около четырех или пяти дней. Затем я отправлюсь в СССР с курьерами или без них. Я могу позаботиться о себе сам».

Удивительным образом, он согласился с задержкой. Однако, он меня потряс дальше, сообщив, что центр распорядился передать сеть Акимову. Это была плохой частью информации. Она означала, что Начальник уже одобрил мое возвращение, не посоветовавшись со мной.

Я ушел из этого кабинета, и надеялся, в последний раз, около половины третьего утра. Я отправился в мою комнату в посольстве, и нет нужды говорить, не для легкого сна.

Некоторая работа должна была закругляться в Анкаре, и поэтому до следующего вечера я не мог сесть в ночной экспресс-поезд, отправляющийся в Стамбул. Со мной был мой друг Бухтин.

Скоро после того, как приехали, мы отправились на ужин за ужином с выпивкой, в основном, с выпивкой. Мы заказывали сильную турецкую раки в больших объемах и мешали ее с водой, делая прозрачный напиток по названию тигровое молоко. Мы не шли спать. Мы лишь напивались, очень сильно и я нисколько и ни о чем не беспокоился.

Где-то вдоль Анатолийского плато, Бухтин уставился печальными глазами в окно и в темноту и сказал: «Послушай, мой дорогой друг, ты находишься в большой, очень большой беде. Если бы я был на твоём месте, то я бы не возвращался, а остался в Турции или направился куда-то в другое место. Ты конченный человек. С тобой все. Ты никогда не увидишь Москву как свободный человек. Возможно, они расстреляют тебя уже сразу после пересечения границы».

Я слышал от моего хозяина, каждый знал, в каком дерьме ты оказался, прежде чем ты сам слышал о том, что Начальник согласился, чтобы твоим делом занимался НКВД. Ты знаешь, что это значит.

Все было сделано Наумовым, его начальником из Москвы и послом. Им нужен козел отпущения за свою неудачу в покушении на фон Папена. Мой твердоголовый друг, ты не знаешь, зачем сюда был прислан Наумов?

Они сказали, что ты рассказал о плане убийства немца югославам, англичанам и туркам. Они обвиняют тебя во многих вещах, которых ты никогда не совершал. У тебя нет никаких шансов защищаться. Сейчас идет война и никто не станет тебя даже слушать.

Посол обвинил тебя за твой слишком сильный протуркизм, за отказ выполнять специальный приказ партии и правительства. Наумов обвинил тебя в сотрудничестве с американскими и английскими секретными службами. В течение месяцев Наумов собирал на тебя «материал».

Они установили, что ты посетил американского генерального консула, что ты имел много встреч с ведущими членами английской разведки, что королевские офицеры являются твоими сердечными друзьями и т.д.

Ты инженер, имеешь профессию и технические навыки. Ты знаешь иностранные языки. Ты из тюркских кровей. У тебя нет семьи, жены, детей и родителей, которые ждали бы тебя дома.

Опять я говорю, если бы я был на твоём месте, я бы бежал к туркам вместо того, чтобы стоять перед расстрельной командой за преступления, которых ты никогда не совершал. Люди повыше тебя, генералы и маршалы Красной Армии, знаменитые члены партии и бесчисленные тысячи других погибли в камерах НКВД.

Беги и скажи, что ты это делаешь в знак протеста против террора НКВД...».

Я был поражен, я был зол, я ненавидел себя. Каким же наивным я был. Здесь имеется некоторая правда, достаточная для НКВД в каждом пункте «дела» против меня. И Бухтин прав по поводу того, что случится со мной.

Я смотрел на него через стол. Он смотрел на меня, удовлетворившись, что я, наконец, приобретаю чувство реальности. Он был моим другом. Однако, не могли ли они дать ему задание, чтобы меня разговорить? Я думал, что, нет, надеялся, что, нет, хотя я не мог быть полностью уверенным. В среде, где я обитал, я должен был быть осторожным, как никогда и поэтому сказал:

«Спасибо тебе, мой настоящий друг. Это хорошо, что ты привел меня в чувства. Однако, пойми это: я не собираюсь бежать кому-либо. Я собираюсь к Начальнику. И собираюсь бороться за мое доброе имя. Кроме того, они нуждаются в офицерах на фронте. Это и есть то, к чему я принадлежу».

Он, должно быть, понял, что я ему говорил. Поэтому когда я закончил, он усмехнулся и сказал: «Ты старый дурак. Ты никогда не увидишь никакого фронта. Они тебя первым делом расстреляют. Давай, пошли спать, пока мы здесь можем еще ходить».

На следующее утро в консульстве я пошел к Акимову. Я нашел, что он действительно информирован о том, что случилось со мной. Он хотел знать, когда я собираюсь рассказать ему о моей сети и устроить встречи для него с моими агентами. Я сказал ему, что все это сделаем завтра. Сперва, я сказал, я должен написать заключительный отчет Начальнику и уладить дела с моими счетами. Он согласился с моими планами.

Перед тем, как уйти из его кабинета, я подумал, что остро нуждаюсь в некоторой информации. Я должен был узнать, как и кому предоставляется политическое убежище. В акимовском кабинете были лишь тома Большой Советской Энциклопедии. Я подождал, пока он займется бумагами на своем столе, затем вытащил том с полки на другой стороне комнаты. Я привлек его внимание.

«Георгий Петрович», сказал Акимов, «что вы там ищете?»

Я сказал, ничего, лишь смотрю по поводу Польши для моего агента с польским паспортом. Польша была в том же самом томе, как и право убежища. Акимов возвратился к своим бумагам.

Я прочитал. Чтение не заняло много времени. Здесь было очень мало в этих томах о предмете моего поиска. Я только узнал, что СССР предоставлял убежище иностранцам – «коммунистам», следовало читать между строками – преследуемых за защиту интересов рабочего класса, за научные усилия или участие в борьбе за национальное освобождение. Не было ничего, что я должен был узнать, и что касалось подхода других стран к этой проблеме.

Я ушел из кабинета Акимова, сказав, что связываюсь с моими агентами для их передачи ему. То, что я действительно собирался делать, сильно отличалось от сказанного. Существовала очевидная опасность в том, что я находился под приказом, но я должен был действовать. Я должен был дать знать независимой третьей стороне о моих намерениях и о некоторых причинах, побудивших их. Ради моей души, ради моей чести, я должен был дать знать людям правду в случае, если меня постигнет неудача, и я умру от рук НКВД или вынужден буду покончить собой.

В нескольких шагах от консульства, после того, как убедился, что ищейки Наумова не преследуют меня, я поспешил к первому проходящему такси. Я вышел около Золотого Рога, купил сигареты в киоске, затем прошел несколько сот метров. Удовлетворившись, что вокруг нет советских агентов, я взял другое такси, проехал через мост Галата к первому общественному телефону.

Я сделал два звонка. Первый был к моему другу Перичу в югославском консульстве, второй – к английскому бизнесмену, чей брат работал в Интеллидженс Сервис – в английской секретной службе. С обоими договорился о встрече.

Перич присоединился ко мне через четверть часа в маленьком кафе в старой части города. Он совсем не удивился по поводу моих планов и согласился, что у меня нет другого выбора. В прощание мы пожали друг другу руки и поцеловали в щеки друг друга.

Через час мой английский друг ожидал меня на железнодорожной станции. Я прошел мимо него. Он последовал в нескольких шагах сзади. Я сел на местный поезд, следовавший на побережье. Когда мы тронулись, я прошел через вагоны, пока не нашел свободное место. Сел, зажег сигарету и начал читать. Несколькими минутами позднее англичанин сел на место напротив меня. Кратко я рассказал

ему, в каком нахожусь положении, и объяснил, что не собираюсь возвратиться назад. Он также согласился, что я прав и пожелал помощи от бога в защите от НКВД. После краткого и теплого рукопожатия он встал и вышел из вагона. Я сошел с поезда через несколько остановок, затем возвратился в Стамбул.

Уже наступил вечер. Я не пошел обратно в консульство, а отправился в мою квартиру из нескольких комфортабельных комнат, которую я снимал у еврейской женщины, потерявшей всю свою семью из-за нацистов.

Спать в ту ночь было сложно. Если я буду удачливым, то перед другой ночью я стану беженцем. Моя хозяйка рассказала о своих печалях. У меня они будут тоже такими, даже намного хуже. Я стану политическим беженцем и поэтому буду опасным для моих хозяев. НКВД начнет поиски буквально через считанные минуты после моего исчезновения. Они не остановятся ни перед чем, пока меня не достанут. Захотят ли мои хозяева ввязаться в такое дело, защищать меня не в течение недель, а в течение месяцев, годов? Я не совсем был уверен в этом, но, в конце концов, уснул от полного нервного изнеможения.

На следующее утро я отправился в консульство, надеясь, что в последний раз. Я закрылся в моем кабинете, сказал дежурному офицеру, чтобы меня не беспокоили звонками или посетителями, чтобы я мог поработать над сообщениями в Москву.

Затем я вытащил свою пишущую машинку и напечатал два идентичных заявления. Одно было адресовано к моему Начальнику, другое – к Молотову. Я написал обоим, что я разрываю с Советским правительством и партией, отказываюсь от моего гражданства и членства в партии по политическим мотивам. Я утверждал, что в Советском Союзе нет законности, частная жизнь каждого советского гражданина всегда является объектом социального и политического вмешательства, что советская внутренняя и внешняя политика абсолютно ошибочны, что страна является полицейским государством. Я заключил свое послание обвинением в порочном диктаторстве Сталина и в произвольном правлении НКВД.

Затем я закрыл все мои счета до последней копейки, цента, пфеннига и су. Даже тогда я не мог препятствовать НКВД клеветать на меня как на вора и растратчика, как они это делали по отношению ко всем беженцам.

Покончив с этим, я вложил в большой манильский конверт заявления и счета, адресованные к начальнику моего отделения ГРУ. Перед тем, как запечатать его, я вложил в конверт все важное: мою шифровальную книгу; перечни моих агентов, их имена, кодовые названия и адреса; даже секретные инструкции по новому радиооборудованию для использования агентурой.

Все было в порядке. Я вызвал секретаря Бухтина в мой кабинет, отдал ему большой конверт с инструкциями, предупредив, что он является совершенно секретным и должен быть отправлен в Управление следующей дипломатической почтой. Когда я увидел, что конверт был унесен из кабинета, то осознал полностью, что разрушил последний мост.

В последний раз я оглядел свой кабинет. В нескольких делах находилось много совершенно секретных планов или документов по поводу тайников ГРУ в Турции, деталей шпионажа и других тайных операций. Здесь уже ничего не было, чтобы меня могло остановить, чтобы некоторых из них я взял с собой. Однако, я этого не сделал. Я решил, что, если я начинаю жизнь заново, то должен это делать с чистыми руками.

Время было около полудня. Я зашел в кабинет Акимова, сказал его секретарю, что иду на запланированную встречу за обедом и буду обратно скоро.

Я вышел во двор. Ворота на улицу находились в двадцати шагах от меня. За воротами был другой мир, которого я заметил по-настоящему впервые.

Захотелось побежать, но я должен был шагать и не быстро. Швейцар был из людей Наумова.

«Георгий Петрович», говорил кто-то сзади меня, «Георгий Петрович». Это был не голос Наумова или Акимова. Я остановился, посмотрел назад. Ах, военно-морской атташе, приятный человек. Пожалуйста, он спрашивал, могу ли я взять с собой его пишущую машинку и фотоаппарат в Москву? Почта во время войны работала нерегулярно. Я мог бы сказать, да, взять его пакет и уйти. Однако, он мне нравился. Я не мог его разочаровать или обманывать. Я вынужден был сказать, что буду стараться ему помочь; однако, ответил ему, сперва я должен разобраться со своими вещами, затем я дам ему знать о его вещах.

Я начал опять идти по направлению к воротам. Как далеко было до них, пятнадцать метров, десять метров, наконец, лишь пять. Тут меня схватили за плечо и повисли на нем. «Георгий, Георгий», пыхтел Бухтин. «Ты так быстро идешь, я думал, никогда тебя не уже не догоню. Как ты думаешь об ужине сегодня вечером и затем о ночном клубе?»

Не сегодня, сказал я ему, возможно, завтра. Посмотрим. Он был разочарован, но пошел обратно в консульство.

Наконец, я был за воротами. О, бог, я прошептал, благодарю тебя. Опять остерегаясь людей Наумова, я поймал такси. Опять отправился в старый город. Опять, все еще проверяя, что никто не преследует меня, нашел будку общественного телефона.

Плотно закрыв дверь, я позвонил в департамент полиции Стамбула. Назвав себя советским дипломатом, я просил говорить с начальником, лично и срочно.

Послышался другой голос в телефоне. Это был начальник Камран Чорох, с которым я встречался несколько раз на обедах и приемах. Опять назвал себя и сказал, что я должен видеть его как можно быстро по личным мотивам чрезвычайной важности.

Камран бей сказал мне, чтобы я приехал сразу. Он добавил: «Не беспокойтесь, мы вас защитим. Мои люди будут вас ждать и доставят в мой офис без промедления».

Я нанял другое такси, все еще остерегаясь Наумова, и отправился прямо в главную штаб-квартиру полиции. Здесь меня ожидали несколько офицеров у главного входа. Меня сопроводили в офис Камран бея.

Когда я вошел, начальник вышел из-за своего стола, сердечно пожал мою руку и предложил сесть на кресло. Он попросил одного из моих сопровождающих принести кофе и сигареты и затем отпустил всех. Он делал все, чтобы мне стало полегче.

Это не было легким началом, поломать все, за что я работал так долго и так усердно, но я знал, что у меня нет никакого выбора. Так, без всякого перерыва со стороны Камран бея, я выложил всю мою историю.

Я рассказал ему, что являюсь офицером-разведчиком, что моим настоящими именем и фамилией являются Исмаил Ахмедов, что я из чисто тюркских кровей и что исповедую ислам.

Я рассказал ему, что мне приказали отправиться домой, где мне угрожает трибунал НКВД и обо всем, что привело к этому.

В конце рассказа я попросил убежища в Турции по политическим мотивам. Если это невозможно из-за внешнеполитических соображений, то просил турецкую защиту и разрешения уехать в другие страны, которые могли бы предоставить мне убежище.

Начальник слушал внимательно, не пропуская ни одного моего слова. Когда я закончил, он сказал: «Исмаил бей», (как было прекрасно, когда ко мне обращались по моему настоящему имени и в такой момент), «однажды ваша страна имела в Турции прекрасного человека в качестве посла. Его звали Карахан, «Черный Хан», на нашем языке, на вашем и на моем. Он был большим другом нашего вождя Ататюрка и турецкого народа. Его здесь уважали и любили. В один день ваше правительство отозвало его и он уехал. Он должен был оставаться здесь и стать одним из нас. Как вы знаете, он был уничтожен Сталиным. За что? За то, что был протурецким. Поэтому мы вас понимаем.

«Я сразу поставлю в известность Анкару. Я надеюсь, они предоставят вам убежище. Между тем отныне, вы должны находиться под нашей опекой. Это для вашей защиты и для сохранения доброго имени моего народа. Если Анкара не предоставит вам убежище, мы вам поможем уехать в другую страну. По этому поводу я даю вам мое честное слово».

Затем мы обсуждали, где мне следует прятаться в то время, когда будем ожидать сообщения из Анкары. Стамбул, мы оба были согласны, был слишком опасным городом. Мы договорились насчет Бурсы, приятного города на Мраморном море, недалеко от побережья и предгорья Улу Дага, Mysian Oluмrus древних греков.

Когда эти временные приготовления были договорены, Камран бей вызвал шестерых офицеров в свой офис. Это были рослые и натренированные атлеты. Все были в гражданской одежде, но носили пистолеты в наплечных кобурах. Это было самым впечатляющим сопровождением, способным справиться с наумовскими головорезами.

Камран бей предупредил их об опасности, которая грозит со стороны НКВД на предстоящем пути. Если они встретятся с советскими секретными агентами, то сказал он, они должны быть готовы прорваться через них с огнем. Подготовлено судно для доставки в малый порт Ялова, откуда нас должны сопроводить в Бурсу. Гражданские и полицейские власти будут ожидать нас в Бурсе.

Мой эскорт и я на двух машинах покинули штаб-квартиру полиции через задние ворота. Сначала мы отправились в мою квартиру, где я собрал свои вещи и расплатился с хозяйкой. Бедная женщина была напугана нашим внезапным вторжением и, в особенности, моим эскортом, предупредившим о непосредственных последствиях для нее, если она выдаст какую-либо информацию русским, которые, наверняка, придут сюда в поисках меня.

Закончив с этим, мы без промедления направились к пирсу и сели на корабль, направляющийся в Ялову. В море я посмотрел назад на Стамбул, на его гордые башни, минареты и купола в великолепии на полуденном солнце. Я сказал, прощай город моих мечт, город моих разбитых надежд, город моего путешествия в неизвестное, прощай.

ССЫЛКА

Однако, все планы по моему укрытию, изменились уже до того, как мы достигли Яловы. На пирсе мы встретились с несколькими офицерами турецкой армии, которые сказали, что НКВД работает в Бурсе весьма энергично, очевидно, ищут меня и поэтому план держать меня там отменен. Ялова была избрана в качестве моего убежища до тех пор, пока не будут получены дальнейшие инструкции из Анкары и Стамбула.

Также на пирсе встретить нас прибыл *Каумакат* или глава правительства Ялова. Приятный молодой человек, он пожал мне руку и сказал: «*Marhaba, Исмаил бей, hosh geldiniz*, я ваш радушный хозяин. Мне выпала большая честь принимать вас в качестве нашего гостя. Я надеюсь, что ваше пребывание в нашем маленьком доме будет приятным и уютным».

Маленький дом оказался симпатичной виллой на берегу моря. Однажды здесь останавливался Ататюрк. Хорошо разделенная от других соседних домов, она была окружена большими садами роз и различных других цветов. К югу высоко на горизонте возвышались горы, в то время как на севере (я прибыл вечером) светились тысячи огней Принцевых островов, и за ними начинал сверкать и мерцать Стамбул.

Турки по-настоящему знали дело по обеспечению моей безопасности. Полицейские, одетые в форму и в гражданской одежде, находились повсюду около дома и за домом, куда, как они сказали, мне нельзя ходить по соображениям моей безопасности. Действовали контрольно-пропускные пункты на подъезде в этот район и всем, кроме официальных лиц и местных жителей, въезд сюда был запрещен.

До того, как мы успели отойти от корабля, направляясь в виллу, прибыла полицейская моторная лодка и остановилась у причала. Оттуда спрыгнули два человека, которые были старшими офицерами, ответственными за мою безопасность. Одним из них был заместитель начальника полиции Стамбула Ахмед Демир, тот самый человек, который обыграл шпиона Наумова на приеме в честь годовщины революции. Другим человеком был Халит Тулга, заместитель начальника Стамбульского офиса национальной безопасности (турецкая разведка).

Затем мы все направились в виллу на обед под патронажем красивой молодой жены *Kaymakam*. Блюда были просто отличными: *dolmas*, завернутые в листья винограда мясо и рис с приправами; *bürekkes*, мясные пироги; *pilav*; жареная рыба; салат; фрукты. В качестве напитков были *raki*, турецкая водка и отличные местные вина.

Хотя мне очень понравилась еда, но именно сама атмосфера обеда была главной, что сделала его таким сердечным. Впервые за многие годы, я почувствовал, что я нахожусь среди своего народа, как друг среди друзей, брат среди братьев. И я мог говорить о чем угодно, что я хотел и называть вещи именами.

Главной темой разговора за обедом и после него были тюркские народы Советского Союза. Мне задавали вопрос за вопросом. Какова численность народов тюркского происхождения? На скольких диалектах они говорят? Какие алфавиты они используют? Если бы им разрешили получать, то в состоянии ли они читать турецкие газеты, печатаемые латинским алфавитом, введенным во времена Ататюрка? Сохраняют ли они свои национальные обычаи? Знают и помнят ли они свою историю? Разрешен ли ислам в качестве религии и если да, то до какой степени? Насколько сильно они русифицированы? Сколько из них занимают посты высокого ранга на гражданской и военной службах? Имеются ли трения и непонимания между русскими и тюркскими меньшинствами?

И так продолжалось до полуночи, когда уже пришла пора идти спать. Моя комната была большой и с огромными окнами, выходящими на море. Я распахнул их и стоял немного возле них в состоянии полного восторга. Я вдыхал благоухание роз, цветущих прямо за окнами внизу. За ними находились побережье и море, с плеском своих нежных волн. Где-то недалеко пел соловей, зовя свою подругу. Пьянея от всей этой красоты, я чувствовал себя весьма уютно под крыльями друзей, турков. Впервые за многие и многие луны я начал чувствовать удовлетворение в ту благоуханную ночь в начале июля 1942 года. Трудно было поверить, что прошел лишь год с того времени, когда я был освобожден из немецкого лагеря, страшный год, отмеченный черной меткой смерти Тамары, год, который завершился лишь несколькими часами ранее с моим бегством из консульства.

И здесь находился я, безвозвратно порвавший со всеми, которых я знал до того, политический беглец. Что теперь? Должен отметить, начало было хорошим. Поведение Камран бея, гостеприимство моих радушных хозяев, прекрасная вилла на море, даже розы являются благоприятными предзнаменованиями. Возможно, все выйдет хорошо.

Я встал на колени. Молился. Я сказал начальную суру из Корана: «*Alhamdulillah Rabb'l Alemin – Ihdina siratel mustakim!*» [«Спасибо господу, Творцу Вселенной – Покажи нам прямую дорогу!»]

Затем я отправился в постель, но не спать. Я представил шум, который должен был последовать за моим исчезновением. Посольство и консульство должны впасть в жуткую панику. Наумов, я знал, определенно не спит или находится даже не в постели. Очень скоро ему предстоит его собственное расследование. Так неумело поступить с покушением на убийство фон Папена! Потерять туркам двух своих специалистов по убийствам? И затем потерять меня, подполковника Генерального штаба, бывшего начальника Четвертого отдела ГРУ, бывшего резидента ГРУ в Германии, резидента ГРУ в Турции и исследовательского инженера по военным коммуникациям! Все это случилось перед его предполагаемым отъездом в Советский Союз. Наумов, как человек, как личность, ничего не представлял для меня, он был лишь представителем НКВД, представителем кровавых мясников и мучителей тысяч и тысяч людей. Я ненавидел его и желал ему лишь самого худшего.

Виноградов, о нем я думал с некоторым удовольствием, должен будет иметь также свои неприятные минуты. По-видимому, он сейчас расхаживает в своем кабинете, опрокидывая рюмку за рюмкой и раздумывая, как он, хозяин, объяснит мое исчезновение Москве и что Москва скажет ему в ответ. И я думал об Акимове и Бухтине, но с беспокойством и тревогой. По-видимому, их ночи также не спокойны. Я сожалею. Акимов будет обвинен за дружбу со мной и за потерю бдительности. Тем не менее, он твердый и опытный человек. Он получит удовольствие в стычке с Наумовым и выиграет. И Акимов простит мне потерю одной ночи для сна. Он знает, что если бы я не бежал, то мне предстояли бы многие ночи без сна.

Бухтин, мой дорогой друг, я наиболее сожалею об его проблемах. Я чрезмерно благодарен ему за его своевременное предупреждение. Я надеялся, что он все это примет без труда и откажется от меня, как

он сочтет необходимым. Это точно в духе, в каком поступали средние, нормальные советские граждане. Мы привыкли к детям и женам, отказывавшимся от своих отцов и мужей после того, как несчастные люди арестовывались НКВД по фантастическим обвинениям, которых каждая семья знала как абсолютно ложные. Бухтин имел намного больше свободы, чем они. Он был моим другом. Наконец, пение соловья становилось тише, плеск волн нежнее, и я уснул.

День последовал за днем на этой прекрасной гавани. В первое утро я просмотрел газеты, чтобы узнать, последует ли какое-либо сообщение о моем бегстве. Там не было никакого сообщения, как, впрочем, всегда в последующие годы. Я был слишком горячим случаем для огласки, сказали мои радушные хозяева. Они также добавили, что НКВД ищет меня неистово повсюду и поэтому, чем меньше обо мне будут говорить, тем лучше. Официально, мне сказали, что я не существую. Это была правда. Я мог оказаться в руках американцев, англичан или других стран.

Однажды поняв свое положение, я расслабился, не сосредоточиваясь на нем. Я гулял и гулял, восхищался розами. Часами плавал в нежных водах моря. Всегда, когда я находился за пределами виллы, меня сопровождали три вооруженных человека в гражданской одежде. Я также был вооружен и всегда носил свой браунинг в кармане. Ночами мои хозяева и я говорили часами перед тем, как уходить на приятный сон. Тем не менее, эта хорошая жизнь не была достаточной. Я жадно стал ждать сообщения по поводу моего обращения о предоставлении убежища и что происходит по этому поводу, увы, в вилле никто ничего не знал об этом.

Почти перед полуночью моего десятого дня пребывания здесь вилла осветилась лучами света, приходящими со стороны моря. Это был сигнал с кабины со сторожевого корабля в нескольких сотнях метров от берега. Я едва различал корабль, чтобы понять сигнал, но Ахмед бей понял сигналы правильно. Он ответил на сигнал фонарем, затем сказал мне, чтобы я был готов подняться на корабль. Когда я отправился готовить свой чемодан, то увидел лодку, подошедшую к берегу и причалившую к пирсу, принадлежащему вилле. Процедура не была из легких. Было темная, ветреная ночь и на море штормило.

Я был довольно сильно встревожен, когда мы собирались идти на пирс. Ахмед бей сказал мне, что он ничего не знает, за исключением того, что нам приказали сесть на корабль. Куда мы направляемся? Почему вся эта секретность? Я знал, что на Босфоре причалил советский сухогруз. Едут ли они, чтобы доставить меня Советам или утопить меня в море? По крайней мере, они не стали меня разоружать. Я пощупал мой браунинг в своем кармане. Я скорее застрелюсь, чем позволю отдать себя в руки НКВД. На пирсе *Каумакам*, должно быть, заметил, что я нервничаю. Он сказал, что он не может обвинять меня за мое волнение, вызванное неопределенностью, но он клянется младотурками и Ататюрком, что никакого мне вреда не будет причинено.

Когда турок приносит такую двойную клятву, то его слова стоят многого. Я успокоился, достаточно для того, чтобы сердечно попрощаться и поблагодарить *Каумакам*, его жену и моих телохранителей. *Каумакам* ответил с пожеланиями, чтобы мы встретились вновь, когда я стану свободным человеком и гражданином его страны. Затем я отправился на корабль в сопровождении Ахмед бея и Халит бея. Поднявшись на борт, меня пригласили в кабину и предложили кофе. Пунктом нашего назначения был Стамбул.

В ранний час следующего дня мы причалили на пирсе перед Долма Бахчи Сарай, великолепной резиденцией турецких султанов. Меня повели через множество залов этого крупного дворца в богато украшенную государственную комнату. Здесь меня ожидал Камран бей, начальник полиции.

Он поприветствовал меня от имени губернатора Стамбула, делая тем самым официальным то, что он будет говорить. С улыбкой, он сказал, что после тщательной проверки обстоятельств, при которых я бежал от Советов, после тщательного изучения моего происхождения турецкое правительство решило предоставить мне политическое убежище и необходимую защиту.

На этом официальная часть церемонии закончилась. Затем после кофе и сигарет я услышал, что безопасность является его проблемой. Он сказал:

«Исмаил бей, ваше точное местопребывание еще не выбрано. Временно мы передвинем вас в другую виллу на азиатской части Босфора. Ваши передвижения там будут строго ограничены и вы будете находиться под постоянной охраной.

Советы ищут вас повсюду. Некоторые из их агентов ищут вас в Бурсе и Измире. Имеют место признаки чрезвычайной нервозности, даже паники в советских учреждениях в Анкаре и Стамбуле. Некоторые из ваших друзей и коллег поспешно покинули Турцию. Пожалуйста, будьте осторожны и терпеливы. Вас ожидают много ограничений по вашим передвижениям, даже по части общественной жизни. Это может причинить вам много неудобств. Однако, вы представляете, разумеется, что все это делается для вашего блага, для вашей безопасности. Ваше дело слишком горячее!»

Я от всей души поблагодарил его. Затем я ушел в сопровождении Ахмед бея и Халит бея.

Было уже темно, когда мы возвратились на стоянку корабля. Скоро мы поднялись на палубу и отплыли, направляясь в Босфор. Мы прошли мимо советского сухогруза, но мои опасения уже полностью исчезли. Я был доволен и счастлив. Далеко от нас едва различался силуэт советского военного корабля.

В пределах часа мы вошли в район восточного побережья и пристали к небольшому причалу. Там нас ожидало новое трио телохранителей. Через несколько минут плавания до берега мы сошли на берег и направились в лесной район по извилистой дороге к большой вилле, находящейся в долине и окруженной большими садами, выглядевшими как крупный парк.

Я провел около шести недель в этом приятном укрытии, прогуливаясь по моему небольшому имению, состоящему из холм и лесов. Затем меня переводили вновь и вновь под сильной охраной в нескончаемой череде переселений, где я был подобен человеку, за которым охотятся, по территории Турции в течение долгих восьми лет.

Это был длинный перегон на дороге по потери жизни и в конечном счете свободы, но я не мог жаловаться, а только был бесконечно благодарен моим турецким хозяевам и телохранителям. В конце концов, я попытался же связаться с американцами, но ничего из этого не вышло. И на поезде, идущем на побережье, я рассказывал англичанину о своем положении и получил в ответ пожелание получить помощь лишь от самого господ бога.

Когда турки оказали мне помощь в тяжелую минуту, их народ находился в нелегком положении нейтралитета, окруженный воюющими странами. Это положение не стало более легким из-за запоздалого перехода на сторону союзников буквально за несколько месяцев до конца войны. В самом конце войны в Европе Советский Союз односторонне расторг договор с 1925 года о дружбе с Турцией и потребовал совместного контроля Дарданеллами и уступку огромных районов восточной Турции вдоль советской границы. Эти требования не были форсированы, но и не отменены. Дважды за эти годы моей ссылкой Советы также требовали у турков моей сдачи. Оба раза им было отказано. Хотя и не публично, но это было актом смелости и честности. Более слабая нация, возможно, сторговалась бы по поводу меня. Тем более, что сделать это не представляло особой трудности. Никто ничего не знал о моем деле, за исключением Советов, нескольких турков и меня самого.

Пунктом моего первого переселения была Испарата, красивый маленький городок высоко в горах к юго-западу. За ней последовали другие.

После завтрака в вилле на Босфоре меня посадили в автомобиль. Полицейский инспектор в гражданской одежде сел сзади меня, его заместитель в такой же одежде сидел впереди с водителем. Шторы на окнах были спущены и мы быстро, но безопасно, ехали по окольным дорогам к Хайдар Паше, железнодорожному терминалу на азиатском побережье Босфора.

На станции все уже было подготовлено заранее. Как только носильщик потащил наши вещи, трио зашагало быстро, обходя пункты билетного контроля, на платформу, где стоял поезд. Мы вошли в купе, которое было зарезервировано для нас. Были предприняты все меры, чтобы обойти толпу людей, где могли скрываться советские агенты.

Почти одновременно с нашей погрузкой поезд тронулся в путь. Шторы нашего купе были спущены, поскольку в вагоне были также и другие пассажиры. Все трое нас были вооружены и не покидали купе. На каждой станции начальник местной полиции был представлен на платформе для осмотра нашего купе и последующего сообщения в стамбульские штаб-квартиры о том, что все идет согласно заранее установленного порядка.

В Эскишехере, лежащем на одной трети нашего пути, наш вагон был прицеплен к поезду, идущему на юг, в Динар, местечко, запрятанное в горах. В нескольких километрах от Эскишехера из вагона вышли все оставшиеся пассажиры и мы были в состоянии снять затемнение и открыть дверь купе в коридор. В Динаре произошла смена поезда на маленький местный поезд, направляющийся в Испарату, где заканчивалась железная дорога.

Нас встретил начальник местной полиции, который позднее представил меня к губернатору, который должен был взять на себя всю ответственность за мою безопасность. Также была устроена встреча с командиром гарнизона полковником Абдулкадир беём. Количество телохранителей было сокращено до одного, Азиз бея, который, всегда вооруженный, составлял мне компанию.

Лишь эти четыре человека знали мое действительное имя и происхождение. Всем остальным я был известен как Раджип бей, торговец, ожидающий прибытия товаров из Сирии.

В течение короткого времени я стоял в маленькой единственной гостинице Испараты, пока мы не нашли по рекомендации губернатора две спальные комнаты и гостиную в доме старой вдовы. Устроившись здесь, я стал размышлять. Из-за запрета любой работы по очевидным причинам безопасности, я должен был сам организовать для себя программу. Я не имел представления, как долго это заточение продолжится, и поэтому могу запросто захиреть и опуститься, если бы стану ограничен лишь питанием и сном.

Поэтому я составил себе ежедневное расписание, которого твердо придерживался во все годы пребывания здесь. Я вставал рано, отправлялся спать также рано. В каждое утро занимался физическими упражнениями. Главными моими занятиями были французский и английский языки и также усиленное чтение на нескольких языках. Каждый день ходил в длинные пешие прогулки или лазал по горам, в зависимости от местности, и также отводил время для ознакомления с местными людьми и их образом жизни. Я также обходил чрезмерную выпивку, сдерживал себя, насколько это было возможно, от какой-либо печальных раздумий и старался отвлечь себя надлежащим образом в обществе моих друзей.

Я нашел, что Испарата является милым городком, а его люди - весьма дружелюбными. Она знаменита своими розовым маслом и розовой водой - я никогда не забуду аромат его розовых садов - и производством ковров и виноградниками. Городок лежит в зеленой долине, защищенной горами. К востоку от него находится пик высотой почти три километра, покрытый вечными снегами и за ним лежит озеро Эгридир, изобилующее играющими рыбами и богатое маленькими чистыми заливами.

Я совершил много пеших походов по этой горе и на озеро, часто переходя границы, определенные для меня губернатором. Азиз бей, разумеется, всегда находился при мне в таких походах. Он знал, что

здесь очень мало вероятности для встречи с человеком НКВД в пределах сотен километров и позволял мне идти впереди него. Мы договорились, что в случае какой-либо тревоги, я выстрелю несколько очередями из моего пистолета, и он немедленно прибежит ко мне.

Со временем я стал встречаться все больше и больше с местными людьми и со многими успел подружиться. В какой-то степени я был для них немногим таинственным человеком, возможно, из-за моего татарского акцента. И, хотя не случалось каких-либо неприятных комментариев, но, главным образом, все это видел Азиз бей, поскольку он не был не только моим компаньоном, но и телохранителем. Тем не менее, люди были весьма вежливы, часто приглашали нас обоих в гости или разговаривали с нами при встрече на улицах.

Мы часто ходили на базар, где я завел знакомство с некоторыми торговцами. Я также любил базарные толкучки. Однако, немного погодя, мы должны были обходить это место стороной. Моя легенда по прикрытию становилась весьма уязвимой. Меня начали спрашивать, какого вида товаров я ожидаю из Сирии. На какого рода верблюдах их доставят? Какие приготовления я предпринял по поводу таможи, размена валюты? Мы отвечали как можно лучше, но никто нам не поверил.

Во времени этих смущающих моментов на базаре я прожил в Испарате уже около года. Я любил городок, восхищался его людьми, но чувствовал, что становлюсь центром внимания. Поэтому попросил перевести меня куда-либо, по соображениям безопасности. Мою просьбу удовлетворили и в конце августа 1943 года вновь с двумя телохранителями меня посадили на поезд, направляющийся в Бурсу. Перед отъездом я попрощался с добрым губернатором, который закрывал глаза на мои прогулки за пределы установленных границ. Я попрощался с начальником местной полиции, с которым несколько раз в неделю играл в карты или шахматы, с полковником Абдулкадир беем, который угощал меня крепким турецким кофе и старался поддержать мой дух, с милой пожилой Зехра ханум, моей хозяйкой с ясными, светящимися глазами, посаженными как набор жемчужин на морщинистом лице, которая бесшумно приносила мне лимонад или куриный суп, когда она видела, что я устал, огорчен или простудился.

В Бурсе меня продержали лишь шесть месяцев. По прибытию туда меня доставили в гостиницу, где были ванны с термальными водами. Моих телохранителей отослали обратно в Стамбул и я оказался под ответственностью губернатора Бурсы. Я был волен ходить по городу, как я желаю, но без права уходить оттуда без специального разрешения и сопровождения, как в случае, когда в январе 1944 года я отправился кататься на лыжах около вершины Улу Дага. Поскольку у меня не было более телохранителя, то местная полиция должна была проверять мою гостиницу дважды в день. Кроме того, они также проверяли и допрашивали каждого, с кем я встречался или разговаривал, метод, который не только обижал моих немногих знакомых, но сильно надоедал мне самому.

Весной 1944 года, когда мои нервы стали сдавать по поводу такого надзора и мои друзья начинали обходить меня, меня оповестили о моем переводе из Бурсы. Причина была логичной. Полагали, что НКВД начинает проявлять интерес к городу.

Меня обратно отправили на юго-запад, опять поездом и с телохранителями. Пунктом назначения на этот раз был Бурдур, обычный малый городок, который для меня стал ненавистным местом. Какой был здесь контраст по сравнению с Испаратой, находящейся лишь в 25 километрах к западу через гору. Милая Испарата, гнездившаяся в горах, с ее извилистыми улицами, с ее садами и пирамидальными тополями, напоминала мне Кавказ. Бурдур же как будто находился на другой стороне луны. Его плоские пыльные улицы, покрытые песком холмы, сады, окруженные стенами из глины напоминали типичную Аравию. Бурдур также имел озеро с точно таким же названием, представляющее собой грязный отстойник щелочи, без рыбы, без водной дичи, но полное ядовитых змей.

Губернатор Бурдура был таким же угрюмым, как и сама местность. Он ненавидел мое здешнее пребывание, поскольку боялся, что политический беженец может ему причинить лишь одни заботы, и говорил много в подобном духе. А начальник полиции был откровенно враждебным. Он относился ко мне как человеку, который бросил вызов его правительству и власти. По его мнению, власть, хороша или плоха, дана богом и любой, возражающий ей, является антисоциальной, опасной личностью. Каким-то образом я провел в этом жалком месте больше года. Тем, что сохранило меня здесь, это был мой строгий режим, который я установил для себя в самом начале моей ссылки. Здесь не было никаких удовольствий, почти не было причины для пеших походов вокруг Бурдура, и поэтому я полностью сосредоточился на моих занятиях и чтениях, чтобы не свихнуться в такой обстановке.

Здесь произошло лишь одно отвлечение. Дело в том, что мой телохранитель был немного не умен. В качестве прикрытия мы использовали легенду, что я являюсь профессором геологии. Он представлялся моим ассистентом по исследованию минеральных отложений. В течение нескольких дней после того, как эта легенда была запущена в ход, мой дом стал заполняться камнями всех видов и размеров. Фермеры приходили даже с отдаленных районов, неся с собой пробы из своих владений, и просили их оценить. Все это удалось прекратить лишь тогда, когда я сказал моему «ассистенту», чтобы он сказал крестьянам, что «профессор» очень и очень болен.

Я действительно был болен. К тому времени произошло воспаление моих почек из-за камней в них. Я нуждался в лечении и поэтому попросил меня положить в больницу и перевести также в менее забытое богом место, предпочтительно, в Измир на западном побережье.

В конце концов, в августе 1945 года, через три года после моего побега, я был освобожден из Бурдура. Меня перевели не в Измир, а в Манису, в древнюю Магнезию, в место, удаленное от моря и в 30 километрах к северо-востоку от Измира.

Ко времени прибытия в Манису, у меня был сильный жар и меня мучили сильные боли на спине так, что меня сразу со станции доставили в больницу. В течение недели я лежал там без сознания с высокой температурой, но затем стал благополучно отзываться на лечение. В результате через месяц я полностью выздоровел.

Это была хорошая современная больница, построенная евреем из этой местности, который эмигрировал в Соединенные Штаты как нищий юноша и там стал удачным бизнесменом. Часть своего богатства он пожертвовал людям данной местности, где он родился, чтобы они могли получить хорошее медицинское обслуживание.

Директор больницы не был столь добрым человеком. Обученный в Америке турок, он не симпатизировал евреям или другим национальным меньшинствам, что он продемонстрировал тем, что изменил название больницы. Правильное название последней было Международная больница имени Эскинази, по имени своего дарителя, но к тому времени, когда я оказался там, она уже носила название больница Шинази. Директор также снял со стены приемной больницы портрет Эскинази и отправил его в кладовую.

В Международной больнице имени Эскинази я подружился с коллегой пациентом. Его звали Ремзи бей. Он, сахарозаводчик, был бывшим депутатом турецкого парламента. Затем он вышел на пенсию и стал почетным фермером. После того, как мы вышли из больницы, он познакомил меня со многими интересными людьми Манисы. Он также рекомендовал властям, чтобы мне дали разрешение работать, и побудил меня просить турецкое гражданство.

Обстоятельства стали для меня более свободными, когда я вышел из больницы, в основном, из-за окончания войны. Наиболее важным было получение разрешения носить свое настоящее имя. За пять лет, один год с Советами и четыре года с турками, я скрывался именем другого человека. Еще одним показателем ослабленного контроля в Манисе было то, что я более не находился под ответственностью губернатора, а за меня отвечал уже его заместитель.

Последний устроил меня в небольшую, но в очень хорошую гостиницу, где я мог больше видеть мир и что происходит в нем, чем в любом доме до этого. Уже было установлено, что я более не нуждаюсь в сопровождении охраной, хотя полиция все еще не спускала глаз с меня. Заместитель губернатора также, наконец, разрешил мне искать работу, в какой-то степени устраняя смущение, вызванное моей полной зависимостью от правительства, но мне запретили серьезную работу, которая потребовала бы ссылки или подробности по моему происхождению. Через заместителя губернатора я также оформил заявление на гражданство.

Однако, мне не сделали главную уступку, а именно, разрешение путешествовать, куда я желаю, по Турции. Поэтому я все еще являлся типа заключенного, хорошо обеспеченного, если говорить правду, но привязанного к конкретной местности.

Эта местность была определена всего несколькими квадратными километрами: город и его непосредственный пригород. Я мог ехать пару километров на восток, чтобы любоваться статуями Ниобы, все еще сидящей здесь и оплакивающей убиение своих детей. Я мог ехать на запад за больницу Эскинази, чтобы побродить среди древнегреческих руин. Прогулка к реке Гедиз вела меня к моей южной границе. Подъем на вершину горы над этим городом приводил меня к моей северной границе. На этой вершине я провел много часов в раздумьях и воспоминаниях о прошлом. Там на юго-западе в ясный день я мог наблюдать гавань Измира и голубые воды Эгейского моря. В противоположном направлении я мог видеть далеко в долине Гедиза ясли, если не колыбель, части современной цивилизации. За ней находились остатки Лидии. Именно по этой долине направлялся Александр Великий на завоевание Самарканда и Индии. Она также служила в качестве дороги Тамерлану на его пути разрушения Измира, которого так много раз разрушали и до него. И совсем недавно по этой долине шел Ататюрк и его армия, чтобы сбросить греков в море.

Во время таких прогулок через холмы, ведущие в Манису, я встретил отшельника, вернее, я подошел вплотную к его замку. В Манисе, как во многих турецких городах, существует обычай совершать выстрел из пушки в полдень и таким же образом отмечать время восхода и захода солнца во время месяца Рамадан. В Манисе именно этот отшельник обслуживал пушку, поставленную на плоской скале, возвышающуюся высоко над городом. Маленький каменный дом, окруженный низкой каменной стеной, был его домом.

Натолкнуться внезапно на отшельника, как это случилось со мной, было поразительным. У него было христоподобное лицо, длинная борода, волосы свисали до плеч. Он имел сильное и мускулистое тело, был сухощавым и бронзовым от загара. Хотя и в свои шестьдесят лет он выглядел на десятки годов моложе, его волосы и борода все еще были черными. Одним из его отличительных черт было то, что у него были глубокие, ясные глаза и одежда, состоящая не более чем одних штанов, которые он носил круглый год, в дождь, снег и солнце. Местные его звали Тарзаном, хотя никто не знал, кто он в точности, и откуда пришел. Он и сам ничего об этом не рассказывал. Кто-то говорил, что он является сыном арабского шейха, а еще кто-то, что он покинул свое племя из-за любимой девушки. Некоторые утверждали, что он был туркменом и бежал из Бухары после революции. Я нашел, что он очень сведущ в Индии и Среднем Востоке, но никогда не смог узнать что-либо о его происхождении. Я заметил, что в его замке у него имеется медаль за участие в войне на стороне войск Ататюрка.

Тарзан делал больше, чем стрелял из пушки и было действительно тайной, как он мог стрелять с точностью в доли секунды без часов или какого-либо другого инструмента. Он сажал деревья и

кустарники вдоль главных улиц города, поливал их и ухаживал за ними. Он превратил заброшенное кладбище в маленький парк с деревьями, кустарниками и грядками цветов. Маленькие дети города его любили, следовали за ним повсюду, и он их тоже любил. Он клал свои сбережения из оплаты за стрельбу из пушек в банк, с условием, чтобы его небольшие деньги после его смерти были отданы сиротам. Чтобы заработать себе на еду, он мыл посуду в местном ресторане. Он также являлся неофициальным приветствующим города. Когда он узнавал своим необычным путем, о прибытии зарубежной гостьи, в качестве приветствия он преподносил ей букет из диких горных цветов.

Тарзан никогда не притрагивался к спиртному, никогда не обижал кого-либо, не ругался. Он был живым святым.

Он приветствовал меня как своего собрата-странника, подобно ему, отказавшегося от своего прошлого; он не только пригласил меня в свою крепость, но также показал мне малознакомые тропинки в горах, скрытые пещеры, водопады и леса. Да, растения, цветы, дети и вы, живете в добре, независимо от того, кем вы были в прошлом, мой друг.

Здесь в Манисе прошел 1945 и затем 1946 год. В это время благодаря Ремзи бею, я приобрел и других друзей; Хикмет Эгинлиоглу, судья; Шеми бей, бывший министр обороны; Луфти Караосманлу, один из основателей Демократической партии.

Через месяцы, годы, мои ограничения становились все слабее и слабее. Я мог гулять, если хотел, за многие километры за горой или пересекать через мост на другую сторону реки Гедиз. Фактически, я мог ходить в любом направлении в этой местности, иногда даже посещать Измир, хотя Маниса все еще оставалась моим постоянным местожительством.

С большей свободой ушло и мое одиночество. Многие люди приглашали меня в свои дома и знакомили меня со своими семьями. Из таких знакомств я получил также мою первую работу, давая частные уроки по английскому языку и математике ученикам средних школ. Я был доволен этим преподаванием, поскольку оно было для меня первой работой за многие годы, но мои заработки были незначительны, никогда не превышали порядка пятнадцати долларов в месяц. Тем не менее, я был счастлив, будучи вновь занятым, но невозможность идти дальше, чем учеба детей, меня, разумеется, угнетала. Это не означало, что я не любил детей и учить их. Дело было в том, что я не мог позабыть мое учительствование до этого в Чарджоу и в горах Азербайджана, и я спрашивал себя, предстоит ли мне другая долгая борьба впереди перед тем, как я смогу привести в порядок свою жизнь. Однако, я со всем этим ничего не мог поделать.

Перелом случился, совершенно неожиданно, и не до конца лета 1947 года. Проходя через прихожую моей гостиницы, я внезапно остановился, заметив новое лицо. Здесь гостей бывало весьма мало и незнакомец всегда был для меня желаемым лицом для контакта с внешним миром. Он читал журнал *Time* и я, точно почувствовал, что он американец.

Когда я подошел к нему, он взглянул на меня, улыбнулся и сказал *hello*. Я ответил *hello* тоже и добавил: «Я Исмаил Ахмедов, рад вас встретить».

Он сказал: «Я Портер Моуги из Лимы, штат Огайо, США. Приятно встретить вас. Откуда вы?»

Когда я рассказал ему, что я родом из России, он захотел узнать, являюсь ли я русским, и удовлетворился моим объяснением, что я тюркского происхождения, но родился в России.

Тот факт, что я разговариваю на английском, заинтересовал его больше, чем мое происхождение.

Сказав, что рад найти кого-то в гостинице, с кем может разговаривать, он позвал официанта и заказал *rakı* для нас обоих. Скоро мы стали звать друг друга именами, но он называл меня по-своему, поскольку ему было очень трудно произносить мое имя правильно.

Портер оказался инженером, который прибыл в Манису для установки дизельной электростанции в качестве части помощи, оказываемой Турцией согласно доктрине Трумэна. Когда я сказал ему, что также являюсь инженером и знаю как турецкий, так и английские языки, он предложил мне работу в качестве переводчика и выполнения административных поручений. Он отбросил в сторону мое предупреждение о том, что мне нужно разрешение властей. Он сказал, что он, а не они, нанимают меня на работу.

На следующий день, однако, Портер получил разрешение в канцелярии губернатора для моей работы с ним. Я был счастлив. Наконец, после долгих лет, вновь делать что-то полезное и результативное.

И сама работа была очаровательной. Она дала мне возможность оценить практические знания и ноу-хоу американских инженеров. Дизельная машина была отправлена из США в полностью разобранном виде. Она имела тысячи частей. Каждая часть должна была быть поставлена на свое место и в правильной последовательности. Портер выполнил эту задачу почти в одиночку.

Станция в Манисе не была единственной его работой. Другая станция той же мощности должна была быть установлена в Баликесире, в городе около 100 километров к северу и этот проект также должен был выполнить он.

Я сильно привязался к Портеру и мы стали хорошими друзьями. Мы были неразлучны на работе и вне ее. Были позабыты все мои одиночные прогулки и хождения по горам. Я больше не имел времени для них. Кроме того, Портер платил мне 150 долларов в месяц, десять раз больше, чем я получал за частные уроки.

Мы провели Рождество этого года и встречу Нового – 1948 года - вместе. Из Измира Портер получил бутылку кентакских виски бурбон и фунт американского бекона. Я купил в Манисе яйца. Бекон и яйца под бурбон были угощениями нашего новогоднего праздника. Когда мы выпивали, Портер пытался уговорить меня ехать в Америку. Он сказал, что турки прекрасный народ и Турция также прекрасная

страна, но у меня здесь нет будущего. Он сказал, что будет меня поддерживать в Америке, пока я не стану на свои ноги.

Я был чрезвычайно тронут. Я говорил себе, с моими мокрыми от слез глазами, что за тысячи километров отсюда есть человек, для которого я не больше чем странник, неизвестный ему всего несколько месяцев до этого человек. И он предлагает мне платить за меня счет, чтобы я мог начать жизнь в его стране.

Моим единственным сожалением об этой работе с Портером было то, что она не продолжалась долго. Весной 1948 года установка дизельной станции была завершена. Она должна была занять место изношенного парового двигателя, обеспечивающего Манису на протяжении многих лет электрическим током, часто прерывающимся и к тому же с прыгающим напряжением. В течение двух дней губернатор должен был принять нашу станцию официально. Должна была быть отрезана ленточка и произнесены подготовленные для этого случая речи о турецко-американской дружбе.

Все было в порядке, но чтобы еще раз убедиться во всем, Портер тщательно еще раз проверил все оборудование. Мы запустили двигатель, однако он поработал лишь несколько секунд. Не было никакого топлива. Сгорели подшипники топливного насоса. Ночью, кто-то, мы заподозрили, что это был работник старой паровой машины, который действовал из-за страха ее закрытия, посыпал песок в масляную линию.

Делать было нечего, кроме как, как черти нестись на автомобиле в Баликесир. Мы прибыли сюда около полуночи, сняли масляный насос, который был точно таким же, как сломанный в результате саботажа, и доставили его в Манису, опять на страшной скорости. Немедленно Портер установил его на место, и станция заработала к церемонии открытия лишь несколькими часами позднее установленного времени. Этот кульминационный пункт ознаменовал конец моей чудесной работы. Портер переехал в Баликесир для запуска станции здесь, что было делом нескольких дней, и уехал в США. Перед отъездом он долго тряс мои руки и сказал, *take easy*, «принимай все легко», американское выражение, которое я должен был знать, и пообещал мне писать.

Мне же ничего не оставалось, как опять взяться за частные уроки. Это было гнетущим падением, что-то подобное, которое случилось с Золушкой. Я старался давать свои частные уроки, как можно лучше, но меня не переставало преследовать чувство страха, что я мог остаться навечно в ссылке. Прошло шесть лет после моего побега.

Дела шли таким образом до августа 1948 года, когда я вновь натолкнулся на незнакомцев в лобби нашей гостиницы. И опять ими были американцы, не одни, а с несколькими турками. Все были специалистами, которые проводили анализы почв в долине Гедиз и делали съемки местности для ирригационных проектов. Каждое утро они садились на свои джипы и уезжали на поля, возвращаясь вечерами усталыми, обожженными солнцем и запыленными, тем не менее, довольные выполненной работой.

По мере того, как проходили так дни, я решил подойти к ним, чтобы познакомиться и подружиться. Меня, в частности, привлекали двое. Одним из них был главный специалист-почвенник, пожилой профессор из сельскохозяйственного колледжа на западном берегу США. Другой был молодой турок, инженер-ирригационщик, который был руководителем этой группы.

Позднее турецкий инженер предложил мне работу в качестве переводчика для профессора. Эта была небольшая работа; она давала денег, не идущих ни в какое сравнение с деньгами Портера, только двадцать пять долларов в месяц плюс квартирные и питание, но я без промедления принял предложение. Это было еще одним шансом посмотреть на мир, большим, чем позволяла моя небольшая работа в Манисе.

День за днем я сопровождал профессора, таскаясь по сельской местности для взятия проб почвы, питаюсь вместе с ним и живя в гостиницах вместе с ним во многих маленьких городках и деревнях. В те дни добрый старый джентльмен рассказывал мне о своем западном побережье, о Калифорнии, об американском образовании и о жизни американцев.

К середине осени и этой работе пришел конец. Холодная погода сделала невозможным продолжение работы и группа возвратилась в Анкару в ожидании следующей весны, чтобы тогда возобновить свои полевые исследования. С сожалением я сказал *гуд бай* моим друзьям. Я знал, я не должен упустить, в особенности, молодого турецкого инженера, который дал мне работу. Не только потому, что его дом был в Испарате, в маленьком городке, которого я полюбил, но и потому, что он был очень трудолюбивым и весьма любезным человеком. Его звали Сулейман Демирель, и позднее он стал премьер-министром своей страны.

С окончанием работы, я возвратился к своей практике частных уроков. Мое моральное состояние было весьма низким. Я уже вступал в седьмой год, как стал бездомным, беспаспортным беженцем, без всякого обещания гражданства, без какой-либо идеи, когда придет конец моим странствованиям. В качестве опекаемого я получал от турецкого правительства пособие, равное пятнадцати долларам в месяц, достаточное для жилья и питания. Я решил, что мне следует возвратиться к моим книгам, к моим восхождениям в горы и пешеходным прогулкам. Я начал чувствовать себя как Тарзан, но лучше одетый и только намного с меньшим духом.

КИМ ФИЛБИ

В своем странном повороте судьба опять меня свела лицом к лицу с КГБ (тогда он имел уже название МГБ), хотя в то время я об этом не знал и знать не мог. Несколько недель Ким Филби¹ брал у меня интервью и я не мог даже представить о его намерениях.

¹ Подробности биографии К. Филби см. <http://www.peoples.ru/military/scout/filbi/> ; <http://svr.gov.ru/history/fil.html>

Это было время после обеда мягкого и солнечного дня 1948 года. Довольно усталый от восхождения на гору рано утром, я расслаблялся в лобби отеля Эге в Манисе. В это время года здесь обычно бывает немного приезжих в Манисе и отель, где я проживал, был почти пустым. Было тихо и спокойно. Воздух благоухал многими запахами и ароматом, несущимися с близлежащих полей и садов.

Внезапно послышался визг автомобильных тормозов и два мужчины зашагали из машины по направлению ко мне. Мужчина, шагающий впереди, был незнакомцем, до этого я его никогда не встречал. Он был европейцем, по-видимому, англичанином, высоким, сухощавым и белокурым. Я знал второго человека, который, по-видимому, сопровождал первого. Это был начальник измирского офиса службы турецкой национальной безопасности. Назову его м-р Р.

М-р Р. представил мне незнакомца как высокопоставленного члена английской секретной службы, который прибыл повидать меня по некоторым вопросам, однако, он не стал уточнять его имя, ранг или официальное положение. В мире шпионажа люди привыкают к безличным и безымянным личностям. Тот простой факт, что глава измирского офиса службы турецкой национальной безопасности привез незнакомца из Измира, расположенного в 50 километрах от Маниссы и сопровождал его, оказывая всякие знаки уважения и внимания, было для меня достаточным свидетельством важности их путешествия в этот уголок Турции. Мы пожали друг другу руки и я пригласил их наверх в свою комнату. Англичанин вежливо спросил, могу ли я кратко рассказать ему о моем дипломатическом, военном и разведывательном прошлом; об обстоятельствах вокруг моего побега; и также о кратком резюме по любой значительной разведывательной информации, которой я, возможно, располагаю.

Сидя в комнате моего отеля, мы проговорили, по меньшей мере, три часа. Скорее, говорил я, а англичанин внимательно слушал меня и записывал в своем блокноте. Мы говорили на английском, и м-р Р. лишь слушал, пытаясь понять нашу беседу, поскольку его английский был явно недостаточным для этого. После некоторого времени англичанин предложил остановиться, объяснив, что становится поздно.

«Ваше прошлое зачаровывает; ваша информация также имеет большое значение и интерес», сказал он. «Мы должны сесть с вами на несколько месяцев и обсудить все в деталях. Это можно сделать лишь в Стамбуле, где имеется надлежащая атмосфера и условия. Я поставлю в известность моих начальников в Лондоне, получу от них разрешение для приглашения вас в Стамбул и также попрошу разрешения у турецкого правительства на интервью с вами. Я надеюсь, что турки пойдут навстречу. Вы будете оповещены, когда все устроится. Между тем, мы благодарим вас за вашу любезность. Было приятно встретиться с вами». М-р Р. был доволен и взволнован по неизвестной мне причине. На этом мы расстались, оставляя меня в состоянии крайнего любопытства. «Где же они были с 1942 года? Я разорвал с Советами в 1942 году; сейчас 1948 год! Почему английская секретная служба так долго искала меня? Разумеется, англичане знали об этом задолго перед тем, как я бежал!» Таковы были мои мысли, непрерывно вертящиеся в моей голове. «Возможно, изменились времена. После того, как волнения от победы над Германией улеглись, Запад, наконец, начинает узнавать настоящее лицо Советов. Может быть, я найду свой новый дом и работу на Западе». Мои надежды вновь ожили. Надежда! Без нее человек ничто. Он так может умереть. Он уже опустошен.

Началась пора ожидания. Медленно, проходили дни за днями, итак, все три месяца. Затем, наконец, в одно утро пришла новость. Посыльный, специальный агент от м-ра Р., прибыл с известием. Я должен немедленно ехать в Измир и там подготовиться к дальнейшему пути. Конечный пункт моего путешествия не был указан, но м-р Р. прислал свою официальную машину со своим военным водителем. До этого такая щедрость мне еще не оказывалась.

Очень скоро я вместе со специальным агентом прибыл в Измир. М-р Р. был весь в улыбках. «Здесь ваш авиабилет в Стамбул. Вы улетаєте первым самолетом. В аэропорту вас встретит заместитель начальника нашего стамбульского офиса м-р Т. (которого я уже знал) ». М-р Р. не знал или прикинулся, что не знает, причину моей поездки в Стамбул.

Полет в Стамбул занимает час. Около полудня мой самолет приземлился на *Yeshil Kuyu* и меня здесь встретил м-р Т., который повез меня в стамбульские штаб-квартиры службы турецкой национальной безопасности, где меня встретил ее начальник м-р Й.

Здесь, в прекрасном городе Стамбул, состоящей из смеси многих культур и являющийся как бы их плавильным котлом, меня формально представили к англичанину, моему недавнему знакомому в Манисе. М-р Й. представил его как «М-р Филби, начальник английской секретной службы в Турции. М-р Филби является сыном уважаемого и заслуженного исследователя арабов Джона Филби, который стал

мусульманином. Это есть желание м-ра Филби иметь долгое интервью с вами, интервью, которое, возможно, займет несколько недель. М-р Филби подчеркнуто попросил нас, чтобы никто из наших людей не был представлен во время ваших бесед. Эта просьба удовлетворена. Вы также абсолютно свободны передвигаться по вашему желанию в Стамбуле и устраивать свои свидания с м-ром Филби. Вот вам тысяча пятьсот турецких лир, равных пятистам американских долларов, для ваших расходов в Стамбуле. Они предоставлены нам в качестве вашего аванса м-ром Филби. В качестве жилья мы зарезервировали для вас номер в прекрасном отеле».

Затем все пошло своим чередом. Моим посетителем в недавнем прошлом в Манисе был Филби, глава английской секретной службы в Турции, сын известного Джона Филби. Когда-то в будущем я спрошу себя: как я мог заподозрить в нем агента смертельно опасного КГБ? Его собственная служба не заподозрила его, также не смогли этого сделать турки. Он был любезным и приятным, всегда улыбающимся.

Для меня он был законным офицером английской разведки, интересующимся советскими проблемами. Было договорено с Филби, что член его штаба, с неясными чертами, будет меня забирать в каждое утро в девять часов и доставлять на место моего интервью. Он также будет меня привозить обратно в отель вечером после завершения нашей работы. Между тем, м-р Й., которого Филби позднее назовет в своей книге *My Silent War* как «тетя Джейн», препроводил мне личную записку, где было написано: «Исмаил бей, не беспокойтесь за свою безопасность. Вы находитесь под нашей защитой и предприняты все необходимые меры для защиты вашей жизни». Это сообщение успокоило меня.

На следующее утро, точно в 9 часов, человек с неопределенными чертами повез меня на место нашей встречи. Это была роскошная квартира в Джигангире, окна которой смотрели на прекрасные виды Босфора и Мраморного моря. Дверь открыл гигант курд с темной кожей. Один его вид посреди ночи в темном углу поверг бы любого в шоковое состояние. Он раболепно взглянул на моего сопровождающего и посмотрел на меня с необъяснимой враждебностью. «Да», сказал я себе, «такой может очень легко задушить человека и потащить в мешке на Босфор, чтобы потопить». Мы вошли в квартиру. Это был охраняемый дом Филби. В своей жизни я немало повидал такого рода домов, но этот был более чем рядовой дом. Прежде всего он был весьма комфортабельным, богато и со вкусом меблированным. Полы были покрыты ценными восточными коврами, а в центре пола в гостевой лежала шкура крупного полярного медведя. Как только мы вошли в гостевую, нас встретил Филби, который представил меня молодой и очаровательной английской леди, которая была для нас как хозяйка и стенографистка во все последующие дни. Англичанин с неопределенными чертами ушел, напомнив мне, что он заберет меня обратно вечером.

Филби был весь в улыбке и любезности: весь во внимании, безупречный английский джентльмен. Для начала мы выпили и затем перешли к делу, которое продолжалось почти четыре недели, ежедневно с девяти до пяти часов с короткими интервалами для обеда, которого доставляли в ту же комнату. Ох, мой бог. Если бы я знал, что улыбающийся, любезный англичанин по имени Филби был человеком, который сдал КГБ советского вице-консула Константина¹ и отправил его тем самым на верную смерть!

Константин Волков. См. http://militera.lib.ru/memo/english/philby_k/08.html - В.М

Но как я мог бы это знать? Даже, когда мои интервью были завершены, и я немедленно уехал в Измир на корабле, у меня имелись некоторые мелкие опасения об этом человеке, Филби, однако, я их отверг. Кому я мог об этом рассказать? Одно дело было заподозрить старшего офицера английской разведки. Рассказать об этом было равносильно самоубийству. Кто бы стал меня слушать и если бы даже я нашел, кому рассказать об этом, кто бы поверил мне? Меня немедленно обвинили бы в советской провокации или сказали бы, что я человек «слегка не своим уме». И какое доказательство я мог бы предъявить, кроме своих умозаключений? Поэтому по возвращению в Измир я решил держать свои подозрения о Филби при себе до надлежащего времени.

Сейчас, ретроспективно оглядываясь назад и восстанавливая в своей памяти мои беседы с этим мастером обмана, после многих прошедших с тех пор лет, я вижу некоторые изъяны в стратегии Филби, использованной в вопросах ко мне, некоторые изъяны в поведении Филби и наиболее очевидные теперь крупнейшие ошибки, допущенные с его стороны.

Разумеется, из предварительного, краткого разговора Филби узнал об объеме и ценности моей информации. Намного позднее в Стамбуле стало ясным, что перед тем, как встретить меня вновь в Стамбуле, Филби получил инструкции КГБ, чтобы узнать о моих мотивациях, насколько я был информирован о советских военных, дипломатических, разведывательных и технологических секретах, кому и по поводу чего я рассказывал об этих вещах.

Соответственно, программа моего интервью, определенная Филби, приблизительно выглядит следующим образом:

- Мое происхождение и биографические данные.
- Мотивы моего побега.
- Подробные детали моего побега к туркам.
- Все высокопоставленные советские военные офицеры и другие общественные фигуры, известные мне, и их характеристики и стили их работы.

- Советское верховное командование, генеральный штаб, политическое управление Советской армии и флота, их организация, политика, контроль, стратегия и доктрина. Военные школы и академии. Весь мне известный персонал по именам и их характеристики. Советские военные, научные и исследовательские организации, их задачи, персонал и их характеристики и т.д.
- Корпус связи Советской Армии.
- Пограничные войска.
- Чистки в советских вооруженных силах; советское нападение на Финляндию в 1939 году.
- Советская военная разведка – функции ГРУ, стратегия, операции, тактика, его история, начальники и заместители, организация. Цели разведки, политические аспекты, т.е. отношение между партией, советским правительством и ГРУ. Финансы, доктрина действий и методов, работа с агентами и модус операнди и коммуникации. Советские дипломатические, коммерческие и некоторые другие учреждения, такие, как ТАСС в качестве прикрытия действий советского шпионажа. Профессиональные стандарты, эффективность, безопасность и др.; учреждения для обучения.
- История КГБ, организация, отношения между ГРУ и КГБ.
- Действия ГРУ за границей, легальные и нелегальные сети в Турции, Европе, США, Азии.
- Состояние моего духа и мои планы на будущее.

Все беседы проходили в малой комнате типа передней, с моим креслом перед стеклянной дверью, ведущей на балкон, смотрящий на Босфор. Я думаю, что это было на пятом или шестом этаже, внизу находилась узкая улица с мостовой, идеальное место для так называемого прыжка самоубийцы.

Очаровательная английская леди стенографировала, но в некоторых местах осуществлялась магнитофонная запись, по-видимому, через запрятанный где-то передо мной микрофон.

Наши дискуссии о моем происхождении и разговоры, касающиеся моих биографических данных, были поразительно коротки. Возможно, они заняли лишь несколько часов. Как правило, любая секретная служба (определенно КГБ) гораздо дольше проверяла бы происхождение человека. Ничего не было бы упущено в этом отношении. Была бы проверена вся семейная история со всеми родственниками. Затем на протяжении допросов, касающихся друзей, коллег, образования, профессиональных навыков, языков, военной обязанности, названий и дат школ, в которых он учился, записей о службе, одноклассников, переводов и переездов с одного места на другое; все это должно было быть проверено и тщательно просеяно через сито вплоть до второстепенных деталей. Необходимы несколько дней, иногда неделя и более, чтобы эффективно оценить человека, представляющего интерес. Чем более человек под расследованием является зрелым, тем больше он имеет информацию; чем более он опытен, тем больше необходимо время для его понимания и оценки. Это делается для того, чтобы его понять, установить его *bona fides*, оценить материалы и информацию, которые он представит.

Короче, необходимо много времени для проверки человека со всех точек зрения. Тем не менее, здесь был я, бывший начальник Четвертого отдела ГРУ, офицер советского Генштаба, подполковник, сидящий лицом к лицу перед главой британской секретной службы в Турции и он, фактически, не проявил никакого интереса ко мне, к моему происхождению, к моему *bona fides*. Я был озадачен и обижен, поскольку я надеялся, что такой высокопоставленный офицер английской разведки должен был понять мои проблемы и, возможно, мог бы мне помочь по поводу моих планов перебраться на Запад. Через многие годы стало ясно, почему Филби не имел интереса к моему происхождению. Оно уже было известно его хозяевам в Москве и Филби не было причины, чтобы он тратил на это свое время. Это была ошибка, допущенная как Филби, так и его хозяевами. Каждая игра должна играть согласно ее правилам. И, разумеется, с этой точки зрения он не стал помогать мне покинуть Турцию. Наоборот, он сделал все, чтобы препятствовать мне ехать на Запад.

Даже если моя личная история была лишь слегка затронута, Филби не позабыл спрашивать меня о моих близких родственниках в Москве. Он хотел узнать их имена и адреса; когда я упомянул имя, адрес и место работы сестры моей жены, очаровательнейшей и прекрасной женщины высокой культуры, Филби немедленно спросил меня, не желаю ли я написать ей кратенькое письмо. «Кто-либо из английского посольства в Москве найдет ее и вручит ваше послание». Обрадованный возможностью информировать ее о моей свободе, я написал короткую записку и отдал Филби. Она и ее муж были в оппозиции диктатуре Сталина, хотя они и не были антисоветчиками. К моему большому несчастью, я лишь спустя годы догадался об этом грязном обмане, использованном Филби для расправы над невинной женщиной.

Во время разговоров о высокопоставленных советских военных офицерах Филби достиг успеха, выудив у меня имена нескольких сот офицеров и инженеров, связанных со мной или по школе, академии или по назначениям.

Я дал эту информацию для того, чтобы показать свободному миру, что имеются много старших советских офицеров, мыслящих реалистически и достаточно умных, чтобы понимать порочность сталинского господства во всех сферах советской жизни; эти офицеры достаточно образованны, чтобы прийти к пониманию важности взаимного сотрудничества с людьми западного мира. Они были людьми, подобными мне, людьми, которые могли бы показать Западу, что не все люди СССР являются догматичными или согласными, чтобы быть использованными в качестве антизападных инструментов Сталиным и его сторонниками.

Судьба холодна и жестока. Когда Филби раскрылся, мне стало ясно, что весь этот материал был растолкован хозяевами КГБ как обычно. Нужно лишь просмотреть прессу, чтобы прийти к выводу, что

сталинисты продвигались все выше и выше, в то время как другие снимались со своих постов и подвергались к унижениям.

В то время как Филби пренебрегал моим происхождением, он проявил большой интерес к причинам моего побега, обстоятельствам вокруг него, как со мной обращались турки и, наконец, к попыткам, если они были, со стороны КГБ, меня выкрасть или ликвидировать. Он был помешан даже в мельчайших деталях о моей защите турками. Я не постеснялся давать ему знать, как я политически был мотивирован для побега, как не был согласен со сталинским руководством и всевластием КГБ исключительно во всех сферах советской жизни.

Я сообщил ему, как ГРУ смог узнать заранее о данных, показывающих степень готовности и силы, о концентрации германских войск для вторжения в Советский Союз, о стратегических планах германского верховного командования и о приблизительной дате предстоящего вторжения в Советский Союз. Я подчеркнул, что все наши сообщения по этим вопросам были отклонены Сталиным и генералами, близкими к нему. Сталин, не принимая во внимание значение информации ГРУ по германскому вторжению, предпочитал ставить на них штамп, что все они являются продуктами английских провокаций. Я также объяснил, что Сталин и некоторые близкие к нему высшие военные офицеры недооценили силу и мощь германской армии и в результате принимали ошибочные решения по фундаментальным стратегическим мерам. Когда кто-то говорит, при условии, разумеется, что он является человеком из разведки, то он может судить по выражению лица и непосредственной реакции своего слушателя, по проявленному с его стороны интересу и родам вопросов, которые он задает, насколько и как глубоко этот слушатель понимает рассказываемое. Это было очевидно мне. Филби, действительно, не демонстрировал большое понимание или желание узнать трагедию этой борьбы в советском генеральном штабе накануне вторжения. Я рассказывал ему о глубоко укоренившихся подозрениях советского руководства по отношению к союзникам, когда война шла в 1942 году. Лозунгом Сталина было «Нашим врагом номер один являются Соединенные Штаты. После победы над Германией мы займем бескомпромиссную позицию против Соединенных Штатов».

Наконец, я рассказал ему о моем отзыве в Москву советским правительством в мае 1942 года.

Разумеется, у меня не было намерений стать козлом отпущения за кровавых мясников из советской секретной службы.

Через годы, оглядываясь назад на эти напряженные моменты, касающиеся всех моих раздумий по поводу побега и затем по поводу оповещения об отзыве, я могу вспомнить кратковременный блеск гнева в глазах Филби на его лице с фальшивой улыбкой. Я помню, что удивлялся: почему? Может быть, это был гнев за меня и на то, как со мной несправедливо обращались? Это были мысли, пробегающие через мою голову в тот летний день 1948 года. Как я был неправ! Как я мог знать, что этот человек, высокочтимый старший офицер английской разведки, мог быть и был на самом деле волком в овечьей шкуре?

Тем не менее, я заметил, что у него определенно имеются трудности в схватывании значения многих военных терминов, которых я употреблял, как то, стратегический эшелон, операционная глубина, начальный период войны, операционное искусство как независимая часть стратегии и т.д.

«Он не военный человек, он гражданское лицо», говорил я себе.

Что касается защиты, предоставленной мне турками, то я говорил о ней как о превосходной, за пределами всяких ожиданий. «Меня всегда сопровождали телохранители. Даже, когда я был свободен передвигаться на данной местности, они всегда принимали меры для защиты меня от неожиданностей. Вы, кажется, озабочены моей безопасностью здесь в Стамбуле. У меня превосходная защита». Я продолжал рассказывать ему о прошлом. Немедленно после моего побега КГБ старался проследить меня, чтобы выкрасть или убить, но ему это не удалось. Вновь, я обнаружил мгновенный проблеск гнева в его глазах.

Дни проходили почти бесцветно. Мы находились где-то в середине нашего расписания. В один день, обсуждая методы агентуры, используемые ГРУ, Филби внезапно спросил: «Расскажите, пожалуйста, мне, как Советы обращаются со своими двойными агентами?» Мой ответ, разумеется, был длинным и я не могу помнить каждое слово из него, но сущность его была в виде: «Советы не любят двойных агентов. Он смотрят на них на что-то грязное, работающих лишь за материальное вознаграждение. В советской разведке слово «двойной» является грязным словом; работа должна быть идейной», сказал я. «Именно из-за идеи так много советских офицеров в ГРУ и в других отраслях военной службы пытались противостоять диктатуре одной личности на каждом аспекте жизни в СССР. Именно из-за идеи так много известных коммунистов, как Николай Бухарин, Григорий Зиновьев, Карл Радек, Томский, Гамарник, Тухачевский и другие были подвергнуты к пыткам и лишены жизнью.

Вот почему честный гражданин Советского Союза, будь он военным или политическим деятелем, или государственным служащим, колхозником, ненавидит от всего своего сердца КГБ, зловещего наследника царской охраны. Именно КГБ широко использует двойников, доносчиков и других отбросов, завербованных среди советских граждан и иностранцев». «Посмотрите на длинный список руководителей ЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ, который я вам представил. Все они были унижены, расстреляны, ликвидированы или исчезли в борьбе за власть. Здесь не было никакой идеологической подоплеки». Лицо Филби стало маской со странным выражением, полным тревоги, страха, гнева и страдания. Мы остановились на время, чтобы выпить крепкое и затем Филби спросил: «Пожалуйста, расскажите опять, как советская разведка, согласно текущей доктрине ГРУ, обращается с иностранцами, работающими на нее».

«Следует знать, что существовала сильная фобия относительно иностранцев в России со времен татарского нашествия. На непродолжительное время правления Ленина фобия стала меньше и иностранные коммунисты, даже туристы, могли находить безопасное убежище в России, им могли доверять в какой-то мере и предлагать работу. Со времен чисток, однако, все изменилось. Ныне советская секретная служба видит в каждом иностранце шпиона. ГРУ, используя один предлог за другим, отозвало почти всех иностранных агентов и многих ликвидировало. Лишь более умные спаслись, оставаясь за границей». Таков был мой ответ и для усиления моих доводов я привел много конкретных фактов, касающихся данного вопроса. Мы опять выпили, и опять в глазах Филби замелькала тревога и страх. Явно такое состояние не было вызвано спиртным. Медленно потягивая виски с содой, я отметил про себя, как мало эти иностранцы знали о настоящем Советском Союзе. Дни пролетели почти незаметно. Филби и я завершили наши беседы. В последний день Филби спросил меня, не использовали ли турецкие власти все рассказанное мною. «Нет», ответил я. На самом деле, турки никогда не допрашивали меня. Разумеется, он спрашивали меня детально о том, что я делал в Турции, работая в качестве пресс-атташе и какие советские разведывательные сети действовали в Турции, но они не проявляли никакого интереса за пределами своей сферы».

Филби был обрадован этим. «Это замечательно!», сказал он.

«Службы разведки всегда ревнивы по отношению друг к другу и хотят всю информацию использовать сами», я заметил, потягивая виски. Наши разговоры пришли к концу. Я говорю «разговоры», поскольку наши встречи никогда не принимали вид формального допроса. Последний едва ли был возможен, поскольку я был слишком большой «рыбой» для такого рода разговора. Наши встречи были больше смесью дискуссий о разведке широкого масштаба и типа умно дирижируемого допроса. Филби не мог задавать экспертные вопросы по отношению к ГРУ, к его организации, доктрине, военным и политическим проблемам. Он не был профессионалом по этим вопросам. Однако, я могу сказать, что он был основателен и педантичен по вопросам контрразведки как в пределах СССР, так и вне его. Он проявил чрезвычайный интерес для того чтобы установить, насколько я знаю о советском шпионаже в Англии. Здесь он делал все свое лучшее, чтобы меня подогреть. Разумеется, я также старался выкладывать свое лучшее обо всем, что я знал об этих вещах, поскольку я хотел раскрыть весь масштаб повсеместного советского шпионажа, проводимого по всем каналам. Также, я надеялся, что в результате нашего сотрудничества в продолжение долгих бесед он мог бы мне помочь устроиться в Англии. Я говорил ему, что турки весьма любезны и защищают меня, но жизнь в Турции является жизнью в ссылке и я предпочел бы жить свободно в Европе и работать там в качестве профессионала в технической сфере.

Филби говорил мне, что устроиться в Англии невозможно и этот вопрос находится вне обсуждения. Он предложил, чтобы я продолжал жить в Турции, в ссылке или не в ссылке. Эта страна является для вас лучшим местом, сказал он, и вручил мне сумму, эквивалентную пятистам долларам в турецких лирах для покрытия моих личных расходов.

Больше я его не видел. Многие годы спустя я узнал, что Филби доставил лишь малую часть бумаг, которых он составил во время наших бесед, английской и американской разведкам. Важным фактом для того, чтобы помнить это, является то, что дело происходило в 1948 году, когда все в моей памяти было свежим. Я уверен, что он составил объемистые отчеты о результатах наших встреч и поспешно направил их русским хозяевам своей двойной жизни.

Ныне, когда все это раскрыто и проявлено, за что он в действительности стоял и кем он является, обо всем можно говорить. Он совершил, однако, другие смертельные ошибки. Как можно представить, чтобы он, допросив бывшего подполковника ГРУ, отправил домой лишь минимальную часть информации, полученную от него! Этим самым он загнал себя в ловушку и в конечном счете был пойман.

Годами позднее западный мир был шокирован и поражен раскрытием Филби. Советы предоставили ему гражданство и наградили орденом красного знамени. Такая награда обычно присваивается военным людям за храбрость на войне. Какой печальный комментарий был сделан КГБ награждением охотника за людьми домогаемым орденом! Филби представили как великого поборника «идеи».

Для меня, все это является не более, чем болтовней. Этот предатель никогда не воевал за идею. Он был и все еще есть слабовольный алкоголик. Действительными борцами за идеи свободы, демократии и человеческого достоинство, являются советские офицеры, которые бежали на Запад, порвали все связи с коммунистами и раскрыли всем отвратительную действительность советского полицейского государства. Другими действительными борцами являются современные советские писатели, поэты и те офицеры, которые требуют изменения советской системы. Старые большевики, которые боролись со Сталиным и испытали на себе все виды пыток в камерах Чека и КГБ, многие из которых были уничтожены из-за их убеждений, являются действительными борцами за идеи.

Филби был завербован в сеть контршпионажа ОГПУ под руководством печально известного Менжинского. Он был полон социалистическими мечтами. Будучи однажды пойманным в сеть КГБ, чтобы порвать с ним требуется чрезвычайная храбрость, мудрость, предвидение и глубокое понимание и симпатии к человеческому достоинству. Он тайно работал на советскую секретную полицию, которой руководили последовательно Феликс Дзержинский, Яков Петерс, Вячеслав Менжинский, Генрих Ягода, Николай Ежов, Лаврентий Берия, Сергей Круглов, Всеволод Меркулов и компания, все кровавые палачи советского народа.

Его третья жена Элеанора, женщина, с которой он завел связи, когда его вторая жена была на смертном одре, сказала о нем в своей книге «*Kim Philby: The Spy I Married*», «Он никогда не жаловался и никогда не уронил ни слова критики о советском образе жизни». А как он мог бы? Его критика никогда не достигла бы свободного мира. Он не свободен. Все, что сказано от имени Филби, является чистой пропагандой.

Чтобы полностью завершить круг, он уйдет в забвение, в пустую бездну своих бесконечных часов выпивки, как это делал Бёрджесс, чтобы составить компанию палачам, прихвостням, охотникам за головами, назовите их как хотите, презренным врагам несчастного советского народа, все еще жаждущего своей свободы.

МИР

Случилось одно хорошее событие, только одно, в которое я окунулся в то нелегкое время в начале 1949 года. Вновь были сняты ограничения до такой степени, что я мог ездить в Измир, когда хочу и находиться там, сколько хочу.

Как только дали такое разрешение, я отправился в этот прекрасный город на побережье с намерением побыть там до весны. Я хотел уйти от депрессии, которая тогда охватила меня.

Я находился на побережье лишь несколько дней и ко мне возвратился мой прежний дух. Я проводил часы в порту, наблюдая за причаливающими и отчаливающими кораблями, пассажирами многих национальностей, прибывающими и отплывающими, за загрузкой пенковых трубок, сигаретных мундштуков и турецкого табака, отгрузкой товаров бесконечных наименований со всех портов мира. Чем больше я наблюдал, тем больше чувствовал себя частью мира.

К этому времени мне было сорок пять, но я чувствовал себя гораздо моложе, вновь почти мальчиком. В таком настроении я радостно принял приглашение в дом моих друзей в Измире на вечеринку. Находясь здесь не долго, я увидел красивую девушку, сидящую на диване. Ее лицо одновременно напоминало лица славянки, татарки и турчанки. Она была брюнеткой, с таинственной улыбкой на губах и с темно-коричневыми глазами, которые словно были отражением теплых южных ночей. Ее осанка была благородной и ее фигура – привлекательной.

Я попросил, чтобы меня познакомили с ней. Она была очаровательной уже тогда, когда я увидел ее издали. Ее голос был мягким и нежным и имел сладость певички. Она была невозмутима и дала почувствовать меня как у себя дома, как только начала говорить. Ее звали Муаззез, что означает возлюбленная. Ее фамилия была Парлакес, означающий человека со сладким и блестящим голосом. На мой взгляд, она по праву заслуживала и имя, и фамилию.

Эта чудная и прекрасная молодая женщина была выпускницей Гази Тербия Института (учительский колледж) в Анкаре. Она была специалистом по английской классической литературе, но также была знакома с переводами великих русских писателей. Она не понимала ни одного русского слова, за исключением «да» и «нет». Ее английская речь была плохой, поскольку, как она сказала, «не имела возможности практиковаться для ее улучшения».

Я предложил свою помощь для совершенствования ее знаний обоих языков. Мы стали друзьями и виделись много раз зимой и весной 1949 года. В мае она приехала с визитом ко мне, в Манису. К тому времени я знал, что влюблен в нее. Я пригласил ее пойти к статуе Ниобе. Там я сделал ей предложение, которое она приняла.

Мы обручились, обменявшись кольцами, на маленькой семейной вечеринке в доме Муаззез в Измире 1 июня 1949 года. На этой вечеринке я познакомился с ее отцом, пожилым джентльменом с тонкими чертами, человеком, который много путешествовал по Ближнему Востоку и бегло разговаривал на арабском и персидских языках и мог много цитировать из произведений турецких и арабских классиков. Я также познакомился с ее матерью, Ихсан Ханум, с серебряными волосами и с выражением полной зрелой мудрости. Они приняли меня как своего сына. Я вновь приобрел дом после всех моих странствований. Наконец я вновь приобрел смысл жизни и нашел любимого человека, чтобы идти по жизни рядом с ней.

Это не было моей единственной удачей. Внезапно она пришла ко мне еще и еще. Почти перед нашим обручением я получил известие, что мне разрешается путешествовать по всей Турции, включая ее столицу, где, возможно, меня ожидала реальная работа.

И это, будто бы, не было достаточным, меня также оповестили, что моя просьба на предоставление гражданства рассматривается в положительном духе. Это было доказательством оказанного мне доверия. 6 августа 1950 года в Анкаре, через восемь лет после предоставления мне политического убежища, я стал турецким гражданином, согласно решению кабинета министров за номером 3/11678. Мне дали турецкий паспорт. Я мог ехать куда угодно в некоммунистическом мире по своему выбору. Наконец, я стал свободным человеком.

Когда я пишу эти строки, уже прошло сорок лет после моего побега в Стамбуле.

Жизнь моя была хорошей в свободном мире. Разумеется, я женился на Муаззез. У нас двое детей, Хусейн, названный так в честь моего отца и Айша, названная в честь бабушки моей жены. Через несколько лет после женитьбы на Муаззез мы эмигрировали в Западную Германию, где родился Хусейн. Позднее мы переехали в США, место рождения нашей Айши. Хотя наша дочь по рождению

американка, остальная часть нашей семьи также стала американской, согласно предоставленного нам гражданства.

Независимо оттого, каким образом мы получили наши гражданства, мы все четверо являемся настоящими американцами, разумеется, по скромным меркам. Муаззез в своей современной кухне с устремленным разложением мусора и другими трудосберегающими приборами, все еще варит хорошее турецкое кофе. После того, как наши дети закончили средние школы и затем поступили в колледжи, Муаззез, лингвист, занялась преподаванием. Айша является такой же американкой, как и все соседские девушки, за исключением того, что она научилась искусству средневосточной кухни у своей матери. После окончания университета Сан-Франциско, она стала учительницей английского языка и теперь замужем. Хусейн, в свои тинейджерские годы, испробовал много из того, что делают обычно все такие средние американские мальчики. Он уехал из дома на дальнее путешествие по южным морям и затем отправился пешком в Лос-Анджелес, где поступил в университет перед тем, как мы его там поймали. В конечном счете, он закончил Бостонский университет в 1973 году со степенью по антропологии. Затем он отказался от антропологии, став инженером гражданского строительства, и теперь строит дома. Что касается меня, то после интервью с Филби, меня в 1949 году основательно допрашивали официальные лица из ФБР, ЦРУ и Пентагона в Стамбуле. В 1950 году Муаззез и я переехали в Западную Германию, где я начал работать на Пентагон в качестве консультанта по различным советским военным вопросам. В 1953 году мы переехали в Соединенные Штаты, где я публично выступил с показаниями по двум случаям перед юридическим комитетом Сената, занятым расследованием советского шпионажа. Я также продолжил свою работу с военными вплоть до 1970 года, после чего вышел на пенсию.

Поскольку мне было уже почти пятьдесят лет, когда я получил американское гражданство, я, по-видимому, не такой типичный американец, как моя жена и дети, но, по меньшей мере, у меня имеется спортивный автомобиль с кондиционированным воздухом. Я вздрагиваю при мысли, что мог бы сказать мой отец по поводу такого избалованного средства передвижения!

На пенсии у меня есть время и возможности заниматься своими хобби в виде рыбной ловли, плавания и прогулки по близлежащим горам. Я также много читаю, пишу и путешествую.

Со времени переезда в Америку у меня были возможности пересечься вновь, посредственно или непосредственно, с некоторыми людьми, которые помогли мне во время ссылки в Турции. Я посетил Портера Моуги, который установил электростанцию в Манисе. Он уже не был на «Lima, Ohio, USA», он бросил профессию инженера для того, чтобы содержать большую ферму на Юге. В Денвере я разыскал Сулеймана Демиреля, молодого турецкого инженера, который дал мне работу в коллективе по анализу почвы. Он был направлен в этот город по гранту американского правительства для продолжения своего технического образования. Занимаясь этим делом, Демирель жил в маленькой однокомнатной квартире, где он сам выполнял большую часть работы по дому. Он привел в восхищение своего домовладельца сохранностью каждой стеклянной банки и каждого контейнера, в которых он упаковывал все свои купленные продукты. Они, по мнению молодого турка, были слишком хорошими, чтобы их выбрасывать. Демирель позднее стал премьер-министром своей страны.

Лишь однажды я наскочил на агентов из своего прошлого в качестве разведчика. Этот случай был довольно потрясающим, и я не хочу, чтобы такое повторялось. Несколько лет тому назад, после взлета самолета, на котором я путешествовал, я вдруг обнаружил группу советских граждан, сидящих через несколько рядов от меня. Один из них был человек ГРУ, который был моим помощником в ТАСС, служившим мне в качестве прикрытия в Берлине. С наших кресел мы смотрели друг на друга с тревогой. Он прошептал несколько слов своему русскому соседу. Я немедленно вступил в разговоры с соседями, которых совершенно не знал. Я немного испугался, подумав, что мой бывший помощник и его группа пришли за мной. Он также, по-видимому, испугался, что я и мои спутники могли быть за ним. Через нервный час или больше мы приземлились, чтобы расстаться в толпе, без всякого инцидента. Я никогда не знал, кто кого блефует, но позднее узнал, что мой бывший помощник был тогда советским послом на Кубе Кастро.¹

¹ По-видимому, речь идет об Александре Алексееве (иногда Александр Шитов), резиденте КГБ на Кубе, которого затем Н.С. Хрущев назначил туда же послом СССР. – В.М.

Через советскую прессу и периодику, доступную на Западе, я имел ограниченную информацию о том, что случилось с некоторыми более важными людьми из моего советского прошлого. Мехлис, комиссар Девятой Армии, который почти не отправил меня под трибунал, умер естественной смертью, что является одним из немногих исключений для людей с его прошлым и положением. Чуйков, который заступился за меня перед Мехлисом, стал всемирно известным за командование войсками во Второй мировой войне. Став маршалом Советского Союза, в послевоенное время служил в качестве одного из заместителей министра обороны и до своей смерти был командующим сухопутных войск Советского Союза и на должности, неизвестной мне.

Голиков, мой начальник в Управлении, также отличился во Второй мировой войне, сделавшись маршалом. За несколько лет до своей смерти он был начальником политуправления Советской Армии и Флота.

О моих непосредственных коллегах я знаю немного. На самом деле, я знаю лишь о том, что капитан Полякова, моя помощница в Четвертом отделе Управления, была уволена, поскольку была еврейкой. Что касается моего друга Бухтина, который своевременно предупредил меня, моего друга поменьше, Акимова, который не предупредил меня, нашего кэзэбешного оппонента Наумова, от которого я бежал, то они все бесследно исчезли. Я представляю, что все трое, друзья и враг, были среди тех русских, о которых турки рассказывали мне, как немедленно отбывших в СССР после моего побега. Бухтин и Наумов, вероятно, сразу после прибытия домой были подвергнуты чистке. Акимов, имеющий более твердый характер, возможно, выжил, но его карьера была обречена.

Из тех, кого коснулась моя судьба в Турции, лишь один посол Виноградов продолжал держаться на поверхности. Следующим его важным назначением за рубежом был после Анкары пост посла во Франции. Позднее его перевели в Каир, где он, должно быть, играл главную роль в советском проникновении в Объединенную Арабскую Республику и другие арабские страны, также внес свой вклад в развитие враждебности арабов по отношению к Израилю. Я полагаю, он имел приятные минуты разьяснения по поводу побега экипированных Советами египтян из Синайского полуострова, так же, как и по поводу моего побега. Ныне его уже нет в живых.

Мой продолжающийся интерес к этим людям из моего прошлого является не более чем интерес к судьбе одноклассников с их восхождениями вверх и спусками вниз. Он определенно не является ностальгией по стране моего рождения, поскольку для меня, татарина, она никогда не была моей родиной, а была русской страной. И со смертью Тamarы я потерял там единственного человека, которого мог назвать своим.

Тем не менее, невозможно было выжить в этой обширной стране моего рождения во время мук революции и сталинизма, не потеряв к ней интереса. Мои мысли заняты новым поколением старых и молодых писателей, которые, возможно, могли бы ее сделать более лучшей страной, чтобы там жить. И для меня, не новичка в США, сравнение между страной моего рождения и страной моего выбора всегда является постоянной величиной. Обе страны протянулись по континенту, обе являются неизмеримо богатыми. Обе страны вовлечены в дела всего мира и обе страны, одновременно, имеют свои внутренние проблемы. Главная разница между двумя этими сверхдержавами заключается в том, что каждый человек на всем земном шаре знает об американской внешней политике, в то время как очень немногие в советских верхах по-настоящему посвящены в советскую внутреннюю и внешнюю политику. Со всеми широко известными недостатками Америка является открытым обществом, постоянно находящимся в движении, в то время как Советский Союз остается закрытым обществом, сопротивляющимся к любым изменениям.

Правда, как американец, я расстроен тем, что жизнь у многих уходит впустую и без всякого просвета во многих уголках земли, в трущобах в американских городах, в борьбе чернокожих американцев и других меньшинств за гражданские права и равные возможности. Как бывший советский гражданин, я поражен протестами, жестокостями и временами сходными с коммунистическими методами обращения с этими проблемами. Я знаю, как Москва разрешала бы такие проблемы, в особенности, по отношению к меньшинствам. Я это знаю по своему горькому опыту в Советском Союзе.

Моим дням учебы приходит конец. Пришло также время учиться молодым в стране моего рождения и в стране моего выбора. *Alhamdulillah Rabb'i Alemin... Ihdina siratel mustakim!*